

ВИКТОР ДИЗЕНДОРФ

**К ИСТОРИИ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ**

Статьи и доклады последних лет

**РОТТЕНБУРГ
2009**

Содержание

ЕКАТЕРИНЕНШТАДТ: ВЗГЛЯД НА РОДИНУ ПРЕДКОВ ИЗ ЭНГЕЛЬССКОГО АРХИВА	3
О ПРЕДКАХ АКАДЕМИКА Б.В. РАУШЕНБАХА ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ	15
ЕКАТЕРИНЕНШТАДТСКИЕ КОРНИ ПИСАТЕЛЯ Б.А. ПИЛЬНЯКА	18
СОВЕТСКАЯ СТАТИСТИКА О НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ. Доклад на международной научной конференции. Саратов, май 2002 г.	20
О ЖЕРТВАХ ГОЛОДА 1921-22 И 1932-33 ГГ. СРЕДИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ И УКРАИНЫ	24
О ЧИСЛЕННОСТИ НЕМЦЕВ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГа (1939–1951 гг.)	36
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИЮ С ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1939-1941 гг.)	40
ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В 1941-1942 ГГ.: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ	53
ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В НАЧАЛЕ 1940-х ГГ.: МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ	66
МАРКСШТАДТЦЫ В ТРУДАРМИИ: БОГОСЛОВЛАГ, ТАГИЛЛАГ, УСОЛЬЛАГ, ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЙ	71
О ГЕНОЦИДЕ, ТРУДАРМИИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ И НАУЧНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ	105
О НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В 1989-93 ГГ. Доклад на международной научной конференции. Мамонтовка, ноябрь 2002 г. . .	112
О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОПРОЕКТАМ ПО ПРОБЛЕМАМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ	120
К СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ. Доклад на конгрессе Федералистского союза европейских национальных меньшинств. Бухарест, май 2005 г.	136

ЕКАТЕРИНЕНШТАДТ: ВЗГЛЯД НА РОДИНУ ПРЕДКОВ ИЗ ЭНГЕЛЬССКОГО АРХИВА

История Екатериненштадта – Марксштадта, крупнейшего немецкого населенного пункта в Поволжье и России/СССР в целом, давно привлекает внимание исследователей. Обращался к данной теме и автор этих строк, посвятив родине своих предков в 1991 г. газетную статью, а в 1994 г. – доклад на научной конференции.¹ Статья была основана на воспоминаниях моих близких и личных впечатлениях от первых поездок в нынешний город Маркс весной 1991 г., доклад, дополненный и размещенный на нашем сайте И.А. Гербером, – на доступной мне в то время литературе.

К сожалению, ни я, ни другие авторы публикаций о Екатериненштадте – Марксштадте практически не основывались на архивных материалах, без чего говорить о серьезном изучении истории, конечно же, не приходится. Мне давно хотелось восполнить этот пробел, и весной 2007 г. я, наконец, смог выкроить время для работы в Энгельсском архиве, где меня заинтересовала в первую очередь история Екатериненштадта – Марксштадта.

Как оказалось, в Энгельсском архиве «Немцы Поволжья» хранится огромное количество документов по интересовавшей меня теме, однако они разбросаны по множеству архивных фондов и дел. Для серьезной проработки всех этих материалов нужны месяцы, даже годы. Столько времени у меня в запасе не было, но выручило то, что сведения по дореволюционному Екатериненштадту сосредоточены в нескольких основных фондах, в первую очередь – в Фонде 341 (Екатериненштадтское волостное управление). Эти фонды я успел изучить довольно основательно, и потому моя нынешняя работа посвящена жизни Екатериненштадта до 1917 г.

Прежде всего, отмечу, что в архиве хранится несколько обзорных исторических справок, с содержания которых я и начну свое изложение.² Так, в этих документах утверждается, что первые немецкие поселенцы прибыли на место расположения своей будущей колонии 24 июня 1767 г., и с тех пор эта дата считается днем основания Екатериненштадта. Везли их по Волге из Костромы, где они провели предыдущую зиму.

Первоначально колония располагалась в южной части будущего Екатериненштадта – от Волги до улицы Александровской (в советский период и по сей день – улица Энгельса). Вокруг села возвышался земляной вал, предназначенный для защиты от набегов кочевых киргиз-кайсаков, т.е. казахов. Вал, называвшийся Kirgiserschanze («киргизское укрепление»), тянулся вдоль будущей улицы Прямой (ныне Бебеля). За валом был возведен деревянный забор с воротами и шлагбаумом, убраным только в 1851 г. Все дома в колонии, не считая одного кирпичного, были деревянными. Ее площадь составляла около 1 кв. км (для сравнения: в 1928 г. площадь Марксштадта была уже в 6 раз больше).

Первым колонистам выдавали от казны для обзаведения на одну семью: 2 лошади, корову, соху, борону, топор, железную лопату, бурав, русскую одноупряжную телегу, а также денежную ссуду и семенную пшеницу. Самые зажиточные колонисты смогли расплатиться с казенными долгами в 1795-1820 гг. Остальные продолжали

выплачивать в счет долга по 1 рублю с каждого работника ежегодно, пока к 1845 г. весь долг екатериненштадтцев не был погашен.

Первым форштегером (сельским старостой) колонии стал 37-летний Христиан Шпренгер, парикмахер из Дармштадта. Этому человеку явно не повезло: многие поволжские колонии были названы именами своих первых форштегеров, но Шпренгер такой почести не удостоился. Екатериненштадт решили назвать в честь российской императрицы – где уж было соперничать с ней простому гессенскому парикмахеру! С его далеким потомком Паулем Шпренгером, женатым на двоюродной сестре моего отца, я часто общался в Кемерово в 70-80-х годах. С последним екатериненштадтским форштегером мы находились в более близком родстве – им был мой дед Иоганн Адам Дизендорф.

Екатериненштадт издавна делился на 2 примерно равные части – северную (Unterstadt) и южную (Oberstadt). Эти названия могут показаться парадоксальными, ведь Unterstadt расположен выше по течению Волги, а Oberstadt – ниже. В действительности здесь все закономерно: Oberstadt находится на небольшом возвышении, Unterstadt – соответственно в низине. Их разделяла центральная улица Екатериненштадта, поначалу называвшаяся Reichstrasse, т.е. Государственной или Имперской. Позднее она получили название Steppenstrasse (Степная) – улица тянется от Волги в заволжские степи. А в советские времена центральная улица, как и подобало, удостоилась имени Ленина, которое она носит и поныне.

Указанное разделение имело и конфессиональную подоплеку: лютеранские жители Екатериненштадта чаще селились в его южной части, а реформатские (кальвинистские) – в северной. Поскольку все известные мне предки жили в Unterstadt, я прихожу к выводу, что они изначально были в основном кальвинистами, а не лютеранами. Эта грань окончательно стерлась лишь в 1905 г., когда объединились два местных евангелических прихода – Süd-Katharinenstadt (лютеранский) и Nord-Katharinenstadt (реформатский).

На 1 мая 1798 г. в Екатериненштадте насчитывалось уже 164 семьи, состоявших из 606 человек. Кроме того, здесь временно проживали 54 семьи (127 человек). Среди постоянных жителей было 96 лютеранских семей (59%), 38 реформатских (23%), 30 католических (18%).

Профессиональный состав трудоспособного населения был очень необычным для земледельческой колонии: рабочих – 191, крестьян – 145, ремесленников – 46. Но в том-то и дело, что Екатериненштадт, как свидетельствует уже его название, был задуман в качестве городского, а не сельского поселения. Эти амбициозные и совершенно нереалистичные планы обернулись драмой для его некрестьянского населения, которое поначалу составляло здесь подавляющее большинство. Только десятилетия спустя проблема, так или иначе, разрешилась – «лишние люди» постепенно переквалифицировались в крестьян, разъехались (в основном в близлежащий Саратов) или попросту умерли.

К началу 1842 г. население Екатериненштадта возросло до 2764 чел., т.е. в 4,6 раза по сравнению с 1798 г. К этому периоду в Екатериненштадте получило развитие не только сельское хозяйство, но и садоводство, табаководство, а также пчеловодство. В колонии насчитывалось 29 садов, где было в общей сложности 1050 деревьев, и 46 ульев, давших 10 пудов меда. В тот год екатериненштадтцы произвели 21722 пуда табака.³

В середине XIX в. в Екатериненштадте произошли сразу 2 знаменательнейших события – возведение кирпичной евангелической церкви Св. Троицы на 1480 мест, освященной 20 мая 1851 г., и открытие памятника Екатерине II. Они не случайно практически совпали по времени: памятник был сооружен на месте деревянной

евангелической церкви, построенной совместно лютеранской и реформатской общинами еще в 1807 г., заметно обветшавшей с годами и недостаточно вместительной. В Энгельсском архиве хранится объемистая рукописная книга, описывающая возведение памятника императрице. Оттуда можно проследить этот процесс во всех деталях.⁴

Идея сооружения памятника была выдвинута крупными землевладельцами и священниками Екатериненштадта в январе 1847 г. Для определения места изготовления и стоимости памятника в Москву и Петербург был направлен представитель землевладельцев Петр Иванович Липперт, сын колониста-первопоселенца Иоганнеса Липперта, выходца из близлежащей колонии Боаро. После возвращения Липперта и было решено установить памятник на месте старой евангелической церкви.

В течение всего лишь месяца инициаторы собрали более чем достаточную сумму – 14492 руб. 83 коп. серебром. Колонисты относительно умеренного достатка внесли до 100 руб., а крупные землевладельцы (Миллер, Зейферт и сам Липперт) – по 1000 руб. В одном Екатериненштадте было собрано на 1 ноября 1848 г. 4403 руб. 90 коп. Свою скромную лепту в эту сумму внесли и два моих предка, прапрапрадед Якоб Глейм и прапрадед Конрад Шауфлер, пожертвовавшие из своих, очевидно, невысоких доходов по 1 руб. – не столь уж малые деньги по тем временам.

6 мая 1849 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев сообщил Саратовской конторе иностранных поселенцев, что 2 мая Николай I «Высочайше повелеть соизволил разрешить сооружение сего монумента». В комиссию по его возведению были назначены представители колоний Екатериненштадт, Динкель, Каменка, Красный Яр. Председателем комиссии стал П.И. Липперт. Весной 1850 г. он решил вопрос об изготовлении памятника в Петербургской Академии Художеств. Заведующий литейной мастерской при АХ, прославленный скульптор П.К. Клодт, получил за эту работу 5500 руб. серебром.

25 августа 1851 г. памятник был доставлен по Волге в Екатериненштадт, а 5 октября его установили на место. Молитвенную речь произнес при этом екатериненштадтский реформатский пастор Г. Томас. 26 апреля 1852 г. министр Киселев выразил согласие на торжественное открытие памятника 25 июня.

При этом событии присутствовали более 20 тысяч гостей из многих немецких колоний. После исполнения гимна Российской империи «Боже, царя храни» певчие и девочки пропели будущий полуофициальный гимн Германской империи «Heil Dir im Siegeskranz». Затем выступили К.Ф.Г. Конради и А.К.А. Аллендорф – евангелические пробсты соответственно Нагорной и Луговой стороны Поволжья. После этого певчие исполнили евангелический хорал «Nun danket alle Gott». Далее выступил декан римско-католической церкви, певчие пропели «Боже, царя храни», а затем оркестр заиграл российский духовный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» Д.С. Бортнянского.

Фонды Энгельсского архива содержат обширные сведения о составе жителей Екатериненштадта, а также их рождаемости и смертности. Обратимся, прежде всего, к сословной структуре жителей в 1887 г.⁵ К этому моменту общая численность населения колонии составила 8720 человек, превысив уровень 1842 г. в 3,2 раза. Подавляющее большинство жителей составили при этом поселяне-собственники (бывшие колонисты) – 8192 человека (94%). Оставшаяся часть пришлась на военных (отставных, запасных, солдатских жен и детей) – 225 человек, временно проживающих государственных крестьян – 135, мещан – 51, иностранных подданных – 25, духовенство – 23, дворян – 19, а также прочих лиц перечисленных сословий – 50.

К духовенству принадлежали 5 священнослужителей – 2 евангелических (братья Г.Г. Келлер и И.Т. Келлер, соответственно лютеранский и реформатский пасторы), 1 католический (патер Г. Рислинг), 2 православных.

Жители евангелического исповедания насчитывали 6420 человек (73,6%), католического – 2075 (23,8%), православного – 225 (2,6%).

К 1894 г. общая численность населения возросла до 9639 человек или на 10,5%, причем доля евангелической, католической и православной частей составила соответственно 72,8%, 23,7%, 3,5%.⁶ Как видим, удельный вес католиков практически не изменился, а православных – несколько возрос за счет лиц евангелического исповедания.

На 1899 г. число жителей Екатериненштадта перевалило за 10-тысячную отметку – 11031 человек или на 14,4% выше уровня 5-летней давности. Для села, даже крупного, это было уже многовато, но до 1917 г. Екатериненштадт так и сохранял свой сельский статус. Жители евангелического исповедания составили теперь 8044 человека (72,9%), католического – 2640 (23,9%), православного – 347 (3,1%). Следовательно, за 12 истекших лет доля лиц отдельных конфессий осталась почти неизменной.

Однако данные учета самих церковных общин рисуют несколько иную картину: на 1 января 1899 г. в евангелической общине состояли 6452 человека, в католической – 2173. Таким образом, общины «недосчитались» по сравнению с официальной численностью соответственно 19,8% и 17,7% лиц данных конфессий. Это, очевидно, связано с тем, что прием в общину осуществляется в этих конфессиях не с момента крещения, как у православных, а только после обряда конфирмации, который в то время производился в 13-14 лет.

Интересны и данные общин о числе рожденных за 1899 г.: в евангелической – 409 человек (5,1% от общего числа лиц данного исповедания), в католической – 111 (4,2%).⁷ Здесь прослеживается закономерность, давно известная историкам российских немцев: у протестантов рождаемость была выше, чем у католиков, а семьи – более многодетными. Это находит подтверждение и в том, что доля детей до 13-14 лет была у екатериненштадтских католиков несколько ниже.

К 1913 г. общее число жителей увеличилось до 17837 человек, т.е. на 61,7% по сравнению с 1899 г. Аналогичная картина наблюдалась и в других немецких селах Поволжья – люди как бы заранее восполняли громадные демографические потери грядущих лет. Примечательны и существенные сдвиги в конфессиональном составе населения: лютеране – 65,8%, католики – 20,6%, православные – 13,6%.⁸ Эта тенденция отражает усиленный приток в Екатериненштадт русских и украинцев в связи с заметным развитием промышленности, ремесла, торговли, сферы обслуживания, а также уже отмеченное отставание католиков от лютеран по естественному приросту населения.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., очень скоро прервала неуклонный быстрый рост местного населения. На 1 января 1916 г. здесь было зарегистрировано максимальное число жителей за весь период существования Екатериненштадта – Марксштадта как немецкого населенного пункта – 17946 человек, что, однако, практически означало стагнацию на уровне 1913 г. (рост всего на 0,6%).

Уже в 1916 г. в Екатериненштадте, переименованном к тому времени в Екатериноград, наблюдается резкое падение рождаемости (у лютеран – до 4,0%, у католиков – до 2,4%) в сочетании с высокой смертностью (соответственно 2,4% и 1,3%). Эта тенденция дополнялась высокой общей убылью населения: в 1916 г. в Екатериненштадт прибыли 640 немцев, а убыли отсюда 2832. Правда, у русского (точнее, православного) населения это явление было не столь заметно – соответственно 271 и 252 человека.

Причины этих изменений понятны: с началом войны многие мужчины были призваны в армию, ухудшилось питание населения. Последнее явление, видимо, и объясняет очень высокий отток немцев: они уезжали в другие немецко-поволжские

села, где у многих были родственники и продовольственная проблема стояла не столь остро, как в урбанизированном Екатериненштадте. В итоге к началу 1917 г. здесь осталось всего 15773 жителя, т.е. на 12,1% меньше, чем годом ранее, а доля русского населения возросла за это время с 13,4% до 15,3%.⁹

Наконец, в 1917 г. негативные демографические тенденции стали еще заметней. Так, рождаемость составила у немецких жителей 3,1%, смертность – 3,0%, а у русских эти два показателя практически сравнялись – по 1,2%.¹⁰

Некоторое представление о внешнем виде Екатериненштадта дают сведения о численности и характере его зданий и сооружений. Так, на 1887 г. здесь насчитывалось: 885 жилых домов (деревянных – 725, каменных – 44, обложенных кирпичом – 44, полукаменных – 37, глинобитных – 35), 490 летних кухонь (деревянных – 410, глинобитных и плетенных – 80), 695 деревянных амбаров (в селении – 465, на пристани – 230), 720 конюшен (деревянных – 660, глинобитных и плетенных – 60).¹¹

Екатериненштадт был в основном деревянным, и в этом он мало чем отличался от небольших российских городов того периода. Его выделяло, однако, множество амбаров на пристани – наглядное свидетельство того, что Екатериненштадт стал крупным центром торговли зерном.

Правда, основное занятие его жителей составляла все-таки не купля-продажа зерна, а его производство. К 1894 г. екатериненштадтцы имели 13500 десятин пахотной земли, 8330 из которых было засеяно зерновыми. Незасеянные 5170 десятин были оставлены под паром, а также использовались для покосов и выпаса скота.¹²

Потому большинство екатериненштадтцев держали лошадей. В 1898 г. из 874 дворов безлошадными были только 347 и не имели никакого скота 50. Эта часть жителей явно не занималась сельским хозяйством. Остальные держали лошадей в заметном количестве: 1 лошадь рабочего возраста – 99 дворов, 2-4 лошади – 247, более 4-х – 131.¹³

Наряду с сельским хозяйством, в Екатериненштадте получили распространение различные ремесла. На 1887 г. здесь постоянно или временно работали 172 ремесленника: 25 сапожников, 24 столяра, 20 колесников, по 15 кузнецов, печников и портных, 12 валяльщиков, 10 бондарей, 8 слесарей, по 5 ведерников и 5 картузников, по 4 шорника и жестянщика, по 2 сыромятника, овчинника, красильщика, медника, переплетчика. 65 ремесленников, т.е. более трети из них (колесники, кузнецы, валяльщики, слесари, шорники, сыромятники, овчинники, красильщики), имели непосредственное отношение к обслуживанию сельского хозяйства или переработке его продукции.¹⁴

Со временем в Екатериненштадте возникало все больше промышленных заведений – заводов и фабрик. В 1887 г. самым крупным среди них по обороту (5000 руб.) был пивоваренный завод прусского подданного Г.В. Шейдера, имевший 5 мастеровых и рабочих. Далее следовали: механическое заведение Ф.Ф. Шефера (2500 руб., 11 чел.), кирпичные заводы И.Я. Вильгельми и А.Х. Лемана (по 1250 руб. и 6 чел.), мыловаренный завод И.Я. Вильгельми (500 руб., 2 чел.), овчинное заведение, арендованное М. Колпаковым (400 руб., 5 чел.), овчинное заведение Г. Малышова (300 руб., 3 чел.), горшечное заведение П. Ротэрмеля (50 руб., 2 чел.). Как видим, в промышленности трудились на тот период всего 40 мастеровых и рабочих, т.е. 0,5% екатериненштадтцев.¹⁵ Однако это было только начало.

К 1916 г. ситуация существенно изменилась. К этому времени в Екатериненштадте функционировал целый ряд предприятий, довольно крупных по тогдашним меркам: Фабрика земледельческих машин и орудий и чугунолитейный завод Торгового дома «Ф.Ф. Шефер с братьями и К^о» – 287 мастеровых и рабочих, паровая мельница Торгово-промышленного товарищества – 123, механическо-

столярная фабрика И.Д. Триппеля – 46, паровая мельница Ф.Ф. Альтаха – 28, паровая мельница и лесопилка Товарищества «Мейзингер и Райт» – 24, паровая мельница и лесопилка Торгового дома братьев Сабельфельд – 19, завод фруктовых вод М.П. Шейдера – 2, а также кирпичные заводы Л.Л. Виншу и Л.Е. Гензе. В целом на данных предприятиях были заняты 529 мастеровых и рабочих, что составило почти 3% жителей Екатериненштадта – совсем немало по тем временам, тем более для сельского поселения.¹⁶

Особое место среди местных фабрик и заводов принадлежало фабрике Ф.Ф. Шефера – самому крупному промышленному предприятию не только в Екатериненштадте, но и во всех немецких поселениях Поволжья. Начало предприятию положила слесарная мастерская с литейным отделением Ф.Н. Шефера, основанная 13 мая 1880 г. В ноябре 1880 г. она перешла во владение Ф.Ф. Шефера с братьями, а в 1882 г. была преобразована в фабрику земледельческих машин и орудий, которая с 1890 г. по 23 марта 1918 г. принадлежала Торговому дому „Ф.Ф. Шефер с братьями и К^о“.

Этому предприятию, переименованному в 1922 г. в фабрику «Возрождение», а в 1932 г. – в завод «Коммунист», отдал почти полтора десятилетия мой отец, Фридрих Адамович Дизендорф (1904-1978). Он устроился сюда «корреспондентом» (т.е., видимо, курьером) 1 ноября 1926 г.,¹⁷ к 27 сентября 1938 г. дослужился до должности заместителя главного бухгалтера и был уволен в этом качестве 1 сентября 1941 г., за 4 дня до изгнания нашей семьи из Марксштадта, «на основании Президиума Верховного Совета Союза ССР» (так гласит запись в трудовой книжке отца, хранящейся у меня).

Заметное развитие получила в Екатериненштадте и система образования. Начало было весьма скромным: так, в 1844 г. здесь функционировали всего 2 церковно-приходские школы – евангелическая и католическая, где насчитывалось 3 учителя и 590 учеников.¹⁸

На 1887 г. в этих школах было почти столько же учащихся – 616 (в евангелической – 434, католической – 182). Однако к этому моменту в Екатериненштадте появились также земская школа, где обучалось 70 мальчиков, частное учебное заведение 1-го разряда – 39 учеников, детский приют – 33 воспитанника. В Екатериненштадте преподавали и частные учителя: М.И. Эмих – 63 ученика, И.Д. Эмих – 47, Ф.В. Вейдель – 5.¹⁹

Обширные сведения о состоянии системы образования в Екатериненштадте на 1906 г. собрал лютеранский пастор И. Эрбес, в прошлом – учитель начальной школы. По его данным, из 1869 здешних детей школьного возраста (7-15 лет) около 500 не могли учиться из-за нехватки школ.

Тем не менее, в Екатериненштадте насчитывалось немало разнообразных учебных заведений, включая центральное училище (открыто в 1859 г.), где на тот момент было 8 учителей, в т.ч. 4 немца – Э. Штоль, Д. Шульд, Л. Шмидт, а также лютеранский пастор П. Кульберг, и обучалось 146 мальчиков. Кроме того, здесь функционировали 3 земские школы, насчитывавшие соответственно 110 учеников (учителя И. Маттерн, А. Вейлерт, Ю. Фишер, П. Вейнцеттель), 95 учеников (А. Шауфлер, А. Лоос, П. Вейнцеттель), 98 учеников (А. Асмус, Н. Дизендорф, Ю. Фишер, П. Вейнцеттель), церковная школа с 467 учениками (Р. Нагель, Д. Шумахер, А. Эмих), частная школа со 120 учениками (учитель-немец Я. Штолль). При этом трое из перечисленных учителей преподавали религиозные дисциплины: Ю. Фишер и А. Лоос – лютеранские, П. Вейнцеттель – католические.²⁰

Наконец, на 1916 г. в Екатериненштадте функционировали: центральное училище – 106 учеников-мальчиков, лютеранская и католическая церковная школы –

420 и 165 учеников, 4 земские школы – 223, 115, 182 и 186, министерское училище – 123, детский приют – 80, женская и мужская гимназии – 239 и 250.²¹

* * *

Повествование об истории любого населенного пункта не может быть полным без обращения к судьбам конкретных людей, которые там проживали. В случае с Екатериненштадтом мне, естественно, хотелось сделать это на примере своих предков, часть которых была в числе первопоселенцев этой колонии. Вопрос состоял лишь в том, удастся ли найти в Энгельсском архиве достаточно документов, позволяющих написать об этом.

Результат превзошел все мои ожидания: я встречал упоминания о своих предках сплошь и рядом. Дело не в том, что они были в Екатериненштадте особо видными людьми. К таковым из моих предков можно отнести разве что деда Адама Дизендорфа и прадеда Корнелиуса Шауфлера, в разное время бывших соответственно старостой и заместителем старосты Екатериненштадта. Во многих архивных документах приводятся различные сведения обо всех тамошних домовладельцах.

Начну с именного списка домовладельцев и домохозяев Екатериненштадта, составленного в конце 1896 г. Из него явствует, что в то время на улице № 8 (нумерация велась со стороны Волги) к числу домовладельцев и домохозяев принадлежали мой прапрадед Христиан Яковлевич Глейм, все прадеды – Давид Христианович Глейм, Корнелиус Конрадович Шауфлер, Николай Иванович Лоос, Христиан Адамович Дизендорф, и дед Адам Христианович Дизендорф.

Читаю этот документ и вижу идиллическую картинку: 4 моих прадеда, хорошо знавших друг друга, о чем-то беседуют по-соседски в то баснословное для меня время. Поясню, что речь идет об улице, носившей до 1917 г. название Endestrasse (Крайняя), а в советский период и по сию пору – Рабочая.

Эта информация вызывает у меня подозрение, что мои предки были глубоко консервативными людьми – ведь они выбирали себе жен из числа ближайших соседок, не удосуживаясь заглянуть в поисках невест хотя бы на соседнюю улицу. К счастью, никто из перечисленных мной предков уже не узнал, что 5 сентября 1941 г. их потомкам придется покинуть родную улицу навсегда.

А вот еще один довольно любопытный документ, составленный в 1870 г. В нем перечислены семьи, относившиеся к евангелическому приходу Nord-Katharinenstadt. Среди них – семьи моих прапрадедов Иоганна Лооса и Христиана Глейма, а также прадеда Христиана Дизендорфа. В семье Х. Глейма указан 1 сын-школьник. Это, очевидно, 9-летний Иоганн Левин, младший брат моего прадеда. Стало быть, сам прадед Давид Глейм в свои неполные 15 лет школу уже не посещал – увы, более чем типичное явление для немецких колонистов Поволжья. В семье Х. Дизендорфа с образованием все было тоже в пределах тогдашних норм: его единственный сын-школьник – это мой 9-летний дед Адам.²²

Список домохозяев, датированный концом 1894 г., содержит подробную информацию о тогдашнем имущественном положении моих предков.²³

Большая семья прапрадеда Христиана Глейма состояла в то время из 5 работников и 3-х неработающих. В число работников входили, очевидно, мои прадед Давид и 16-летний дед Карл. Семья имела немало скота: лошадей и верблюдов – 4, корову – 1, овец и коз – 4, свинью. Земельный надел составлял 15,75 десятин, из которых семья в 1894 г. засеяла 11: озимыми – 2, яровыми – 9. Урожай составил в тот год 435 пудов: озимых – 120, яровых – 315. Как видим, урожайность озимых оказалась заметно выше – весьма характерное явление для засушливого Поволжья. В 1894 г. семья выплатила различных денежных сборов на 20 руб. 81,75 коп. На начало года за ней числились общественный долг в 65 руб. 70 коп., а также недоимка хлебозапасному

магазину (складу) – 2 четверти 7 четвериков озимого хлеба (четверть – мера объема зерна, соответствующая 209,9 литров; четверик – 1/8 четверти) и 2 четверти 6 четвериков ярового. В течение 1894 г. был возвращен только яровый хлеб – видимо, год был для семьи в хозяйственном отношении не слишком удачным.

Если эта семья вела солидное крестьянское хозяйство, то о семьях остальных моих предков, упомянутых в документе, этого никак не скажешь. Так, семья прадеда Николая Лооса, где было 6 работников и не было неработающих, имела совсем немного скота: лошадей и верблюдов – 1, корову, мелкого рогатого скота – 1. Обладая наделом в 22,5 десятин, семья ничего не засеяла: как мы увидим чуть ниже, прадед был не крестьянином, а профессиональным мясником. За год семья выплатила денежных сборов на 6 руб. 85,5 коп.

Семья другого прадеда, Корнелиуса Шауфлера, состоявшая из 7 работников и трех неработающих, имела лишь двух коров и свои 11,25 десятин земли не засеяла. За год семья выплатила денежных сборов 3 руб. 83,5 коп. Насколько мне известно, этот мой прадед тоже не был крестьянином – он, по некоторым сведениям, торговал зерном.

Семья деда Адама Дизендорфа (прадед Христиан к тому времени уже умер), напротив, крестьянствовала. Однако к данному моменту дед, по всей видимости, уже переключился на другой вид деятельности – аренду и обслуживание постоянного двора, о котором у нас еще будет идти речь. Во всяком случае, в 1894 г. семья деда, имея 4-х работников и 7 неработающих (к этому времени у деда с бабушкой, насколько я знаю, уже родилось 8 детей, один из которых, правда, сразу же умер), вообще не держала скота и не засеяла свои 6,75 десятин земли. Положенных денежных сборов семья не выплатила, и в итоге ее общественный долг возрос за год с 43 руб. 53 коп. до 44 руб. 54,25 коп.

По договору от 26 января 1896 г. моему прадеду Николаю Ивановичу Лоосу была сдана в аренду на 3 года мясная лавка. Арендная плата составляла 261 руб. 30 коп. в год, вносить ее нужно было 1 января и 1 июля каждого года.²⁴ Постановлением малого сельского схода Екатериненштадта от 1 мая 1899 г. прадеду и еще двум мясникам отвели по их просьбе на летний период пастбище для убойного скота за р. Караман (речь шла, очевидно, о реке Малый Караман – Большой Караман находился слишком далеко от Екатериненштадта) при условии незамедлительного внесения арендной платы в 130 руб.²⁵

Другой мой прадед, Корнелиус Конрадович Шауфлер (1843-1918), выделялся на общественном поприще. С 30 мая 1896 г. он в течение 3-х лет занимал выборную должность кандидата к сельскому старосте – в наши дни его называли бы вице-мэром Екатериненштадта.²⁶

14 июня 1902 г. екатериненштадтский сельский сход постановил незамедлительно перестроить общественные хлебные магазины (склады), перенеся их при этом на другое место. На эти нужды было безвозвратно ассигновано из общественных сумм 2300 руб. Уполномоченными и подрядчиками при выполнении данной работы были назначены прадед и еще один односельчанин. Уполномоченным выделили суточное вознаграждение по 25 руб.²⁷

Наконец, 2 апреля 1908 г. тот же сельский сход постановил: «Для присутствия при разборе дел по Закону 9 ноября 1906 г. у г. Местного Земского начальника, избрать из нашей среды ... в понятияе ... 4) Корнелиуса Конрадова Шауфлера ... людей благонадежных и с хорошим поведением».²⁸

Речь шла о знаменитом законе, положившем начало столыпинской аграрной реформе. Надо сказать, что на первых порах реализация этого закона протекала в Екатериненштадте, как и в других местах, ни шатко, ни валко. Консервативные немецкие и прочие российские крестьяне в основной своей массе не желали коренных

аграрных реформ. Протоколы заседаний екатериненштадтского сельского схода того периода пестрят немотивированными отказами в ходатайствах о выделении земельного надела из общины согласно данному закону. Подобный «отлуп» получил от односельчан 8 февраля 1908 г. и мой прадед Николай Иванович Лоос.²⁹ Вот и пришлось властям обратиться за содействием к наиболее авторитетным людям из числа членов местного сельского схода.

К 1901 г. семья моего прадеда Давида Глейма состояла из 5 человек: сам прадед – 45 лет, прабабушка Доротея (урожденная Вормсбехер) – 45 лет, их дети: Карл (мой дед) – 22 года, Лидия – 16 лет, Фридрих – 12 лет. На каждую мужскую душу в Екатериненштадте выделялось тогда по 1 десятине 620 сажень наделной земли. Соответственно семья имела 3 дес. 1860 саж., держала 5 лошадей, корову, 1 голову мелкого рогатого скота. Однако работников у них было всего два (прадед и дед), и на остальных трех членов семьи (едоков) прадед запросил продовольственную ссуду – 8 пудов озимого зерна. Она была предоставлена в феврале (2 пуда), марте (3 пуда) и апреле (3 пуда) 1902 г.³⁰

В 1902 г. семья прадеда имела 3-х лошадей, 3-х жеребят, корову, козу. В то время екатериненштадтцы выплачивали обществу выгонные и пастушеские деньги: за корову – соответственно 50 коп. и 25 коп. в год, за жеребенка – 50 коп. и 351/3 коп., за козу – 10 коп. и 12,5 коп., за лошадь – 1 руб. (только выгонные, т.к. лошадей организовано не пасли). В итоге прадед должен был внести 5 руб. 60 коп. выгонных и 1 руб. 68,5 коп. пастушеских. Кроме того, екатериненштадтцы вносили выкупные платежи (по 30 коп. с облагаемой души), земский сбор (по 20 коп.), мирской сельский сбор. Эти платежи составили у прадеда 60 коп., 55,25 коп. и 2 руб. 5,25 коп.³¹

Семье другого моего прадеда, Николая Лооса, где были 2 мужские души, принадлежало в 1902 г. 2 дес. 1240 саж. наделной земли. Вненаделной земли прадед приобрел гораздо больше – 50 дес. Он имел лошадь и корову, и с него причиталось 1 руб. 50 коп. выгонных и 25 коп. пастушеских денег.³²

Семье прадеда Корнелиуса Шауфлера, где были 4 облагаемые души, предстояло внести в 1902 г.: выкупные платежи – 1 руб. 20 коп., земский сбор – 80 коп., мирской сельский сбор – 75,5 коп.³³

В семье деда Адама Дизендорфа, состоявшей из 5 мужских душ, было в 1902 г. 5 дес. 3100 саж. наделной земли. Кроме того, семья имела 50 дес. вненаделной земли. Из скота они держали только корову, внося за нее 50 коп. выгонных денег и 25 коп. пастушеских. Выкупные платежи семьи составляли 1 руб. 50 коп., земский сбор – 1 руб., мирской сельский сбор – 84,75 коп.³⁴

К 1906 г. семья моего прадеда К.К. Шауфлера насчитывала 4 души и имела земельный надел в 10,8 дес. За этот год ей нужно было выплатить: государственных и земских сборов – 2 руб. 96 коп., мирских и сельских сборов – 76 коп., выгонных денег – 50 коп., пастушеских денег – 87 коп. При этом выгонные и часть пастушеских (71,5 коп.) было предписано внести к 15 октября 1907 г. Прадед сделал это загодя – 29 августа, а полностью покрыл платежи в 5 руб. 9 коп. 7 ноября.³⁵

В семье деда А.Х. Дизендорфа (5 душ, 13,5 дес. земли) платежи составили соответственно 3 руб. 70 коп., 95 коп., 50 коп., 87 коп. Выгонные деньги и 71,5 коп. пастушеских дед внес уже 2 ноября 1906 г., а всю сумму в 6 руб. 2 коп. – 28 февраля 1907 г.³⁶

Семья прадеда Д.Х. Глейма (3 души, 8,1 дес.) должна была внести 2 руб. 22 коп., 57 коп., 10 р. 80 коп., 4 руб. 67 коп. Кроме того, за прадедом числилась недоимка: 10 руб. долга за счет продовольственной ссуды, полученной в 1906/07 г., 10 руб. выгонных, 3 руб. 49 коп. пастушеских. Вся сумма 41 руб. 75 коп. была внесена прадедом 10 сентября 1907 г.³⁷

В семье прадеда Н.И. Лооса (4 души, 10,8 дес.) платежи составили в 1906 г. 2 руб. 96 коп., 1 руб. 6 коп., 1 руб. 60 коп., 1 руб. 1 коп. В 1907 г. семья должна была внести: мирских и сельских сборов – 1 руб. 61 коп., выгонных – 1 руб. 70 коп., пастушеских – 1 руб. 16,5 коп. Всю двухгодичную сумму 11 руб. 10,5 коп. прадед внес 11 сентября 1907 г.

Отмечу также, что эта семья была двухконфессиональной – 2 из 4-х указанных душ в ней представляли католики.³⁸ В данной линии моих предков (и только в ней) уже встречалось это редкостное в ту пору явление: наш родоначальник, лютеранин Карл Лоос, был женат на католичке Катарине Маргарете Нульгас.

В 1914 г. семье моего прадеда К. Шауфлера (4 души) предстояло внести: государственного поземельного налога – 1 руб. 35 коп., земских сборов – 23 руб. 8 коп., мирских волостных сборов – 2 руб. 49 коп., мирских сельских сборов – 2 руб. 48 коп. У деда А. Дизендорфа (5 душ) эти платежи составили 1 руб. 68,75 коп., 28 руб. 85 коп., 3 руб. 11,25 коп., 3 руб. 10 коп., у прадеда Д. Глейма (3 души) – 1 руб. 1,25 коп., 17 руб. 31 коп., 1 руб. 86,75 коп., 1 руб. 86 коп.³⁹ Прадеда Н. Лооса к этому моменту уже не было в живых.

В 1914 г. моим предкам пришлось вносить и пожарный сбор (по 4 коп. за строение стоимостью в 100 руб.). У прадеда К. Шауфлера строения были оценены по ипотечной книге в 1540 руб., и пожарный сбор с них составил 62 коп., у деда А. Дизендорфа – соответственно 920 руб. и 37 коп., у прадеда Д. Глейма – 700 руб. и 28 коп.⁴⁰

Как видим, екатериненштадтский «частник» все более явственно «трещал под налоговым прессом» – уже за 10 с лишним лет до того, как на это явление обратили внимание писатели-сатирики И. Ильф и Е. Петров.

Самая поздняя информация о хозяйственных делах предков, обнаруженная мной, относится к июлю 1917 г. На тот момент у семьи прадеда Д. Глейма, состоявшей из 12 человек, было 33 дес. надельной земли, 7 лошадей, 4 коровы, 10 свиней, 4 головы мелкого рогатого скота. В преимущественно некрестьянской семье деда А. Дизендорфа земли и скота имелось заметно меньше, хотя размер семьи превосходит всякое воображение – 21 человек! К этому моменту громадная патриархальная семья деда уже лишилась хозяйки дома (моей бабушки Елизаветы не стало 3 июня 1917 г.), но были живы 11 их совместных детей, включая моего 13-летнего отца. Так вот, у деда Адама было в то время 28 десятин земли, 2 лошади, 5 коров, 12 свиней, 2 головы мелкого рогатого скота.⁴¹

И в заключение – еще несколько слов про самого именитого из моих предков, деда Адама Христиановича Дизендорфа (1861-1934). Мой дед был активным и дельным человеком в самых разных сферах.

Так, с апреля 1910 г. по октябрь 1913 г. он занимал выборную должность сельского старосты Екатериненштадта, с августа по октябрь 1915 г. был кандидатом в старосты, а с ноября 1915 г. по май 1917 г. – вновь сельским старостой. На посту главы администрации Екатериненштадта (Екатеринограда) моего старорежимного деда сменил уже ставленник новых властей, председатель Екатериноградского сельского исполнительного комитета Яков Иванович Бельц.

Затрудняюсь сказать, что представлял собой этот первый «постреволюционный» орган управления Екатериненштадтом. Я встречал упоминание о нем только в № 1 местной газеты «Колонист», где лаконично сообщалось, что 3 марта 1917 г. в Екатериненштадте был создан общинный комитет, взявший власть в свои руки.⁴²

В самый канун Первой мировой войны дед Адам затеял постройку деревянного амбара. Этот факт зафиксирован в списке лиц, производивших постройки в Екатериненштадте на 3 июля 1914 г., за 16 дней до вступления России в войну.⁴³ Откуда

было знать екатериненштадтцам, что дни их мирной жизни сочтены и что очень скоро им будет уже не до построек?

Как я упоминал, дед Адам арендовал в Екатериненштадте постоянный двор. Правда, в последние годы арендатором значился не сам дед, а один из его старших сыновей, мой предприимчивый дядя Давид – видимо, деду, ставшему главой администрации Екатериненштадта, не полагалось лично заниматься предпринимательской деятельностью.

Информацию об этом заведении я обнаружил в «Журнале о проверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в Екатериненштадтской волости, Николаевского уезда в 1918 году». К тому моменту это было чайное заведение, владельцем которого являлся Давид Адамович Дизендорф (1886-1966). Оно содержалось по промысловому свидетельству III разряда от 30 декабря 1917 г. № 56 и занимало 6 покоев (комнат). Показатели хозяйственной деятельности заведения составляли: годовая наемная плата за помещение – 1000 руб., денежное жалованье и заработная плата – 360 руб. в год, соответствующие натуральные выплаты – 800 руб., годовая выработка – 3000 руб., продажа – 5000 руб. в год, оборот за 1917 г. – 2500 руб.⁴⁴

Мой дед Адам Дизендорф умер почти 75 лет назад, но некоторые следы, оставленные им в жизни, существуют и поныне. В г. Марксе, на ул. Рабочей № 136, по-прежнему стоит дедов дом – правда, значительно перестроенный и обложенный кирпичом. Отсюда деда, моего отца и младшую отцовскую сестру, тетю Лиду, изгнали еще 17 ноября 1929 г., в ходе «раскулачивания». В том же Марксе, на ул. Ленина, поблизости от Волги я обнаружил большое заброшенное здание, очень похожее по слышанным мной описаниям на дедов постоянный двор. В Энгельском архиве хранится немало документов, подписанных дедом в качестве сельского старосты Екатериненштадта. Кстати, там я и увидел впервые подпись деда. На марксовском кладбище чудом уцелела могила деда и бабушки. Наконец, в комнате, где я пишу эти строки, висит копия с единственной сохранившейся фотографии деда.

Да, приметы жизни Екатериненштадта, оборвавшейся многие десятилетия назад, еще существуют, невзирая на все катаклизмы советского, а также постсоветского периода. Нам, потомкам екатериненштадтцев, надо только не лениться разыскивать эти приметы и, в меру своих сил, способствовать сохранению памяти о них.

Август 2009 г.

Примечания

1 См.: Дизендорф В.Ф. Десять лет в «Возрождении». М., 2000, с. 454-457, 478-495.

2 Общественно-государственное учреждение «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУГИАНП). Ф. 341. Д. 151. Св. 17. Л. 49; Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 83-92.

3 Ф. 355. Оп. 1. Д. 106. Л. 6об., 8об.

4 Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 4-145.

5 Подсчитано по: Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 35-36.

6 Подсчитано по: Там же. Д. 165. Св. 18. Л. 10об.

7 Подсчитано по: Ф. 341. Д. 211. Св. 22. Л. 22, 63.

8 Подсчитано по: Там же. Д. 470. Л. 3об.

9 Подсчитано по: ОАФ-Р-39. Оп. 1 о/д. Д. 702. Л. 159об., 185, 192об., 200об.; ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 21об., 34а.

10 Подсчитано по: Ф. 871. Оп. 1 о/д. Ед. хр. 116. Л. 4об., 5, 12об., 13, 15об., 17; ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 34а.

11 Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 39.

12 Ф. 341. Д. 151. Св. 17. Л. 5.

- 13 Там же. Д. 200. Св. 21. Л. 20об.
- 14 Подсчитано по: Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 39об.-40.
- 15 Подсчитано по: Там же. Л. 36, 38.
- 16 Подсчитано по: ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 26, 34а.
- 17 Ф. Р-889. № 1 о/д. Ед. хр. 96. Л. 9об.
- 18 Ф. 355. Оп. 1. Д. 120. Л. 22.
- 19 Ф. 341. Оп. 1. Д. 79. Св. 10. Л. 37об.
- 20 Подсчитано по: Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 108.
- 21 Подсчитано по: ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 24об.-25.
- 22 Ф. 1831. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 2, 4.
- 23 Ф. 341. Д. 151. Св. 17. Л. 32-34, 43.
- 24 Там же. Д. 200. Св. 21. Л. 70об., 110.
- 25 Там же. Д. 202. Св. 21. Л. 97.
- 26 Там же. Д. 200. Св. 21. Л. 94.
- 27 Там же. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 266-266об.
- 28 Там же. Д. 343. Св. 38. Оп. 1. Л. 141.
- 29 Там же. Л. 116.
- 30 Ф. 341. Д. 257. Св. 27. Оп. 1. Л. 141об.-142, 291, 370.
- 31 Там же. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 330, 385об.
- 32 Ф. 341. Д. 257. Св. 27. Оп. 1. Л. 544; Ф. 341. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 387об.-388.
- 33 Ф. 341. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 330.
- 34 Ф. 341. Д. 257. Св. 27. Оп. 1. Л. 327; Ф. 341. Д. 254. Св. 27. Оп. 1. Л. 329об.-330,
384об.
- 35 Ф. 341. Д. 336. Л. 167об.-168.
- 36 Там же. Л. 168об.-169.
- 37 Там же. Л. 170об.-171.
- 38 Там же. Л. 187об.-188.
- 39 Ф. 341. Д. 448. Л. 40об.-41, 41об.-42, 43об.-44.
- 40 Там же. Л. 456.
- 41 ОАФ-Р-1389. Оп. 2 о/д. Ед. хр. 175. Л. 110об.-111.
- 42 Kolonist (Katharinenstadt), 1917, 9. April.
- 43 Ф. 341. Д. 470. Л. 87об.
- 44 ОАФ-Р-1. Оп. 2. Д. 2118. Л. 94а.

О ПРЕДКАХ АКАДЕМИКА Б.В. РАУШЕНБАХА ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ

Академик Б.В. Раушенбах принадлежит к виднейшим выходцам из поволжских немцев-колонистов. Тем не менее, его родословная до сих пор не привлекала внимания историков российских немцев. И это притом, что интерес к генеалогическим исследованиям в последние годы бурно прогрессирует.

Сам Раушенбах также не занимался своей генеалогией. По его словам, он почерпнул некоторые сведения о происхождении Раушенбахов из семейной хроники, составленной дальним родственником – В.Э. Раушенбахом. Насколько можно судить, речь шла при этом только об одном факте – бракосочетании далекого предка Раушенбахов перед выездом из Саксонии в Россию. Об этой не вполне ясной истории мы еще упомянем в дальнейшем.

Виктор Яковлевич, отец Б.В. Раушенбаха, был уроженцем Екатериненштадта – самой крупной и известной немецкой колонии в Поволжье и России в целом. В наши дни изучение генеалогии екатериненштадтцев возможно и без непосредственного обращения к архивам. Так, Кевин Д. Рупп из Канзаса (США) реализует через Интернет электронные версии списков жителей Екатериненштадта по итогам переписей 1850, 1857 и 1873 гг. Кроме того, И.А. Гербер разместил на нашем сайте аналогичные списки за 1767 и 1798 гг. На эти материалы мы и будем опираться в нашем небольшом исследовании.

Начнем с одного факта, хорошо известного историкам российских немцев. Наши предки обычно имели несколько имен, чаще всего – два. В большинстве случаев основным являлось последнее имя, хотя бывало и иначе. Это обстоятельство, конечно, создает любителям генеалогии дополнительные трудности, хотя их занятие и без того не назовешь простым.

Обратимся, прежде всего, к самому позднему из упомянутых списков екатериненштадтцев. Он датирован, как отмечалось, 1873-м годом, но на деле содержит данные вплоть до 1890-х гг. Дело в том, что в первоначальный список вносились необходимые дополнения и изменения до тех пор, пока официальные учреждения им постоянно пользовались.

Виктор, имя отца Раушенбаха, встречалось в то время среди поволжских немцев еще довольно редко. Так, в списке 1873 г. упомянуты лишь два Раушенбаха с этим именем – Карл Виктор и Виктор Давид. При этом оба, как ни удивительно, родились в 1870 г., который Б.В. Раушенбах и называл годом рождения своего отца. Однако первый из них заведомо не мог быть отцом Б.В., т.к. умер задолго до его появления на свет. К тому же отца Карла Виктора звали не Якоб, а Иоганн Карл. Попутно отмечу, что надгробная плита последнего запечатлена в Немецко-Поволжском некрополе, размещенном на нашем сайте.

О втором Викторе и его близких список на с. 553 (здесь и далее нумерация К. Руппа) сообщает следующее: в то время в Екатериненштадте жил Якоб Раушенбах (р. 30.10.1836), матерью которого была София Лотц (р. 1802), а одним из детей – Виктор Давид Раушенбах (р. 13.03.1870). Таким образом, мы сразу же получили некоторые сведения про отца, деда и одну из прабабушек Б.В. Раушенбаха.

Список 1857 г. (с. 10) содержит данные уже о семье прадеда Б.В.: Иоганн Якоб Раушенбах (1792-1853); жена – София, 55 лет; сын – Иоганн Якоб, 20 лет. Как видим,

последний совпадает по возрасту с Якобом из списка 1873 г., но у того опущена первая часть имени. Такое разночтение, как мы еще убедимся ниже, наблюдается в документах тех лет очень часто, задавая исследователям дополнительные загадки.

Список 1850 г. (с. 555), приводя сведения о семье прадеда, упоминает и прапрадеда Б.В.: Якоб Раушенбах (р. 1792), отец – Готфрид Раушенбах (1769-1842), жена – Мария София Лотц (р. 1802), сын – Якоб Раушенбах (р. 1837). Год рождения последнего здесь не совсем совпадает с датой, указанной в списке 1873 г., что также было нередким явлением.

Наконец, в списке 1798 г. находим под № 033 состав семьи прапрадеда: Готфрид Раушенбах – 29 лет, выходец из колонии Нидермонжу; жена – Христина Васмут – 38 лет; их сын – Иоганн Якоб, 6 лет. Таким образом, здесь впервые упоминается о том, что Раушенбахи изначально поселились не в Екатериненштадте, а в близлежащем селе Нидермонжу (Бобровка). Потому мы и не находим их в списке жителей Екатериненштадта на 1767 г. Обратимся к соответствующему списку по Нидермонжу.

Александр Шпак сообщил мне, что там о Раушенбахах сказано следующее: Карл Раушенбах – 25 лет, кузнец из Лейпцига; жена – Иоганна, 27 лет. Прибыл в Нидермонжу 3.08.1767. Получено от конторы опекунов в Саратове 2 лошади, 1 корова. Поскольку других Раушенбахов в Нидермонжу не было, можно с достаточной уверенностью считать, что это и есть родители Готфрида, т.е. прапрадед и прапрабабушка Б.В. Раушенбаха.

Тут мы подошли к самому неясному месту в его родословной. У него была выпись из церковной книги, зафиксировавшая бракосочетание Карла Фридриха Раушенбаха и Софии Фридерики Грунен (по другим данным – Груне) в 1766 г. в Рослау (Ангальт-Цербст), где находился один из сборных пунктов колонистов перед их отправкой в Россию. Если Карл Фридрих и Карл вполне могли быть одним и тем же лицом, то о Софии Фридерике и Иоганне этого никак не скажешь.

Получается, что Карл накануне отъезда в Россию женился на одной, а через год поселился в Нидермонжу уже с другой женой? Такое, конечно, тоже не исключено: София Фредерика могла не дожить до прибытия в Поволжье (смертность колонистов в пути была, как известно, очень высокой), их скоротечный брак с Карлом Фридрихом мог столь же быстро распасться (это также случалось). Тем не менее, здесь поневоле закрадывается сомнение в идентичности персон Карла Фридриха и Карла, хотя они носили одну и ту же весьма редкую фамилию. За отсутствием документальных подтверждений какой-либо из этих версий мы пока что вынуждены оставить данный вопрос открытым.

Как бы там ни было, Раушенбахи обосновались в Нидермонжу надолго. Так, Георгий Раушенбах утверждает на нашем сайте, что Готфрид перебрался оттуда в Екатериненштадт лишь через 25 лет после поселения своих родителей в Нидермонжу, в 1792 г. В том же году, как мы видели выше, появился на свет Иоганн Якоб, сын Готфрида, местом рождения которого значится уже Екатериненштадт. Там жила и Христина Васмут, жена Готфрида и мать Иоганна Якоба. Сведения о семье родителей Христины мы находим в списке жителей Екатериненштадта 1767 г. (№ 14):

Христиан Фридрих Васмут – 36 лет, лютеранин, мясник из Саксонии, Петерфельд; жена – София Элизабет, 32 года; дочь – София Христина, 6 лет. Прибыли 7.06.1767. Получили от Конторы: 15 рублей, 2 лошади, 1 корову. В 1768 г. в хозяйстве было 2 лошади, 1 корова, вспахали: 3 десятины.

Предки Марии Софии Лотц, прабабушки Б.В., также, по всей видимости, принадлежали к первопоселенцам Екатериненштадта. В том же списке 1767 г. читаем (№ 71):

Август Лотц – 43 года, лютеранин, кожевник из Дармштадта, Альсфельд; жена – Элизабет Брем, 37 лет. Прибыли 3.08.1766. Получили от Канцелярии 1 корову. Там же указаны 3 сына этой супружеской четы. Однако имеющиеся у нас данные не позволяют установить, кто из них был прямым предком Марии Софии Лотц: в списке 1798 г. ее еще нет, а в дальнейших списках не указаны ее родители.

Признаться, данная линия предков Б.В. вызывает у меня особый интерес. Ведь эта фамилия встречается и в нашем роду – одной из моих прапрабабушек была Христиана Доротея Лотц (р. 1813), также жительница Екатериненштадта. К сожалению, из сведений, которыми я располагаю, не вытекает определенно ни степень родства Марии Софии и Христианы Доротеи Лотц, ни даже наличие такового. Посему отложу эту интригующую меня тему до лучших времен.

В итоге наших изысканий вырисовывается такое родословное древо Б.В. Раушенбаха по отцовской линии:

Прапрапрадед:	Карл Раушенбах (р. 1742)
Прапрапрабабушка:	Иоганна (р. 1740)
Прапрапрадед:	Христиан Фридрих Васмут (р. 1731)
Прапрапрабабушка:	София Элизабет (р. 1735)
Прапрадед:	Готфрид Раушенбах (1769-1842)
Прапрабабушка:	София Христина Васмут (р. 1760)
Прадед:	Иоганн Якоб Раушенбах (1792-1853)
Прабабушка:	Мария София Лотц (р. 1802)
Дед:	Иоганн Якоб Раушенбах (р. 30.10.1836)
Отец:	Виктор Давид Раушенбах (р. 13.03.1870)

Как видно, мы установили 10 прямых предков Б.В. Раушенбаха, однако в его родословной еще немало пробелов. Это, увы, вполне естественно: я не располагаю списками жителей Екатериненштадта за более чем полувековой период – с 1798 по 1850 гг. За это время в России были проведены, как известно, 2 ревизии (переписи) населения – в 1816 и 1834 гг. В Энгельском архиве, где я работал в 2007 г., материалов этих переписей по Екатериненштадту нет. Не знаю, можно ли найти таковые в Саратовском облархиве, – я туда пока что не наведывался. Если посетители сайта, вооружившись более широким набором материалов, смогут дополнить или скорректировать приведенные мной данные о родословной Б.В. Раушенбаха, я буду им только признателен.

Июнь 2009 г.

ЕКАТЕРИНЕНШТАДТСКИЕ КОРНИ ПИСАТЕЛЯ Б.А. ПИЛЬНЯКА

Внеся некоторую ясность в екатериненштадтскую родословную академика Б.В. Раушенбаха, попытаемся сделать это и в отношении другого виднейшего выходца из поволжских немцев, писателя Б.А. Пильняка (настоящая фамилия Вогау). При этом мы будем основываться на тех же источниках – списках жителей Екатериненштадта за 1767, 1798, 1850, 1857, 1873 гг.

В данном случае наша задача облегчается тем, что поволжско-немецкие корни Б.А. Пильняка уже привлекали внимание исследователей. Насколько мне известно, начало было положено почти полтора десятилетия назад Елизаветой Михайловной Ериной, автором содержательного очерка «Отец писателя Б. Пильняка – наш земляк» (см.: Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995, с. 98-102). В 2006 г. с интересной публикацией «Поволжско-немецкий след в жизни и произведениях писателя Бориса Пильняка» выступила в № 12 журнала «Volk auf dem Weg» (Германия) д-р Наталия Кромм.

Обратимся к последней работе, размещенной на нашем сайте. Там упоминаются отец писателя – Генрих (Андрей) Иванович Вогау (1867-1944), а также отец, мать и два брата последнего – Иоганн (Иван) Карлович (р. 1845), Анна Андреевна (1847-1931), Вальдемар (Владимир) Иванович (1870-1933), Александр Иванович (р. 1874).

Видимо, Н. Кромм не была знакома со списком жителей Екатериненштадта в 1873 г. Заглянув в него (с. 855), мы обнаружим несколько иную информацию о перечисленных людях: дед писателя – Иоганн Симон Вогау (р. 25.10.1835), его жена – Анна Катарина Бендер (р. 1843), их дети – Андреас (р. 26.08.1867), Фридрих Вольдемар (р. 18.12.1871), Александр (р. 22.01.1874).

В списке 1857 г. (с. 9) под № 47 приведены данные о предыдущем поколении предков писателя: прадед – Карл Вогау (1795-1853), его жена – Катарина Элизабет, 60 лет.

Список 1850 г. (с. 812) уточняет информацию о прабабушке: Катарина Элизабет Виншу (р. 1797).

Список 1798 г. упоминает под № 005 мать прадеда: Элеонора Вогау – 38 лет, вдова, урожденная Рот; ее сын – Карл Христиан, 2 года. Здесь же под № 117 значится, по всей видимости, отец прабабушки: Готфрид Виншу, 42 года, вдовец, из колонии Цезарсфельд (она была упразднена в 1780-х гг., и ее жителей переселили в другие колонии). Однако о его младших дочерях сообщено следующее: Христина Элизабет – 3 года, Анна Элизабет – 6 месяцев. Как видно, ни одну из них не удастся идентифицировать с вышеупомянутой прабабушкой писателя. Это место в родословной нуждается в дальнейшем исследовании.

То же самое можно сказать о первых екатериненштадтских Вогау, среди которых должен был быть прапрадед писателя. В списке 1767 г. под № 11 значатся: Георг Рейхольд, 40 лет, лютеранин, парикмахер из Франконии, Балленгейм(?); его жена – София Магдалена, 40 лет, из монастыря Лейхштадт, Балленгейм(?); а под № 11а – пасынки Г. Рейхольда: Зигмунд Вогау, 13 лет, лютеранин, из Варенбурга, монастырь Лейхштетте(?), и его брат Карл Фридрих, 9 лет. Семейство прибыло в колонию 27.08.1766 г. Получили от Канцелярии 275 руб. В 1768 г. в хозяйстве было 2 коровы,

вспахано: 3 десятины. Как мы видим, мужем Элеоноры Рот мог быть и Зигмунд Вогау, и его брат Карл Фридрих.

Использованные нами источники не позволяют также выявить происхождение Анны Катарина Бендер, бабушки писателя, и Элеоноры Рот, его прапрабабушки. Их родители, очевидно, не проживали в Екатериненштадте, т.к. не значатся в списках его жителей.

Опуская начальную, не вполне ясную часть родословной Б.А. Пильняка и учтя данные о датах смерти его отца и бабушки, приведенные Н. Кромм, получаем, таким образом, следующее древо.

Прапрабабушка:	Элеонора Рот (р. 1760)
Прадед:	Карл Христиан Вогау (1795-1853)
Прабабушка:	Катарина Элизабет Виншу (р. 1797)
Дед:	Иоганн Симон Вогау (р. 25.10.1835)
Бабушка:	Анна Катарина Бендер (1843-1931)
Отец:	Андреас Вогау (26.08.1867 – 1.05.1944)

В заключение добавлю, что изучение екатериненштадтских предков Б.А. Пильняка представляет для меня и личный интерес: к этому роду принадлежала одна из моих прапрабабушек по матери, Мария Катерина Вогау (1822 – 14.03.1878).

Июнь 2009 г.

**СОВЕТСКАЯ СТАТИСТИКА
О НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ**

Доклад на международной научной конференции

Саратов, май 2002 г.

Пользуясь тем, что ряд докладов на нашей конференции посвящен интеграции российско-немецких переселенцев в Германии, хотел бы в начале своего выступления упомянуть о недавно изданной книге немецкого автора Ульриха Мертенса [13]. Она представляет собой справочник с различными историческими и современными данными, могущими оказаться полезными при работе с нашими переселенцами. Основное место в ней занимает обширный перечень немецких населенных пунктов в Российской империи и СССР.

Какие немецкие населенные пункты существовали на этих территориях? Каковы были их точные названия и местоположение? Сколько населения, в т. ч. немецкого, в них проживало? Эти вопросы представляют интерес, конечно, не только для германских социальных служб, но и для всех людей, неравнодушных к истории российских немцев.

Для изучения данного круга проблем сделано пока еще недостаточно. Это можно было заметить и на нынешней конференции, когда в одном из докладов прозвучала численность немецких населенных пунктов в Российской империи в 1897 г. – 2000. Давно занимаясь этими вопросами, я могу утверждать, что данная оценка сильно занижена. Однако более точную цифру на этот период назвать не берусь: опубликованные материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г., дающие очень много интересных сведений о российских немцах, не содержат полных данных по отдельным населенным пунктам, не считая городских поселений. По ее итогам изданы лишь два соответствующих перечня – населенных пунктов в 2000 и более жителей [1] и в 500 и более жителей [2], причем первый вообще не содержит сведений о составе населения, а во втором приводятся данные по вероисповеданию, но не по родному языку и тем более не по национальности (последний фактор при переписи 1897 г., как известно, не учитывался).

Мы в Общественной Академии наук российских немцев начали вплотную заниматься этой проблематикой с ноября 2000 г., когда Академия провела в Москве семинар «Книга Памяти российских немцев». Речь шла в первую очередь о составлении книг памяти немцев-трудоармейцев. Такая работа уже ведется, и участники семинара отмечали, что в первичной лагерной документации, фиксировавшей основные данные о трудоармейцах, имеется масса неточностей и ошибок, особенно в названиях немецких населенных пунктов, где родились или откуда призывались в трудоармию эти люди. Чтобы разобраться в подобной информации, мне было поручено составить по возможности полный перечень немецких населенных пунктов в СССР.

Приступив к этой работе, я в первую очередь обратился к известным перечням населенных пунктов, составленным историком из ФРГ Карлом Штумппом, выходцем из российских немцев, и опубликованным в 1955-64 гг. в Штутгарте, в альманахе Землячества немцев из России «Heimatbuch der Deutschen aus Russland». Использовался и более ранний, гораздо менее известный у нас источник – перечень немецких населенных пунктов СССР, изданный в Берлине под руководством Георга Лейббрандта

[11], также выходца из российских немцев. Я и раньше обращался к данным источникам, но только теперь окончательно убедился, что оба этих автора совершенно не опирались на советскую официальную статистику. То же самое можно сказать и о вышеупомянутой книге У. Мертенса. Основным их источником за советский период был перечень, опубликованный на немецком языке в Покровске (Энгельс) еще в 1927 г. [12].

Список немецких населенных пунктов СССР из покровского календаря «Вольная Нива» приурочен к 1926 г., но к Всесоюзной переписи населения 1926 г. отношения не имеет. Авторы перечня не указали использованных источников, отметив только, что материалы собирались ими специально для данной публикации. В процессе работы мне удалось выяснить, что они обращались к советской статистике населенных пунктов (материалам Всероссийской переписи населения 1920 г.), но лишь по одному региону – Омскому округу Сибирского края [5]. Достаточно неплохо в «Вольной Ниве» отражены и немецкие населенные пункты на территории АССР НП. Данные по остальным регионам весьма неполны и неточны, некоторые регионы не охвачены вообще.

Все эти недостатки переняли у покровских авторов и Г. Лейббрандт с К. Штумппом. Правда, качественный уровень их списков несколько выше: они использовали не только данные «Вольной Нивы», но и составленный лютеранскими пасторами в 1929 г. перечень немецких сел Украинской Волыни, а К. Штумпп – также материалы обследования немецких населенных пунктов Украины, проведенного под его руководством в период нацистской оккупации.

Неполнота и противоречивость опубликованных перечней немецких населенных пунктов СССР побудили меня предпринять поиск соответствующих советских официальных источников. В результате в крупнейших московских книгохранилищах – Российской государственной библиотеке, библиотеке Института научной информации по общественным наукам, Государственной публичной исторической библиотеке России – удалось обнаружить многие десятки списков населенных пунктов, выпущенных в различных регионах СССР в 1920-30-х гг., в основном по итогам переписи 1926 г. (Полный перечень использованных источников приведен в книге, изданной по результатам исследования в конце 2002 г. [4].)

Во многих из этих источников имеются данные о преобладающей национальности (национальностях) в каждом населенном пункте, а по некоторым регионам – АССР НП, Крымской АССР, Дагестанской АССР – даже полные сведения о национальном составе населения. В других случаях приходилось идентифицировать немецкие населенные пункты по их названиям, насколько это было возможно. Отмечу также, что в одном обнаруженном источнике приведены только населенные пункты нацменьшинств, включая и немцев [3], а в остальных – все без исключения населенные пункты на соответствующей территории.

В использованных статсборниках приводятся следующие данные о населенных пунктах российских немцев: название (иногда два названия – немецкое и русское), в некоторых случаях – год основания, точное местоположение (расстояние до райцентра, ближайшей ж.-д. станции или пристани), районная административно-территориальная принадлежность (по тем регионам, где еще не были введены районы, – уезд и волость), численность населения (в т.ч. – мужчин и женщин), число дворов (хозяйств). Последние показатели позволяют определить средний размер семьи. По некоторым регионам имеются данные за ряд лет (результаты переписей 1926, 1920, 1917 гг. и т.д.), что позволяет проследить динамику населения, в частности оценить потери по отдельным населенным пунктам от голода 1921-22 гг.

Поскольку наша конференция проводится в Саратове, расскажу несколько подробней о справочниках, имеющих по Поволжью. Самый содержательный из них (не только в Поволжье, но и во всем СССР) – это статсборник по АССР НП [14]. Кстати говоря, изучение региональных статистических публикаций привело меня к выводу, что в 1920-х гг. в Немреспублике была лучшая демографическая статистика в стране. Хорошие сборники издавались в Самаре и Сталинграде ([7]-[10]). В Саратове дело обстояло в этом смысле не столь благополучно (впрочем, возможно, что соответствующие местные издания просто не дошли до московских библиотек). Мне удалось обнаружить лишь сборник, изданный в Балашове, где имеются данные по аркадакским меннонитским селам [6]. Есть также сведения по небольшим немецким населенным пунктам в Пугачевском уезде [9], который в 1920-х гг. относился к Самарской губ. А вот по основным районам проживания немцев на довоенной территории Саратовской обл. – Вязовскому, Ней-Вальтерскому, Ершовскому и др. – найти статистику населенных пунктов, к сожалению, пока не удалось.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Советская статистика 1920-х и, отчасти, 1-й половины 1930-х гг. содержит обширные сведения по населенным пунктам российских немцев, все еще очень слабо введенные в научный оборот.

2. География немецких поселений на территории СССР была значительно шире, чем представлялось до сих пор. Так, удалось найти данные о немецких поселениях в Приморском крае, Тульской, Алма-Атинской и Ташкентской областях, о которых, насколько нам известно, историки российских немцев ранее не упоминали.

3. Многие российские немцы уже до 1941 г. проживали в многонациональных сельских поселениях. На Украине, в Крыму, на Северном Кавказе, в Западной Сибири и др. имелось много сел и хуторов, где немцы составляли значительную, хотя и не преобладающую часть населения.

4. Общая численность немецких населенных пунктов в СССР была существенно больше, чем мы привыкли считать. По стране насчитывалось свыше 5 тыс. населенных пунктов (включая самые мелкие), где немцы составляли большинство или значительную часть населения.

Литература

1. Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905.
2. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.
3. Національні меншості на Україні (реєстр селищ). Харків, 1925.
4. Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002.
5. Списки населенных мест по Омскому округу. Омск, 1925.
6. Список населенных мест Балашовского уезда к 1927 году. По данным демографической переписи 1926 года. Балашов, 1927.
7. Список населенных мест Самарского округа. 1928 год. Самара, 1928.
8. Список населенных мест Сталинградской губернии. По материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Сталинград, 1928.
9. Список населенных пунктов Самарской губернии. Самара, 1928.
10. Список населенных пунктов Средне-Волжского края. Самара, 1931.
11. Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion. Ausgearbeitet und herausgegeben von der Sammlung Georg Leibbrandt. Berlin 1941.
12. Freie Flur. Deutscher Bauernkalender 1927. 2. Auflage / Вольная Нива. Немецкий крестьянский календарь на 1927 г. 2-е изд. Покровск, 1927.

13. Mertens U. Handbuch Russland-Deutsche. Ein Nachschlagewerk zur russland-deutschen und deutsch-russischen Geschichte und Kultur (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg/Paderborn 2001.
14. Vorläufige Ergebnisse der Volkszählung der Sowjetunion des Jahres 1926 in der ASSR der Wolgadeutschen / Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по АССР Немцев Поволжья. Покровск, 1927.

О ЖЕРТВАХ ГОЛОДА 1921-22 И 1932-33 гг. СРЕДИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ И УКРАИНЫ

Завершив начатую в 1995 г. подготовку трехтомной Энциклопедии «Немцы России» и Энциклопедического словаря «Немцы России: населенные пункты и места поселения», Общественная Академия наук российских немцев приступила к реализации нового крупного проекта под условным названием «Демографическая история российских немцев». Сбором и обработкой соответствующих статистических материалов мы занимаемся уже более 5 лет. Теперь настало время для их анализа и последующей публикации.

Мы решили начать с современности, подготовив летом 2007 г. обширный доклад «Немецкое население России на рубеже XXI века в зеркале демографической статистики». После этого нам представляется вполне естественным обращение к одному из самых важных и болезненных аспектов истории российских немцев – демографическим потерям вследствие голода 1921-22 и 1932-33 гг. Информацией на этот счет, накопленной нами в течение ряда лет, в частности – в процессе моей работы в «Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе» весной 2007 г., я бы и хотел поделиться здесь.

Как известно, историография российских немцев смогла вплотную приступить к исследованию этих рукотворных катастроф лишь около 15 лет назад, когда после развала СССР приоткрылись бывшие советские архивы. Уже в 1-й половине 90-х годов был подготовлен ряд соответствующих публикаций, среди которых наиболее известны работы А. Германа и О. Винса (Саратов), В. Иваненко и А. Голуба (Днепропетровск).¹ Научный уровень данных исследований определялся, конечно, тем, насколько авторы смогли выявить и проанализировать необходимые архивные материалы. В отношении демографической статистики, о которой у нас пойдет речь, это, на наш взгляд, более других удалось А. Герману в его статье о голоде начала 30-х годов.

Так, этот автор почерпнул в Энгельсском архиве официальные данные за 1933 г. о смертности населения АССР НП по месяцам и о количестве умерших в городах Немреспублики (Энгельсе, Маркштадте, Бальцере) с указанием причин смерти. Кроме того, А. Герман сопоставил обнаруженные им сведения с уровнем смертности по АССР НП в 1925-32 и 1938 гг., наглядно показав, что чрезвычайно высокая смертность в 1933 г. была вызвана именно голодом, а не теми причинами, которые приводила тогдашняя статистика Немреспублики.²

Однако в его статье имеется также заметный и трудно объяснимый пробел: там практически обойден вопрос об уровне смертности в кантонах (сельских районах) АССР НП (автор ограничился цитированием двух соответствующих донесений прокурора Немреспублики), хотя на селе проживало подавляющее большинство населения немецкой автономии и данные на сей счет можно было найти в одном из тех самых архивных дел, которые изучал А. Герман.

Что касается обширного раздела о голоде 1921-22 гг. в известной двухтомной монографии А. Германа, то здесь содержится лишь несколько цифр, характеризующих смертность среди населения одного района и двух сел АОНП в 1-й половине 1921 г.³ При этом одна из приведенных цифр, как мы покажем, явно противоречит данным статуправления немецкой автономии.

О. Винс тоже работал в Энгельском архиве, но сведения об уровне смертности в Области немцев Поволжья в 1921 г. почему-то почерпнул не оттуда, а из статьи статистика С. Каппеса, опубликованной по горячим следам, весной 1922 г., в поволжском журнале «Унзере Виртшафт». На этой основе О. Винс попытался представить «географию» голода 1921-22 гг. в АОНП. По его мнению, меньше других пострадали немецкие села, расположенные около границ области, рядом с железнодорожными станциями и у берегов Волги.⁴ Ниже будет видно, что этот вывод имеет весьма отдаленное отношение к реальности.

Доклад В. Иваненко и А. Голуба не содержал неизвестных архивных данных об уровне смертности немцев Украины в период голода. Однако в дальнейшем днепропетровские историки приложили определенные усилия для прояснения этого вопроса. Сошлюсь в этой связи на статью «Украина» из т. 3 Энциклопедии «Немцы России» и на ряд материалов пилотного сборника «Немцы Украины», авторами которых являются А. Безносков, Ю. Берестень, С. Бобылева, Н. Осташева.⁵

А вот в Поволжье, как ни странно, проблематику голода 1920-30-х гг. среди немецкого населения, похоже, сочли исчерпанной. Во всяком случае, новые исследования на эту тему там за последние годы, насколько нам известно, больше не появлялись. Даже соответствующий фрагмент 2-го тома монографии А. Германа и его статья «Голод» из т. 1 Энциклопедии «Немцы России» практически лишь воспроизводят содержание предыдущих работ этого автора.⁶ Между тем, в Энгельском архиве хранятся ценнейшие материалы на сей счет, до сих пор не введенные в научный оборот.

Приступая к их рассмотрению, прежде всего отмечу, что для оценки масштабов смертности от голода необходимо знать численность населения на момент его начала. В отношении голода 1921-22 гг. такую информацию, казалось бы, получить несложно – ведь буквально накануне, 28 августа 1920 г., прошла первая перепись населения Советской России. Проблема, однако, в том, что на некоторых окраинных территориях страны (в частности, в западных губерниях Украины) перепись по различным причинам не проводилась. К тому же советским властям было в дальнейшем явно не до демографии, и в результате материалы этой переписи по большей части остались необработанными и неопубликованными. Так, нам удалось обнаружить в крупнейших московских книгохранилищах лишь краткие итоги переписи 1920 г. по регионам, частичную разработку ее материалов В. Шибаевым и 7 региональных статсборников, изданных по ее следам.⁷

Мне уже доводилось отмечать, что в 20-х годах немецкая автономия на Волге обладала лучшей демографической статистикой в стране. Работа в Энгельском архиве только подкрепила этот вывод.

В частности, там сохранился сборник с основными итогами переписи 1920 г. по всем населенным пунктам АОНП, изданный ограниченным тиражом, а потому отсутствующий в московских библиотеках.⁸ Поразительно, но факт: статуправление немецкой автономии исполняло свой профессиональный долг даже в чудовищно страшном 1921 г., когда было выпущено это издание. В том же архиве хранятся подробные отчеты о переписи 1920 г. и составленные при ее проведении посемейные списки жителей АОНП, содержащие некоторые статистические данные об этих семьях.⁹ Отметим и важное обстоятельство, вытекающее из итогов переписи: жертвами голода 1921-22 гг. в АОНП были почти исключительно немцы – просто потому, что они составляли в 1920 г. 97,7% населения области.

Кроме того, Энгельский архив хранит обширный рукописный материал на немецком языке «О состоянии крестьянских хозяйств и о населении в Области немцев Поволжья на 1 января 1922 г. Записка Областного статистического управления.

Маркштадт, 1 марта 1922 г.».¹⁰ Здесь приведены данные на начало 1922 г. о численности хозяйств, мужского, женского и совокупного населения, голодающих в возрасте 16 лет и старше, а также о числе родившихся и умерших за 1921 г. по городам, селам и крупнейшим хуторам АОИП. Видимо, С. Каппес участвовал в подготовке этой записки, в результате чего и появилась его вышеупомянутая статья.

К сожалению, этот уникальный материал не может дать полного представления о численности жертв голода 1921-22 гг. – в нем, как видно из названия, отсутствуют сведения за 1-ю половину 1922 г., когда голод еще бушевал вовсю, а в 1-м квартале, по свидетельству известного деятеля АССР ИП Э. Гросса, смертность была даже выше, чем в 1921 г.¹¹

Конкретных данных на сей счет нам не удалось обнаружить и в других материалах Энгельсского архива, но ниже мы приведем информацию о причинах смерти в АОИП за 1-е полугодие 1922 г., свидетельствующую о том, что статистика смертности в это время там все-таки велась – по крайней мере, выборочно. Между тем, по мнению О. Винса, случаи рождения и смерти, якобы, не регистрировались в большинстве поволжских колоний даже во 2-й половине 1922 г.,¹² что явно не соответствует действительности. Итоговые цифры по АОИП за этот период, когда пик голода уже остался позади, давно опубликованы и известны: смертность составила 7619 чел. (1,4% численности населения области), а рождаемость – 4791 чел. (0,9%).¹³

Далее, согласно данным С. Каппеса, в 1921 г. выезд населения из АОИП почти в 1,6 раза превышал смертность.¹⁴ А ведь из числа выехавших (эвакуированных) также умерли очень многие. Об этом свидетельствует, к примеру, судьба семьи будущего известного литературоведа Ф.П. Шиллера. Он в октябре 1921 г. был назначен воспитателем в эшелон с 500 детьми, которых эвакуировали из АОИП в Тирасполь.¹⁵ Вместе с Францем Петровичем, единственным кормильцем семьи, туда выехали его мать, три брата и сестра. По дороге все они заразились тифом, и по прибытии на место умерли 4 из 6 эвакуированных членов этой семьи. Чудом остались в живых только сам Ф.П. Шиллер и один из его братьев.¹⁶

Несмотря на отмеченную неполноту записки облстатуправления, ее содержание потрясает воображение.

Так, сопоставив данные записки с итогами переписи 1920 г., мы выяснили, что в 1921 г. в двух селах АОИП (Кинд и Мариенбург) умерло свыше четверти населения, в трех (Гоккерберг, Брокгаузен и Боаро) – от 20% до 25%, а в 16 (Цуг, Мессер, Мюллер, Сусанненталь, Гнаденфлюр, Кано/Андреевка, Шталь/Звонарев Кут, Фриденберг, Нидермонжу, Шафгаузен, Лизандердорф, Унтервальден, Визенмиллер, Моор, Ней-Колония, Шульц) – от 15% до 20%.

В 21 населенном пункте абсолютный уровень смертности превысил 500 чел.: областной центр г. Маркштадт (с близлежащими хуторами) – 1580, Боаро – 1054, г. Зельман – 911, Мариенталь – 904, Красный Яр – 896, г. Бальцер – 881, Гримм – 818, Варенбург – 801, Мессер – 796, Моор – 730, Прейс – 695, Цуг – 671, Денгоф – 644, Орловское – 632, Кинд – 631, Семеновка – 626, Шафгаузен – 626, Нидермонжу – 603, Гуссенбах/Линево Озеро – 527, Гукк – 520, Розенгейм – 513.

Согласно вышеупомянутым данным А. Германа, в этом же ряду должно было находиться и с. Антон, где только с февраля по июнь 1921 г. умерли, якобы, 510 чел. Однако облстатуправление насчитало в данном селе 228 умерших за весь 1921 г.

В целом по АОИП, согласно записке, в 1921 г. умерли 48179 чел. (10,7% населения), причем в этот период смертность превысила рождаемость в 2,6 раза. Наиболее высоким уровнем смертности отличались районы: Панинский – 14,9% (превышение смертности в 3,2 раза), Маркштадтский – 13,4% (2,8 раза), Ровненский –

12,7% (3,2 раза), Нижне-Караманский – 12,3% (3,0 раза), Верхне-Караманский – 11,7% (2,1 раза). Показательно, что все они находились в левобережной части АОНП.

При этом, вопреки вышеприведенному утверждению О. Винса, 4 первых района непосредственно примыкали к Волге, а Панинский, Ровненский и Верхне-Караманский районы располагались соответственно у северных, южных и северо-восточных границ АОНП. Не нашел подтверждения и тезис этого автора об относительно благополучном положении в колониях, находившихся рядом со станциями железной дороги. В большинстве этих сел уровень смертности был в 1921 г. не ниже среднего по АССР НП: Розендамм (находилось у ст. Плес) – 12,3%, Мариенфельд (у ст. Авилово) – 11,1%, Антоновка (у ст. Урбах) – 10,7%, Розенфельд (у ст. Красный Кут) – 10,7%.

На наш взгляд, ошибочные выводы О. Винса были вызваны тем, что он, владея весьма скудными статистическими данными, априори придал слишком большое значение географическому фактору, местоположению населенных пунктов. Между тем, это обстоятельство определяло положение дел далеко не всегда. К примеру, села Кинд и Неб находились всего в километре друг от друга, тогда как в первом из них уровень смертности оказался в 1921 г. почти вдвое выше, чем во втором, – 27,3% и 14,2%.

География, конечно, влияла на ситуацию, но только в самых общих чертах. Скажем, в Левобережье, как уже отмечалось, голод свирепствовал сильнее, чем в Правобережье, а ниже всего смертность была на юго-востоке и западе территории области – в Торгунском (4,7%) и Медведицком (7,3%) районах. Однако важную роль играли и некоторые другие обстоятельства.

Так, в трех городах АОНП, Марксштадте, Бальцере и Зельмане (последний был объявлен городом в начале советского периода, но в 1925 г. утратил свой городской статус), смертность оказалась заметно ниже, чем в окружающих их районах: Марксштадт – соответственно 9,9% и 13,4%, Бальцер – 8,5% и 10,4%, Зельман – 10,8% и 12,7%. Как справедливо заметил тот же О. Винс, это объяснялось тем, что в города в значительно большей мере поступала продовольственная помощь. Без этого фактора ситуация должна была бы складываться прямо противоположным образом, что мы и увидим на примере голода 1932-33 гг.

Из статьи С. Каппеса следует, что в 1921 г. из АОНП выехали 74084 жителя (16,8% населения). Самый массовый выезд (33,3%) наблюдался в Антоновском районе, к которому относилось и село Мариенталь, откуда были эвакуированы Ф.П. Шиллер с семьей. Далее в этом отношении следовали районы: Верхне-Иловлинский – 24,6%, Нижне-Караманский – 22,8%, Тарлыкский – 19,9%, Ерусланский – 19,7%, Ровненский – 19,5%, Панинский – 19,4%, Верхне-Караманский – 17,2%. Как видно, этот перечень весьма существенно отличается от списка районов с максимальной смертностью. Руководство АОНП явно предпочитало эвакуировать людей не из тех мест, где существовала наибольшая угроза их жизни, а оттуда, где это было проще сделать в силу наличия железнодорожного или речного сообщения.

О. Винс утверждал со ссылкой на С. Каппеса, что к 1.01.1922 г. в АОНП «от недостатка продовольствия» умерли 47,7 тыс. человек.¹⁷ Это не совсем так: у С. Каппеса речь идет об общем уровне смертности населения, которая даже в 1921 г. вызывалась, разумеется, не только недоеданием. Однако существует и статистика смертности именно от голода – правда, она относится к 1-й половине 1922 г.

Согласно официальным данным, опубликованным тем же С. Каппесом, причины смертности населения АОНП соотносились в этот период следующим образом: от голода – 48%, от эпидемических болезней – 27%, от остальных болезней – 25%. Правда, такое разделение довольно условно, поскольку различные болезни также могут быть спровоцированы или обострены голодом. Обращает на себя внимание значительное преобладание мужского населения во всех этих группах: в первой – 57%,

во второй и третьей – по 53%. Эта закономерность хорошо известна демографам: во время голода мужчины умирают, как правило, чаще женщин. В данном случае это явление было сильнее всего заметно в возрасте от 5 до 49 лет: 5-7 лет – 60%, 8-15 лет и 16-49 лет – по 58%. В этих же возрастных группах удельный вес голода среди причин смертности был наибольшим – соответственно 61%, 68% и 56%.¹⁸

В итоге чудовищно высокой смертности и массового выезда численность населения АОНП сократилась всего за один 1921 г. почти на четверть – 23,4%, а в Антоновском районе – более чем на треть (38,2%).¹⁹ Со временем основная часть выехавших людей, оставшихся в живых, естественно, возвратилась в родные места – ведь на чужбине они были только в тягость местным властям и населению. Однако данный процесс далеко не привел к восстановлению прежней численности жителей. Об этом убедительно свидетельствуют итоги переписей населения и официальных статистических обследований.

Так, согласно им, в 1920 г. в поволжской автономии насчитывалось 432 тыс. немцев, тогда как на 1.08.1922 г. – всего 356 тыс. А ведь за это время, в середине 1922 г., произошло «округление» территории АОНП с присоединением к ней целого ряда районов, где тоже проживало немало немцев. К тому же на свет появлялись новые жители, которых даже в 1921 г. оказалось 18701 (4,2% численности населения).²⁰ Крайне низкая численность немецкого населения, отмеченная в 1922 г., была превзойдена в АССР НП лишь в 1926 г. – 380 тыс. А максимальное значение этого показателя за годы, оставшиеся до войны, наблюдалось в 1931 г. – 383 тыс.

О. Винс оценил общее количество жителей АОНП, умерших от голода 1921-22 гг., в 107,5 тыс. человек.²¹ В нашем распоряжении имеется намного больше необходимой статистической информации, чем у этого автора, однако мы воздержимся от подобных оценок. В данном случае они уместны разве что в публицистической статье, но явно не в серьезном научном исследовании. Известная на сегодня источниковая база, к величайшему сожалению, такова, что оценить тогдашние демографические потери немецкого населения Поволжья невозможно ни с точностью до десятков тысяч, ни, тем более, с точностью до сотен человек. В этом отношении достоверно известно только то, что голод 1921-22 гг. нанес немецкой автономии на Волге, всем российским немцам воистину невосполнимый ущерб.

Образцовая демографическая статистика поволжской автономии, нашедшая свое особенно наглядное отражение в прекрасном статсборнике по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г.,²² безусловно лучшим среди многочисленных региональных изданий подобного рода, увы, дожила только до начала 30-х годов. Так, в Энгельском архиве нет никаких итоговых документов переписи 1937 г., а перепись 1939 г. отражена лишь самыми общими цифрами.²³ Последней серьезной работой статистиков АССР НП, стала, видимо, справка о численности жителей, включая собственно немцев, во всех населенных пунктах Немреспублики, подготовленная по данным сельскохозяйственного налогового учета 1931 г.²⁴

Эта работа, выполненная в канун голода 1932-33 гг., могла бы, конечно, очень существенно способствовать изучению его последствий – если бы в те годы уровень смертности и рождаемости фиксировался столь же добросовестно, как в 1921 г. К сожалению, ничего подобного в действительности не наблюдалось. Советские власти, нагло отрицавшие голод 1932-33 гг., были меньше всего заинтересованы в его документировании – даже «для служебного пользования» или «для истории». Поэтому мы вынуждены судить о масштабах этой катастрофы в АССР НП главным образом по рутинным ежемесячным справкам о «естественном движении населения».

В Энгельском архиве хранятся подобные документы, однако в них зафиксирован уровень смертности и рождаемости по городам и кантонам

Немреспублики, но не по отдельным сельским населенным пунктам.²⁵ К тому же эта документация велась в 1933 г. весьма нерегулярно. Так, в справках практически отсутствуют данные по Каменскому кантону, нет сведений по Краснокутскому кантону за март – апрель, июнь – июль, октябрь, декабрь, по Палласовскому – за январь, март, июль – октябрь, декабрь, по Франкскому – за май, июль – сентябрь, ноябрь – декабрь, по Ягодно-Полянскому – за февраль – апрель и т.п. Сведя показатели этих справок воедино, мы получили следующий итог: за 1933 г. в АССР НП родилось 8295 чел., умерло – 32616.

Насколько достоверны эти цифры? В монографии А. Германа данные о численности умерших в 1933 г. приведены трижды, в частности – в таб. 1 (смертность населения АССР НП по месяцам) и таб. 3 (рождаемость и смертность за год в целом). В таб. 1 почему-то отсутствует итог, но если его подсчитать, то окажется, что в 1933 г. в АССР НП умерло 50082 жителя. Это почти совпадает с цифрой, приведенной автором чуть выше, – 50139 чел. Однако в таб. 3 фигурирует совсем иная цифра – 42,4 тыс. умерших.²⁶

Поскольку сам А. Герман никак не прокомментировал эту явную неувязку (и даже не упомянул о ней), попытаемся сделать это за него. Если добавить к последней цифре общую смертность по городским поселениям АССР НП (Энгельсу, Маркштадту, Бальцеру и пос. Красный Кут) – 7,7 тыс., то получается 50,1 тыс. умерших, т.е. именно столько, как в двух других случаях. Выходит, что 42,4 тыс. – это количество умерших в сельской местности. А. Герман, похоже, не пришел к этому весьма очевидному выводу просто потому, что вообще не проанализировал данные об уровне смертности в кантонах АССР НП. Аналогичным образом в таб. 3, вероятно, занижен и уровень рождаемости в 1933 г. Сопоставив приведенную там цифру 12,2 тыс. человек с 50,1 тыс. умерших, мы получим превышение смертности над рождаемостью в 4,1 раза – заметно больше, чем в обнаруженных нами данных (3,9 раза).

Подсчитанная нами годовая смертность – 32616 чел. – составляет 65,1% от итоговой цифры 1-й таблицы А. Германа. Примерно столько же или несколько больше получается, если произвести аналогичные сравнения по месяцам. Таким образом, динамика смертности в течение года искажена в наших данных довольно мало. Явное исключение составляют только цифры за июнь (58,2%) и июль (57,4%). Напрашивается вывод, что в эти два месяца сведения с мест поступали в статуправление АССР НП особенно плохо. Действительно, изученные нами справки не содержат данных за июнь по 4-м кантонам (Золотовскому, Каменскому, Краснокутскому, Маркштадтскому) и пос. Красный Кут, а за июль – также по 4-м кантонам (Каменскому, Краснокутскому, Палласовскому, Франкскому) и пос. Красный Кут.

Тем не менее, мы получили сведения о распределении по территории АССР НП почти 2/3 смертных случаев, зафиксированных в 1933 г., и не можем не проанализировать эти цифры. Благо, нам, как отмечалось выше, удалось найти и подробные данные о численности населения Немреспублики в 1931 г., накануне голода.

По нашим (напомню, неполным) данным, смертность в городской местности АССР НП составила в 1933 г. 7655 чел. (9,2% численности городского населения в 1931 г.), в сельской – 24961 чел. (4,9%), а в целом по Немреспублике – 32616 чел. (5,5%). Среди сельских кантонов АССР НП, населенных в основном немцами, наиболее высоким уровнем смертности отличались, согласно нашим подсчетам, Бальцерский – 7366 чел. (12,3% населения), Маркштадтский – 4717 (6,0%), Зельманский – 3777 (7,2%), Мариентальский – 2898 (6,1%), Франкский – 2667 (5,3%).

Картина получается совершенно иной, чем в 1921 г. В 1933 г. наиболее высокая смертность наблюдалась не в сельской, а в городской местности. Так, по данным А. Германа, в Бальцере умерло 13,0% жителей, в Энгельсе – 8,9%, в Маркштадте – 5,9%.²⁷

Подобные итоги вполне закономерны: запасы продовольствия городских жителей, как правило, меньше, чем на селе, а продовольственная помощь населению немецкой автономии в 1933 г., в отличие от 1921 г., практически не оказывалась – ведь сам факт голода 1932-33 гг. властями АССР НП и СССР категорически отрицался. Обращает на себя внимание и чрезвычайно высокий – на общем фоне – уровень смертности в Бальцере и Бальцерском кантоне (Правобережье). Это подтверждает вывод А. Германа о том, что именно здесь голод 1932-33 гг. имел наиболее трагические последствия.²⁸ Напротив, в 1921-22 гг., как мы видели, эпицентр голода находился в левобережной части АОНП.

О последствиях голода 1932-33 гг. в Поволжье наглядно свидетельствует сравнение официальной численности немецкого населения АССР НП в 1931 г. (вышеупомянутая статистика налогового учета) и 1937 г. (Всесоюзная перепись населения) – соответственно 383247 и 322652 чел. Падение численности на 60595 чел. (15,8%) за 6 лет требовало, конечно, объяснений. Тем более, что АССР НП отличалась достаточно высокой рождаемостью, которая, по сведениям А. Германа (возможно, как отмечалось, заниженным), даже в голодном 1933 г. составила 2,1% численности населения.²⁹

Положим, с демографической статистикой за 1931 г. был знаком только очень узкий круг людей, но уж итоговую цифру Всесоюзной переписи населения 1926 г. – 379630 немецких жителей – знали многие. А из нее вытекало снижение числа лиц «коренной национальности» образцово-показательной автономной республики СССР за 11 лет триумфального «социалистического строительства» на 56978 чел. (15,0%).

Предварительные итоги переписи 1937 г. произвели в Кремле фурор. Они показывали, в частности, что общая численность населения АССР НП снизилась по сравнению с 1926 г. на 15,4%. Хуже демографическая ситуация оказалась лишь в Саратовской области и Казахской ССР, где голод 1932-33 гг. свирепствовал, видимо, еще сильнее. Особенно «отличилось» мужское население Немреспублики, сократившееся на 16,8%. Это и понятно: мужчины, как обычно, пострадали от голода больше всего.

Начальник ЦУНХУ (тогдашнего ЦСУ) И.А. Краваль принялся оправдываться. Первым делом он напомнил руководству ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что перечисленные регионы, как и вся территория Украины, не считая Донбасса, – это «именно те области, где сопротивление кулачества коллективизации было наиболее ожесточенным». «Данные переписи показывают, что влияние сопротивления кулачества на численность населения было значительно большим, чем это учитывалось регистрацией рождаемости и смертности ЗАГСами», – сетовал Краваль. В своей последующей реляции в Кремль он уточнил этот витиеватый вывод: мол, речь идет о регионах с «относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов».³⁰

Доля истины в этих объяснениях, конечно, имелась. К примеру, по данным А. Германа, власти выселили из АССР НП в 1930-31 гг. 24202 «кулака». Однако влияние голода на демографическую ситуацию было гораздо сильнее: согласно тому же автору, в 1929-33 гг. жертвами голода в Немреспублике стали 55,7 тыс. человек. К тому же в голодном 1933 г. за пределы АССР НП выехали 110,4 тыс. жителей.³¹ Но напоминать кремлевским правителям об организованном ими голодоморе главный советский статистик по понятным причинам поостерегся.

Оправдания не помогли: сталинский режим обратился к своим испытанным орудиям – подлогу и казням. Уже через несколько месяцев материалы переписи 1937 г. были объявлены «дефектными», ее организаторы репрессированы (в частности, сам

И.А. Краваль расстрелян), а в 1939 г. власти провели новую Всесоюзную перепись населения.

Согласно подсчетам В.Б. Жиромской, организаторы переписи 1939 г., не пожелав повторить судьбу своих предшественников, приписали к численности населения АССР НП 53,1 тыс. человек (9,6%). Столь масштабной приписки не было произведено ни по одной другой автономной республике СССР, что с учетом вышеизложенного едва ли может удивить. Особенно резко пришлось «повысить» численность мужского населения – на 16,8%.³² Однако даже после этих приписок доля мужчин составила в 1939 г. по АССР НП менее половины, 49,4% (согласно предварительным итогам переписи 1937 г. – 46,6%), а среди немецкого населения – и вовсе 47,0%.

Для сравнения: в Украинской ССР, где приписок по немецкому населению, насколько известно, не было, доля мужчин среди немцев оказалась в 1939 г. просто катастрофически низкой – 45,4%. В целом по населению Украины данный показатель составил тогда 47,7%, но за точность этой цифры, в отличие от предыдущей, ручаться трудно.

Перейдя от Поволжья к Украине, хочу в первую очередь коснуться источниковой базы по излагаемой проблеме. Должен с сожалением констатировать, что в московских библиотеках нет ни единого украинского статсборника, изданного по итогам переписи населения 1920 г. (подобные публикации 2-й половины 20-х годов представлены здесь, напротив, достаточно широко).

Украинским историкам лучше знать, выпускались ли подобные издания и какие сведения о жертвах голода 1921-22 гг. можно почерпнуть в местных архивах. Мы же обратим внимание на утверждение В. Иваненко и А. Голуба о том, что за период начала 30-х годов «существует статистика смертности по национальному составу в городах и селах Украины».³³ Если это так, то украинские историки находятся в гораздо лучшем положении, чем их коллеги в России, где ничего подобного, насколько нам известно, нет. Дело только за тем, чтобы найти и проанализировать эту статистику.

Но прежде всего следовало бы, на наш взгляд, тщательно изучить источник, который не нужно разыскивать и который содержит массу ценной информации, в т. ч. и об уровне смертности немцев Украины во время голода 1921-22 и 1932-33 гг. Я имею в виду знаменитые «сельские журналы» (Dorfberichte) К. Штумппа, хранящиеся в Федеральном архиве Германии (Кобленц). Ссылки на них встречаются в последнее время и в работах украинских историков,³⁴ однако в Германии они известны гораздо больше.

Напомню, что речь идет об обширных справках, которые характеризуют различные стороны жизни примерно 100 немецких сел, а также немецкого населения некоторых других мест Украины и составлены в период нацистской оккупации спецгруппой во главе с К. Штумппом, известным историком российских немцев. Мы знакомы с этими материалами по одному из докладов самого К. Штумппа, по книге Р.Х. Вальта, где дано подробное описание сельских журналов, и по справочнику У. Мертенса, в котором приведено немало статистических данных, собранных спецгруппой.³⁵

Каждый сельский журнал завершался разделом «Экономические и политические бедствия при большевизме», куда, в частности, заносились данные о количестве умерших от голода в 1921-22 и 1933-34 гг., включая мужчин, женщин и молодых людей до 18 лет. Кроме того, к журналам прилагались списки умерших с указанием фамилии, имени, возраста, профессии и года смерти.³⁶

Проиллюстрирую итоги этих обследований на примере Хортицких меннонитских сел, ситуацию в которых К. Штумпп подробно осветил в своем

вышеупомянутом докладе. Согласно данным его спецгруппы, в этих селах умерли от голода: в 1921-22 гг. – 36 чел., в 1933-34 гг. – 22. Смертность от голода была зафиксирована группой в целом ряде колоний – как в 1921-22 гг. (Владимировка, Кичкас, Малашевка, Нижняя Хортица, Широкое), так и в 1933-34 гг. (Бабурка, Долинск, Малашевка, Нижняя Хортица, Николайполь, Розенбах). Однако подавляющее большинство умерших (2/3 в 1921-22 гг. и 1/2 в 1933-34 гг.) приходится всего на одно село – Нижнюю Хортицу, где умерло соответственно 2,9% и 1,1% жителей.³⁷ Причины этого феномена я пока что объяснить не берусь.

Позволительно, конечно, усомниться, что в 1942 г. можно было с точностью установить всех людей, умерших голодной смертью за 8-9 лет, а тем более за 20-21 год до этого. Однако, насколько мы знаем, тогдашние обследования проводились весьма тщательно, так что их результаты не должны содержать очень существенных ошибок.

Данному выводу противоречит сообщение Н. Осташевой о голоде 1932-33 гг.: «Из 103 семей жителей села Морозово (Николайпольская группа) осталось в живых лишь 18 (данные К. Штумппа о трех смертельных случаях не выдержали проверки)».³⁸ На наш взгляд, это высказывание нуждается в уточнениях. У К. Штумппа, судя и по его докладу, и по двум другим вышеуказанным источникам, нет данных о «трех смертельных случаях» в селе Морозово (Гохфельд или Ней-Гохфельд) – таковых спецгруппа не установила вообще. К тому же неясно, как совместить утверждение Н. Осташевой с динамикой численности населения в этом селе: 1930 г. – 354 чел., 1933 г. – 451, 1937 г. – 476, 1941 г. – 633.³⁹

По нашему мнению, требуют уточнений и данные Н. Осташевой об уровне смертности на территории Хортицких колоний во время голода 1921-22 гг., противоречащие цифрам К. Штумппа: «До мая 1922 г. было зарегистрировано 133 смертельных случая».⁴⁰

Во-первых, непонятно, идет ли речь только о немцах, смертность которых фиксировала группа К. Штумппа, или о населении в целом. А ведь этот вопрос немаловажен, поскольку в таких Хортицких селах, как Канцеровка, Кичкас, Нижняя Хортица, Павловка, Хортица, уже в то время проживало довольно много ненемецкого населения. Во-вторых, хотелось бы знать, в каких именно селах были зарегистрированы эти смертные случаи. В-третьих, не вполне ясен источник приведенных данных. В конце процитированной фразы он не указан – ссылка на источник дана в тексте ниже, где говорится уже не об уровне смертности, а о зарубежной продовольственной помощи Хортицким колониям.

Не считая Нижней Хортицы, группа К. Штумппа зарегистрировала массовую смертность только в Высокопольских колониях. Наличие сильного голода в Высокопольском районе в 1932-33 гг. отмечают и украинские историки.⁴¹ Приведу соответствующие данные К. Штумппа, которыми мы располагаем, сопоставив их с численностью населения в колониях в 1918-19 гг. (если речь идет о голоде 1921-22 гг.) или в 1925-26 гг. (голод 1932-33 гг.).

Согласно обследованиям спецгруппы, в 1921-22 гг. наиболее высоким уровнем смертности отличались колонии Фирстенфельд (Князевка) – 39 чел. (11,0% населения), Николайталь (Никольское) – 38 (9,2%), Ландау (Потемкино) – 34 (7,8%), Шенталь (Краснояр) – 28 (7,8%), Ней-Мангейм (Марьяновка) – 20 (10,9%), Эбенфельд (Брусилово) – 19 (7,2%), Эйгенталь (Ольгино) – 16 (6,9%), а в 1933-34 гг. колонии Шенау (Красновка) – 34 чел. (9,4%), Николайфельд (Никольское) – 26 (7,0%), Мариенбург (Орлово) – 19 (3,9%), Тиге (Кочубеевка) – 18 (3,7%), Эйгенталь – 16 (4,6%), Александрфельд (Александровка) – 13 (3,0%), Ландау – 13 (3,1%), Ней-Шензее (Озеровка) – 13 (3,1%), Альтонау (Пригорье) – 12 (3,1%), Фирстенфельд – 11 (1,6%), Блюменорт (Светловка) – 10 (2,6%).

Как видно, в перечисленных немецких селах Украины не было такой огромной смертности, как в Поволжье. Причины достаточно известны: катастрофический голод в АОНП в 1921-22 гг. был спровоцирован как беспощадной экспроприацией властями всех запасов продовольствия, так и сильнейшей засухой, чего на Украине, насколько можно судить по литературе, не наблюдалось, а в 1932-33 гг. многие немцы Украины получали продовольственную помощь из-за рубежа, которая на Волге почти отсутствовала.

Однако детальное сравнение ситуации в двух важнейших регионах проживания российских немцев современной историографии еще не под силу – уже потому, что ни материалы К. Штумппа, ни другие известные исследования не дают достаточно полного представления о масштабах голода среди немецкого населения в подавляющем большинстве районов Украины.

Отсюда следует, что историкам предстоит большая работа в том направлении, о котором шла речь. Это касается, конечно, не только Украины, но и Поволжья. Так, мы получили подробную информацию о «географии» голода 1921-22 гг. на Волге, но пока не можем дать ей исчерпывающих объяснений; нам неплохо известны соответствующие материалы Энгельского архива, но историки еще практически не исследовали документов об уровне смертности немецкого населения в период голода 1921-22 и 1932-33 гг., которые должны храниться в саратовских и волгоградских областных архивах.

Общественная Академии наук российских немцев готова к сотрудничеству со всеми исследователями, изучающими эту чрезвычайно важную проблематику, как и демографическую историю российских немцев в целом.

Сентябрь 2007 г.

Примечания

1 См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. I. Автономная область. 1918–1924. Саратов, 1992, с. 113-147; Винс О.В. Смертность населения АОНП от голода в 1921-1922 гг., в кн.: Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Вып. 1. Саратов, 1993, с. 62-69; Герман А.А. Голод начала 30-х гг. в республике немцев Поволжья и его последствия, в кн.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995, с. 233-242; Иваненко В.В., Голуб А.И. Голод начала 30-х годов и судьба немецких колонистов, в кн.: Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Днепрпетровск, 1996, с. 150-157.

2 См.: Герман А.А. Голод начала 30-х гг., с. 236-238.

3 См.: Герман А.А. Немецкая автономия, с. 119.

4 Винс О.В. Указ. соч., с. 66-67.

5 См.: Бобылева С., Безносков А. Украина, в кн.: Немцы России: энциклопедия: т. 3: П-Я / Редкол.: О. Кубицкая (пред. редкол.) и др. М., 2006, с. 589, 598; Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. М., 2002, с. 56, 63, 65, 150, 170.

6 См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. II. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994, с. 120-126; Немцы России: энциклопедия: т. 1: А-И / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.) и др. М., 1999, с. 595-598.

7 См.: Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. Вып. 1. М., 1924, с. 48-53; Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930, с. 121-224; Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск, 1923; Списки населенных мест по Омскому округу. Омск, 1925; Список населенных мест Томской губернии: По данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923; Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа, 1926; Список населенных пунктов Донской области. Ростов-на-Дону, 1922; Список населенных пунктов КССР [Киргизской АССР]. Губернии: Актюбинская,

Адаевский район, Букеевская, Кустанайская, Оренбургская и Тургайский район. Оренбург, 1923; Справочник по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1921.

8 Vorläufige Ergebnisse der Allrussischen demographisch-professionellen Zählung in den bewohnten Ortschaften des Gebiets der Wolgadeutschen am 28. August 1920. Marxstadt 1921 / Предварительные итоги Всероссийской демографическо-профессиональной переписи по Области Немцев Поволжья 28 августа 1920 года. Маркштадт, 1921. См.: Общественно-государственное учреждение «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУГИАНП). Ф. ОАФ-Р-170. Оп. 1о/д. Ед. хр. 479.

9 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 25-57.

10 Über den Zustand der Bauern-Wirtschaften und über die Bevölkerung im Gebiet der Wolgadeutschen am 1. Januar 1922. Notizen der Gebietsabteilung für Statistik. Marxstadt, am 1. März 1922. См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 69. Л. 3-42.

11 См.: Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926, с. 27.

12 Винс О. Указ. соч., с. 67.

13 Сборник статистических сведений по Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья. 1916–1924 гг. Покровск, 1924, с. 29, 32, 33.

14 Kappes S. Zur Lage unseres Gebiets, am 1. Januar 1922, in: Unsere Wirtschaft (Marxstadt), 1922, Nr. 6, S. 162.

15 См.: Герман А.А. Немецкая автономия, ч. I, с. 131.

16 Дизендорф В. Жизнь Франца Шиллера и его письма, в кн.: Шиллер Ф.П. Письма из Мертвого дома. М., 2002, с. 959.

17 Винс О. Указ. соч., с. 65.

18 Unsere Wirtschaft, 1923, Nr. 11, S. 331.

19 Kappes S. Op. cit., S. 162.

20 Там же.

21 Винс О. Указ. соч., с. 66, 69.

22 См.: Vorläufige Ergebnisse der Volkszählung der Sowjetunion des Jahres 1926 in der ASSR der Wolgadeutschen / Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по АССР Немцев Поволжья. Roktowsk 1927.

23 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 2430.

24 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 570. Л. 13-49.

25 См.: ОГУГИАНП. Ф. 1188. Оп. 1о/д. Д. 569. Л. 66-77.

26 Герман А.А. Немецкая автономия, ч. II, с. 121, 122, 126.

27 Там же, с. 123.

28 Там же.

29 См.: Герман А.А. Немецкая автономия, ч. II, с. 126.

30 Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007, с. 29-32, 38-39, 45.

31 Герман А.А. Немецкая автономия, ч. II, с. 110, 121, 126.

32 Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994, с. 44-45.

33 Иваненко В.В., Голуб А.И. Указ. соч., с. 153.

34 См., напр.: Немцы России: энциклопедия: т. 3, с. 598; Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7, с. 65.

35 См.: Stumpp K. Bericht über das Gebiet Chortitza im Generalbezirk Dnjeppropetrowsk. Berlin 1943; Вальт Р.Х. Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером. Эссен, 1996; Mertens U. Handbuch Russland-Deutsche. Ein Nachschlagewerk zur russland-deutschen und deutsch-russischen Geschichte und Kultur (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg/Paderborn 2001.

36 См.: Вальт Р.Х. Указ. соч., с. 333, 343-345.

37 Stumpp K. Op. cit. Beilage, S. 3.

38 Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7, с. 65.

39 Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / Сост.: В.Ф. Дизендорф. М., 2006, с. 267.

40 Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998, с. 77.

41 См., напр.: Немцы России: энциклопедия: т. 1, с. 444, 597; Немцы России: энциклопедия: т. 3, с. 598.

О ЧИСЛЕННОСТИ НЕМЦЕВ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГА (1939–1951 гг.)

В последние годы тема «Немцы в ГУЛАГе» получила довольно широкое освещение в литературе. Не так давно в Австрии и Германии даже вышла книга под соответствующим названием.¹ Правда, в ней приведены только воспоминания выживших узников ГУЛАГа из числа зарубежных немцев – выходцев из Германии, Австрии и стран Восточной Европы.

Пребывание в ГУЛАГе российских немцев нашло отражение главным образом в рамках «трудармейской» тематики. Это вполне закономерно: именно через «трудармию» попала в ГУЛАГ основная масса наших соплеменников. Тем не менее, заинтересованный читатель может получить немало информации и о судьбах российско-немецких узников «обычных» лагерей ГУЛАГа. Один из последних тому примеров – размещенные на нашем сайте воспоминания «Жизнь при тирании» бывшего политзаключенного Э.Ф. Иоганнеса, который отбыл 10 лет в Усольяге НКВД/МВД СССР.

Гораздо меньшее внимание привлекает, к сожалению, статистический аспект данной проблематики. Так, историки российских немцев отметили до сих пор практически только одно соответствующее обстоятельство: на 1.1.1939 г. в лагерях ГУЛАГа содержались 18572 немца, что составило 1,4% общей массы узников этих лагерей, тогда как доля немцев в численности населения СССР находилась в тот период на уровне 0,7%.

Между тем московский историк В.Н. Земсков, наиболее известный своими исследованиями тематики спецпоселения,² еще в 1991 г. опубликовал обширные статистические данные о составе, в т.ч. национальном, узников ГУЛАГа за целый ряд лет,³ что позволяет проанализировать этот состав в динамике. Прискорбно, но факт: эта важная публикация в известном московском журнале так и не привлекла внимания историков, исследующих сталинские репрессии в отношении российских немцев. Воистину, мы ленивы и нелюбопытны...

Основные данные В.Н. Земскова, касающиеся заключенных-немцев, можно свести в таблицу:

Годы	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1951
Общая численность заключенных в лагерях ГУЛАГа (на 1 января), чел.	1317195	1344408	1500524	1415596	983974	663594	715505	600897	786441	1533767
В т.ч. немцев, чел.	18572	18822	19120	19258	18486	19773	22478	18155	18738	21096
Доля немцев в общей численности, %	1,4	1,4	1,3	1,4	1,9	3,0	3,1	3,0	2,4	1,4

Сразу же отметим следующие моменты, проясняющие содержание таблицы. Во-первых, речь идет обо всех немцах, включая иностранных граждан. Однако ниже мы покажем, что последние составляли весьма незначительную часть общей массы

немецких узников ГУЛАГа. Во-вторых, приведенные данные касаются только гулаговских «исправительно-трудовых лагерей» (ИТЛ), но не «исправительно-трудовых колоний» (ИТК). В дальнейшем мы также оценим значимость этого обстоятельства. В-третьих, в таблице не учтены «трудармейцы», хотя основная их часть содержалась именно в лагерях ГУЛАГа (правда, на особых лагпунктах). Гулаговская статистика учитывала «трудармейцев» отдельно, т.к. они формально считались не осужденными, а «трудмобилизованными». В-четвертых, по аналогичной причине в данной статистике не отражены т.н. «спецлагеря» (или проверочно-фильтрационные лагеря) НКВД, через которые прошло большинство «репатриантов», т.е. советских граждан, вывезенных германскими оккупационными властями в годы войны за пределы СССР, а затем принудительно доставленных назад. Как известно, среди таких людей было множество немцев, проживавших на оккупированных советских территориях. Наконец, в-пятых, данные таблицы не могут претендовать на абсолютную точность, т.к. по некоторому (весьма небольшому) количеству заключенных гулаговская статистика не приводит данных о национальной принадлежности.

Несмотря на все эти оговорки, приведенная таблица содержит очень существенную информацию, характеризующую репрессивную сталинскую политику в отношении немецких и остальных граждан СССР. Прежде всего, обратим внимание на то, что динамика общей численности заключенных-лагерников и, с другой стороны, немецких узников лагерей ГУЛАГа имеет серьезные отличия. В первом случае соответствующий показатель заметно снижался в течение 5 лет подряд, во втором аналогичный процесс наблюдался всего дважды, причем в гораздо меньшей степени. Отметив этот принципиальный факт, рассмотрим динамику двух данных показателей в отдельности.

Уже динамика общей численности заключенных лагерей ГУЛАГа перечеркивает известный миф, укоренившийся в историографии и – в еще большей мере – в обыденном сознании. А именно, обычно считается, что пик сталинских репрессий пришелся на 1937-1938 гг., т.е. на период кровавой «ежовщины». Наша таблица рисует совершенно иную картину.

С начала 1939 г. и до начала 1941 г., т.е. уже после смещения «железного наркома» НКВД СССР Н.И. Ежова, число заключенных гулаговских лагерей отнюдь не уменьшилось, а, напротив, возросло на 183 тыс. человек или на 13,9%. В какой-то мере это может объясняться известными драконовскими мерами по «укреплению трудовой дисциплины», предпринятыми сталинским режимом незадолго до войны, в 1940 г. Однако значимость этого обстоятельства не следует переоценивать уже потому, что осужденные за опоздания на работу («прогульщики») и прочие «нарушения трудовой дисциплины» обычно содержались не в ИТЛ, а в ИТК, заключенные которых не нашли отражения в данной статистике.

Еще более заметно чудовищное нарастание численности заключенных-лагерников в первом послевоенном пятилетии, с 1946 по 1951 гг., – на 933 тыс. человек или в 1,6 раза. Не в 1937 г., а в последние годы сталинского режима ГУЛАГ достиг своих максимальных размеров. По тем же данным В.Н. Земскова, на начало 1953 г., т.е. накануне смерти Сталина, в лагерях ГУЛАГа содержалось «рекордное» число заключенных – 1727970 чел. (по ИТЛ и ИТК, вместе взятым, «рекорд» пришелся на 1.1.1950 г. – 2561351 чел.). Сталинская репрессивная машина наращивала обороты до самого конца правления «Вождя народов».

Особое место в системе сталинских репрессий занимает осуждение за «контрреволюционные преступления», т.е. по пресловутой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. и соответствующим статьям тогдашних УК остальных союзных республик. Согласно данным В.Н. Земскова, на 1.1.1934 г., накануне развертывания

Сталиным массовых политических репрессий, в лагерях содержалось 135190 чел., осужденных по этим статьям (26,5% общей численности заключенных-лагерников), а на 1.1.1953 г. их насчитывалось уже 465256 чел. (26,9%). Наибольшее число политзаключенных было зарегистрировано в лагерях ГУЛАГа на 1.1.1952 г. – 480766 чел., а их максимальный удельный вес в общей численности лагерников – 1.1.1946 г. (59,2%).

Что касается свертывания политических репрессий после устранения Ежова, то такое явление действительно имело место, но оно носило очень ограниченный характер. С 1.1.1939 г. по 1.1.1941 г. численность заключенных, осужденных за «контрреволюционные преступления» и содержащихся в гулаговских лагерях, понизилась всего на 34 тыс. человек или на 7,5%.

Обращает на себя внимание, конечно, и резкое сокращение числа заключенных гулаговских лагерей в годы Великой Отечественной войны. С начала 1941 г. по начало 1946 г. их количество уменьшилось почти на 900 тыс. человек или на 60,0%. Причина достаточно известна – массовая отправка гулаговских узников на фронт. В самом деле, по данным В.Н. Земскова, с начала войны и до середины 1944 г. на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. заключенных ГУЛАГа (включая освобожденных «за отбытием сроков наказания»).

Как мы уже отмечали, динамика численности немецких лагерников выглядела совершенно иначе – их количество в исследуемый период почти неуклонно возрастало, не считая лишь 1943 г. (уменьшение на 4,0%) и 1946 г. (на 19,2%), повысившись в целом за 1939-1951 гг. на 13,6%. Это и понятно: немцев из лагерей на фронт не отправляли – напротив, формирование т.н. трудармии главным образом из немецких «трудмобилизованных» было вызвано не в последнюю очередь стремлением вновь заполнить гулаговские лагеря, заметно поредевшие после начала войны. В отношении антинемецких репрессий сталинская система никаких послаблений не допускала.

Самое резкое нарастание численности немцев в лагерях ГУЛАГа наблюдалось, как видно, с начала 1943 г. по начало 1945 г. – на 21,6%. На мой взгляд, это во многом объясняется явлением, которое было отмечено мной в статье «Чтобы помнили: трудармия, лесные лагеря, Усольлаг», размещенной на нашем сайте. Там, напомним, шла речь о массовой практике осуждения «трудармейцев» (в первую очередь по «политическим» статьям) и их последующей отправке в «обычные» лагеря ГУЛАГа. С этими же процессами связано, очевидно, отмеченное выше существенное снижение количества немецких лагерников к 1946 г., когда «трудармия» начала сворачиваться.

В.Н. Земсков справедливо отметил в своей работе, что немцы и прочие заключенные из числа представителей депортированных народов содержались в основном не в колониях, а в лагерях ГУЛАГа с их особо жестким режимом. Так, на 1.1.1944 г. в колониях насчитывалось 9450 немцев (1,8% общей численности заключенных ИТК), а на 1.1.1951 г. – 11173 (1,1%). Как видно из таблицы, доля немцев в ИТЛ была в эти годы существенно выше.

В работе В.Н. Земскова приведены также некоторые данные о содержании в ГУЛАГе зарубежных немцев – политэмигрантов, осужденных военнопленных и т.д. На 1.1.1944 г. в гулаговских лагерях насчитывалось 194 подданных Германии, а на 1.1.1951 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа было 3949 подобных лиц. Нетрудно заметить, что гулаговский «контингент» из числа их советских соплеменников был гораздо больше.

Значимость данных В.Н. Земскова для нас, российских немцев, видится мне, прежде всего, в том, что они с предельной наглядностью свидетельствуют об особо широких масштабах сталинских репрессий в отношении нашего народа. Даже на начало 1941 г., в разгар политического флирта Сталина с Гитлером, доля немецких

лагерников ГУЛАГа составляла 1,3% – почти вдвое больше удельного веса немцев в тогдашней численности населения СССР. Ниже этой цифры данный показатель не опускался в исследуемый период ни разу, в т.ч. и в 1951 г., когда война с Германией, на которую до сих пор принято списывать сталинский геноцид против российских немцев, давно осталась позади. А в 1944-1946 гг., как показывает таблица, соответствующая величина составляла не менее 3,0%. Это превышало долю немцев в советском населении уже в 4 с лишним раза!

Как в этом свете расценить позицию небезызвестных историков российских немцев, голословно отрицающих наличие особой «антинемецкой линии» в сталинской репрессивной политике? Уж не потому ли наша историография до сих пор «не заметила» основополагающую работу В.Н. Земскова, что приведенные там данные начисто опровергают откровенно антинаучные публикации по истории российских немцев в сталинский период, все чаще появляющиеся в России в последние годы?..

Март 2009 г.

Примечания

1 Ihr verreckt hier bei ehrlicher Arbeit!: Deutsche im Gulag 1936–1956. Anthologie des Erinnerns / E. Donga-Sylvester, G. Czernetzky, H. Toma (Hg.). – Graz, Stuttgart 2000.

2 См., напр.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

3 См.: Он же. ГУЛАГ (историко-социологический аспект), «Социологические исследования», 1991, № 6, с. 10-27; № 7, с. 3-16.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИЮ С ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1939-1941 гг.)

Согласно Секретному дополнительному протоколу к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г., к «сфере интересов» последнего была отнесена основная часть территорий, в свое время входивших в состав Российской империи, но отошедших от СССР после 1917 г.: Финляндия, Прибалтика, Западная Белоруссия, Западная Украина, Бессарабия. Не считая Финляндии, все эти территории были в 1939-40 гг. присоединены к СССР.

Руководство Германии, «уступив» их своему новоявленному союзнику, воспользовалось тогдашним «территориально-политическим переустройством» (термин из Секретного дополнительного протокола) для реализации известного нацистского лозунга «Heim ins Reich!» («Домой в Рейх!»). А именно, немецкое население всех указанных областей, присоединенных к СССР, было переселено в Германию – точнее говоря, на территорию так называемого Вартегау, включенную в состав Рейха после оккупации Польши в сентябре 1939 г. Эта акция, начавшаяся ровно 70 лет назад, осуществлялась на основе соглашений между Германией и, с другой стороны, правительствами стран Прибалтики и СССР.

Первые советско-германские договоренности на сей счет были зафиксированы в Доверительном протоколе к Договору о дружбе и границе между СССР и Германией.¹ Протокол, как и договор, был подписан 28 сентября 1939 г. в Москве представителями правительств двух стран – председателем Совнаркома и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом. Договор установил точную границу обоюдных государственных интересов СССР и Германии «на территории бывшего Польского государства».

Согласно Доверительному протоколу, правительство СССР обязалось не препятствовать «лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов», при переселении в Германию или в сферы германских интересов. Проведение переселения возлагалось на уполномоченных правительства Германии «в согласии с компетентными местными властями»; при этом не должны были затрагиваться имущественные права переселенцев. Соответствующее обязательство в отношении лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах ее интересов, приняла на себя и германская сторона.

Переселение немецкого населения в 1939-41 гг., основываясь на секретно-доверительных договоренностях СССР с Германией, само по себе не держалось в секрете советскими властями. Так, ведущие советские газеты сообщали, что 10 января 1941 г., т.е. уже после присоединения стран Прибалтики к СССР, в Риге и Каунасе были подписаны советско-германские соглашения о переселении в Германию немцев, еще остававшихся на территории Литвы, Латвии и Эстонии.² К переселению немцев из Прибалтики проявила внимание даже советская художественная литература – соответствующий сюжет имеется в романе В.М. Кожевникова «Щит и меч», по которому в 1968 г. был поставлен известный кинофильм.

Тем не менее, этот важный исторический процесс практически не нашел отражения в отечественной историографии. К примеру, в статьях «Балтийские немцы» (М. Катин-Ярцев) и «Бессарабия» (Д. Брандес), размещенных в Энциклопедии «Немцы

России», содержатся лишь лаконичные упоминания о переселении немцев с этих территорий в Вартегау.³

Попытаемся хотя бы частично восполнить этот историографический пробел, проанализировав соответствующие материалы, опубликованные в разделе «Die Umsiedlung der Volksdeutschen in das Großdeutsche Reich» («Переселение этнических немцев в Великогерманский Рейх») официального издания «Документы Германской политики»,⁴ в российском официальном издании «Документы внешней политики», а также в некоторых других источниках. Учитывая, что советско-германские документы о переселении немцев в 1939-41 гг. размещены в Интернете, воздержимся от изложения их содержания, сосредоточившись на процессе принятия этих документов и на самом ходе переселения.

Прежде всего, отметим, что п. 1 Программы нацистской партии НСДАП постулировал «объединение всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение». Нацисты стремились достичь этой цели в первую очередь за счет «аншлюса» Австрии, а также присоединения пограничных земель, населенных в основном немцами и утраченных Германией в итоге 1-й мировой войны. Однако за пределами этой территории в Европе еще проживали миллионы немцев.

Идея их «возвращения в Рейх» была впервые официально изложена в речи Гитлера на заседании Рейхстага 6 октября 1939 г. Имелось в виду переселение на территорию, только что отвоеванную у Польши, «осколков германской народности», рассеянных по востоку и юго-востоку Европы, под внешне благовидным предлогом устранения одной из причин продолжающихся межгосударственных конфликтов. Гитлер назвал запланированное переселение немцев важнейшей среди задач, вытекающих для Германии «из распада Польского государства», и подчеркнул, что Германия и СССР договорились «взаимно поддерживать при этом друг друга».

Уже на следующий день, 7 октября, Гитлер назначил своим указом рейхсфюрера СС Г. Гимmlера «рейхскомиссаром по укреплению германской народности», поручив ему организацию широкомасштабного «возвращения» зарубежных немцев. А еще через 2 дня было официально объявлено, что Германия вступила по этому поводу в переговоры с правительствами Латвии и Эстонии. К данному моменту СССР уже успел навязать Эстонии (28 сентября) и Латвии (5 октября) «договоры о взаимопомощи», предусматривавшие размещение здесь советских войск, так что полная советизация этих стран была лишь вопросом времени.

В районах Прибалтики, присоединенных в XVIII в. к Российской империи, издавна проживало многочисленное и влиятельное немецкое население. К 1914 г. в трех прибалтийских губерниях – Курляндской, Лифляндской и Эстляндской – насчитывалось ок. 180 тыс. немцев. Через четверть века на этой территории, в основном отошедшей к Латвии и Эстонии, немецкого населения осталось вдвое меньше.

Причин на то немало – человеческие потери периода 1-й мировой войны, падение рождаемости, принуждение к выезду в итоге ликвидации немецкого землевладения, свертывания самоуправления балтийских немцев и притеснений в области национальной культуры. Наиболее последовательно эта антинемецкая политика проводилась в независимой Латвии. Так, латвийский премьер-министр (будущий президент) К. Ульманис прямо заявил в 1934 г. о создании «латышской Латвии, управляемой латышами», посредством «освобождения от одностороннего влияния немецкой культуры».

Первое межгосударственное соглашение, инициированное выступлением Гитлера в Рейхстаге, – Протокол о переселении немецкой национальной группы Эстонии в Германский Рейх, – было заключено в Таллине 15 октября 1939 г. Документ

подписали чрезвычайные посланники и полномочные министры, которые вели переговоры на этот счет по поручению своих правительств: от Германии – д-р Г. Фрвайн, от Эстонии – И. Маркус. 16 октября протокол был ратифицирован эстонским президентом К. Пятсом.

Переселение из Эстонии, как и из Латвии, производилось исключительно морским путем, с помощью германских пароходов. Первый пароход с 460 немецкими переселенцами из Эстонии покинул Таллин 18 октября и прибыл в Данциг (ныне Гданьск) 20 октября 1939 г. Переселение в основном завершилось к середине ноября. Последнее судно с переселенцами прибыло в порт Готенхафен (Гдыня) 18 декабря.

Договор о переселении латвийских граждан немецкой национальности в Германский Рейх был заключен в Риге 30 октября и ратифицирован правительством Латвии 8 ноября 1939 г. От имени правительств своих стран документ подписали чрезвычайный посланник и полномочный министр У. фон Котце (Германия) и министр юстиции Г. Аписитс (Латвия). К документу был приложен Дополнительный протокол, подписанный указанными лицами одновременно с договором.

Первая группа в составе 350 немецких переселенцев из Латвии прибыла в Готенхафен уже 15 октября 1939 г. Последний пароход с переселенцами покинул Ригу 15 декабря и прибыл в Готенхафен 17 декабря.

Переселение немцев из Эстонии и Латвии стало предметом советского демарша еще до достижения соответствующих договоренностей между Германией и этими странами. 11 октября 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин поднял этот вопрос в беседе с послом Германии в Москве Ф. фон Шуленбургом.⁵

Как оказалось, правительство СССР поручило Потемкину выразить Шуленбургу «удивление по поводу поведения» балтийских немцев, которые «проявляют ничем не объяснимую панику, спешно ликвидируют свои имущества и дела и готовятся массами бежать за границу».

Потемкин вполне откровенно изложил и мотивы недовольства советской стороны этой ситуацией: дескать, создается впечатление, что немцы рассматривают «договоры о взаимопомощи» между СССР и странами Прибалтики как «катастрофу, угрожающую их собственной безопасности». Само правительство Германии было обвинено в том, что оно «усугубляет их панику». Такая позиция, продолжал Потемкин, дает пищу враждебной иностранной печати, «которая уже кричит, что вместо мира и порядка Советский Союз несет в Центральную Европу и Прибалтийские страны пожар и потрясения. Эта провокационная версия пугает наших соседей и может оказать неблагоприятное воздействие на политические переговоры, которые с ними ведет Советское правительство».

Забегая вперед, отметим, что балтийские немцы смотрели в будущее вполне реалистично. Так, в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента» от 16 мая 1941 г. предусматривалось, в частности, разрешить НКГБ и НКВД этих республик арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР (Сибирь и Северный Казахстан) сроком на 20 лет с конфискацией имущества немцев, записавшихся на репатриацию в Германию и отказавшихся выехать, в отношении которых имеются материалы об их антисоветской деятельности и подозрительных связях с иностранными разведками.⁶

14 октября 1939 г. германская сторона, отвечая на заявление В.П. Потемкина, объявила утверждение о том, что решение правительства Германии о переселении балтийских немцев компрометирует действия Советского правительства, «выдумкой английской пропаганды». Мол, о паническом переселении или бегстве не может быть и

речи, вся акция осуществляется в полном спокойствии и порядке и займет много месяцев. Германия заявила правительствам стран Прибалтики, что переселение представляет собой осуществление программы, развитой Гитлером в его речи 6 октября, и не имеет никакого отношения к последним договорам этих стран с СССР. Переселение немцев, резюмировали германские власти, – это наилучшее доказательство, что Германия, в соответствии с заключенными в Москве соглашениями, не заинтересована в Прибалтике.⁷

Хотя переселение немцев из Эстонии и Латвии было объявлено добровольным, оно производилось под массивным нажимом. Так, в Политическом отчете полпредства СССР в Германии за 1939 г. отмечалось: по сообщению сотрудников латвийской и эстонской миссий в Берлине, германская переселенческая комиссия запугивала немцев установлением в ближайшие дни советской власти в странах Прибалтики.⁸

Далее, руководители немецкой общины Латвии А. Ингельман и Э. Крёгер 30 октября 1939 г. обратились к ее членам через газету «Ригаше Рундшау» со словами: «Фюрер призвал нас. Мы следуем его призыву». В обращении, в частности, говорилось: «Тот, кто в эти дни отделяет себя от своей национальной группы, чтобы остаться в стране, отделяется от немецкого народа навсегда. Он должен знать об этом; ведь его решение распространяется на детей и внуков. И оно является необратимым».

Местные власти, со своей стороны, недвусмысленно дали понять, что это были не пустые фразы. Так, правительство Эстонии распорядилось о прекращении деятельности культурного самоуправления немецкой общины страны с 1 января 1940 г. Латвийское правительство ликвидировало институт им. Гердера в Риге (аналог современных германских институтов им. Гёте) и упразднило «Объединение немцев Латвии». С 1 ноября 1939 г. в Латвии были упразднены все немецкие школы, а в середине декабря – распущены все немецкие церковные общины и закрыта немецкая газета «Ригаше Рундшау».

Тем не менее, «следование призыву фюрера» оказалось далеко не единодушным. В 1939 г., по германским данным, из 70 тыс. немцев Латвии в Германию переселилось лишь 50 тыс., а из 20 тыс. немцев Эстонии – 13 тыс. «Заблудших овечек» пришлось «возвращать в Рейх» уже после присоединения стран Прибалтики к СССР.

3 июля 1940 г. Г. Гиммлер направил записку И. Риббентропу об ускорении переселения немцев из Прибалтики. Вслед за этим, 9 и 12 июля, германская сторона поставила в Москве вопрос о «репатриации» 40 тыс. немцев Литвы.⁹

Германско-советские переговоры о переселении оставшихся балтийских немцев, начатые в Риге 22 сентября 1940 г., завершились заключением соответствующего соглашения, как отмечалось выше, лишь 10 января 1941 г. Столь затяжной характер переговоров был обусловлен, прежде всего, принципиально разным подходом сторон к решению имущественных проблем переселенцев.

29 июля 1940 г. в беседе В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом отмечалось, что германские посланники в странах Прибалтики, особенно в Литве, где еще не было репатриации немецкого населения, проявляют беспокойство в связи с предстоящей национализацией земель, банков, фабрик и т.д. В ответ Советское правительство рекомендовало правительству Литвы в виде исключения приостановить национализацию имущества немцев с тем, чтобы эти вопросы были урегулированы непосредственно между Берлином и Москвой. В равной мере это относилось также к Эстонии и Латвии.¹⁰

7 августа Ф. Шуленбургу был вручен ответ Советского правительства по поводу обеспечения имущественных интересов немцев в странах Прибалтики. Конкретно было предложено образовать смешанные комиссии по урегулированию имущественных

вопросов немцев Эстонии и Латвии и отдельную смешанную комиссию по переселению немцев из Литвы и их имущественным вопросам. В.М. Молотов заметил по этому поводу, что Советское правительство учло особые отношения Германии со странами Прибалтики и пошло навстречу в вопросе о компенсации стоимости имущества немцев Литвы.¹¹

23 августа Ф. Шуленбург передал В.М. Молотову контрпредложение правительства Германии. При этом Шуленбург заявил, что в Эстонии и Латвии еще остается значительное число немцев, которых Германское правительство «желает теперь переселить в Германию». Так, в Эстонии, по данным бывшего посланника Германии, оставалось до 3000 немцев. В этой связи германская сторона предложила образовать две комиссии: 1) по переселению немцев из Литвы и оставшихся немцев из Эстонии и Латвии, 2) по имущественным вопросам немцев во всех трех республиках. Вопрос о создании этих комиссий был окончательно согласован сторонами лишь 9 сентября 1940 г.¹²

Вскоре после начала работы комиссий, 17 октября, Ф. Шуленбург заявил В.М. Молотову: Советское правительство не выполняет своих обязательств о полном возмещении стоимости имущества немцев в Прибалтике и о том, что национализация этого имущества проводиться не будет. Молотов ответил, что советская сторона никогда не принимала обязательства о полном возмещении. Дескать, национализация в отношении немцев Прибалтики была отсрочена, но не отменена. По словам Молотова, Советское правительство учло, что ранее при эвакуации немцев из Эстонии и Латвии производилось возмещение стоимости их имущества, а потому ввело его также для немцев Литвы и немцев, дополнительно эвакуирующихся из Эстонии и Латвии, – в отличие от всей практики национализации при Советской власти.¹³

26 октября в беседе с 1-м заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским Ф. Шуленбург заявил, что при его переговорах с В.М. Молотовым речь шла о размере имущества, а не о частичном (процентном) возмещении его стоимости. Посол выразил несогласие с тем, что возмещение составляет всего 10-20% стоимости имущества. Вышинский возразил, что задача смешанной комиссии – установление размера компенсации, а не имущества. Мол, немцам предлагается не 10 или 20, а даже 50%, хотя лицам других национальностей не дается никакая компенсация.¹⁴

5 ноября советник посольства Германии В. Типпельскирх обратился к А.Я. Вышинскому для урегулирования разногласий, возникших на переговорах в Риге по поводу возмещения стоимости имущества эвакуируемых немцев. Позиция германской стороны сводилась к следующему: а) все имущество должно быть возмещено полностью, т.к. частичное возмещение противоречит заверениям советской стороны о соблюдении германских экономических интересов в республиках Прибалтики; б) наличные деньги и банковские вклады должны также возмещаться в полном объеме. В ответ Вышинский заявил, что обязательства советской стороны выполняются полностью, вопрос о возмещении 100% стоимости имущества перед ней никогда не ставился, а вопросы о деньгах и вкладах будут рассмотрены дополнительно.¹⁵

20 ноября те же проблемы поставил перед А.Я. Вышинским Ф. Шуленбург. Вышинский ответил, что вопрос достаточно прояснен, и изменить что-то в советских предложениях он не вправе и не считает возможным. Тогда Шуленбург заявил, что желал бы обратиться по данному поводу к В.М. Молотову.¹⁶

Ситуация начала проясняться лишь 25 ноября, в ходе беседы Ф. Шуленбурга и представителя Германии по экономическим вопросам К. Шнурре с В.М. Молотовым. Шнурре заявил, что германская сторона хотела бы получить компенсацию за имущество немцев в течение 12-18 месяцев и что 10-процентная компенсация для немцев не соответствует заверениям Молотова о соблюдении германских интересов в

Прибалтике. Переговоры в Риге и Каунасе, отметил Шнурре, зашли в тупик, и их желательно возобновить. Для ускорения процесса он предложил не заниматься проверкой отдельных претензий, а назначить паушальную (общую) сумму компенсации. Германские претензии составляли по Эстонии и Латвии 215 млн. марок, а по Литве – 100 млн. Молотов ответил, что относительно паушальной суммы принципиальных возражений нет, но цифры, указанные германской стороной, надо проверить.¹⁷

28 ноября В.М. Молотов заявил Ф. Шуленбургу, что Советское правительство согласно принять паушальную сумму по трем республикам в размере 200 млн. марок, а за вычетом советских контрпретензий – 150 млн., выплатив ее равными частями в 1941 и 1942 гг. 12 декабря К. Шнурре сообщил Молотову о согласии правительства Германии с суммой 150 млн. Наконец, 21 декабря Шуленбург в беседе с Молотовым выразил надежду, что соглашение о паушальном регулировании имущественных претензий будет подписано до Рождества, т.е. до 25 декабря. Молотов ответил, что соглашение желательно подписать одновременно с договором о переселении и что подписывать соглашение будет А.Я. Вышинский, т.к. он участвовал в подготовке его проекта.¹⁸

Так оно в итоге и получилось: Соглашение между СССР и Германией об урегулировании взаимных имущественных претензий в Прибалтике подписали 10 января 1941 г. в Москве от имени своих правительств А.Я. Вышинский и К. Шнурре.¹⁹

Однако вопросы, связанные с переселением оставшихся немцев из Прибалтики, не были окончательно сняты и после этого. Так, В. Типпельскирх в беседе с А.Я. Вышинским 6 марта 1941 г. заявил, что в Литве незаконно препятствуют вывозу имущества, и просил ускорить переселение арестованных, а также рассмотрение вопроса о вывозе культурного имущества. 14 марта Вышинский сообщил Ф. Шуленбургу, что первая партия арестованных переселенцев уже отправлена, а сведения о массовом аресте вывозимого имущества не подтвердились. 24 марта Шуленбург, в свою очередь, заявил Вышинскому, что вопрос о переселении арестованных не решен: в Каунасе их осталось еще 300, в Риге – 43, Таллине – 41. Наконец, 14 июня, всего за несколько дней до начала войны, Вышинский сообщил Шуленбургу, что посольству Германии дан ответ об арестованных по 98 чел., вопрос об остальных 174 чел. находится в стадии рассмотрения, а из 94 военнослужащих-немцев, интересующих посольство, 32 уже выехали.²⁰

Дополнительное переселение немцев из Латвии и Эстонии производилось накануне войны, весной 1941 г. Согласно тем же германским данным, при этом было переселено всего 17 тыс. немцев, а не 27 тыс., как должно было бы следовать из цифр, приведенных выше.

Одновременно эта акция охватила немецких жителей Литвы, переселение которых правительство страны считало «не актуальным» даже в апреле 1940 г., т.е. накануне утраты ею своей независимости. В то время было переселено лишь несколько сот немцев из района Вильно (ныне Вильнюс), который СССР «даровал» Литве в октябре 1939 г., после раздела Польши.

29 ноября 1939 г. литовский посол в Германии Шкирпа сказал на этот счет своему советскому коллеге Шкварцеву, что «немецкое правительство переселяет немцев из Литвы с некоторым принуждением». Дескать, богатым говорят, «что вот придет Красная Армия – и она буквально всех арестует», а рабочим сообщают, что им придется очень плохо, т.к. «литовское правительство будет делать некоторые нажимы».²¹

О намерении Германии полностью «репатриировать» литовских немцев Ф. Шуленбург сообщил В.М. Молотову только 12 июля 1940 г., всего за несколько недель

до присоединения Литвы к СССР. По словам посла, Германия намеревалась сделать соответствующее предложение Литве в случае принципиального согласия на то советской стороны.²²

Немецкие общественные организации Литвы завершали свою деятельность под пристальным надзором НКВД. Так, союзный нарком Л.П. Берия 10 сентября 1940 г. указал НКВД Литовской ССР, что эти организации «активно ведут фашистскую агитацию и шпионскую работу по указаниям германских разведывательных органов». В этой связи Берия велел взять на оперативный учет всех выявленных участников немецких организаций и приступить к разработке в первую очередь активистов с задачей выявления их конкретной вражеской работы и агентуры немцев.²³

В свою очередь, НКВД Литовской ССР сигнализировал своему союзному наркомату 22 февраля 1941 г., что в Литве имела широкая сеть немецких культурно-просветительных учреждений, спортивных и религиозных общественных организаций, 24 библиотеки, 6 интернатов, 2 гимназии, 10 народных школ, спортивные клубы. Все они, дескать, «помогали германской разведке в насаждении массовой агентуры по всей Литве». В особенности этим грешила организация «Культурфербанд», «под прикрытием которой работали и военная разведка, и гестапо». В период репатриации руководство организации «усиленно разъясняло немцам, что они не могут быть арестованы, а их имущество национализировано, поскольку они якобы находятся под защитой Германского Рейха». Для выявления связей немцев с органами НКВД организация «Манншафт» вела наблюдение за подозрительными немцами, а слухи об этом «были умышленно распространены с целью запугать немцев и удержать их от сотрудничества с НКВД».²⁴

Согласно германским источникам, в 1940-41 гг. из республик Прибалтики было в целом переселено 65 тыс. немцев.²⁵

Немцев Латвии и Эстонии, прибывших в балтийские порты, доставляли затем специальными поездами в Позен (Познань). Здесь находился центр по приему переселенцев: им предоставляли германское гражданство, оказывали содействие в размещении и трудоустройстве. Центр имел филиалы в Готенхафене, Штеттине (ныне Щецин), Шнайдемюле (ныне Пила) и Лодзи. Консультативную помощь прибывшим оказывал по поручению Г. Гимmlера вышеупомянутый Э. Крёгер, ставший после переселения из Латвии штандартенфюрером СС.

Следующая переселенческая акция развернулась на польских территориях, поделенных в сентябре 1939 г. между Германией и СССР. Для решения соответствующих проблем 17 октября в Москву прибыла германская делегация, и к 3 ноября было подготовлено Межправительственное соглашение об эвакуации лиц определенных национальностей из «зон интересов» СССР и Германии на территории «бывшего Польского государства». К этому моменту Западная Украина (1 ноября) и Западная Белоруссия (2 ноября) уже были включены в состав СССР.

В те же дни, 2 ноября 1939 г., В.П. Потемкин сообщил полпреду СССР в Германии А.А. Шкварцеву, что в Перемышле, где «зоны интересов» двух стран граничили друг с другом, скопилось до 3 тыс. немецких колонистов, «бросивших свои земли и дома и добивающихся пропуска через границу». В Перемышле создалось тяжелое положение в связи с недостатком помещений, продовольствия и топлива, и советские власти стали добиваться от Германии незамедлительного пропуска переселенцев на немецкую сторону.²⁶

Упомянутое межправительственное соглашение было подписано 16 ноября 1939 г. в Москве представителями внешнеполитических ведомств Германии (К. фон Кампхевенер) и СССР (М.М. Литвинов).²⁷ 6 декабря советская делегация во главе с

Литвиновым посетила оккупированный Краков для установления порядка реализации достигнутого соглашения.

Отставку М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел СССР в мае 1939 г. принято объяснять тем, что он противился сближению с нацистской Германией и, будучи евреем, являлся неприемлемой фигурой для переговоров с Гитлером. Как видим, все это не помешало использовать Литвинова после его отставки при советско-германских контактах по весьма деликатной проблеме – ведь на сей раз речь шла о переселении не только немцев, но и представителей ряда славянских народов. Согласно официальной германской версии, возможностью «эвакуации» на советскую территорию могли воспользоваться также евреи, однако в самом соглашении об этом не упоминалось.

6 декабря 1939 г., в день прибытия советской делегации во главе с М.М. Литвиновым в Краков, Г. Франк, генерал-губернатор на оккупированной Германией части Польши (казнен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г.), обратился через газету «Варшауэр Цайтунг» к украинцам, белорусам, русским и русинам, проживавшим на этой территории. Он сообщил, что правительства Германии и СССР договорились «в духе дружбы» о том, чтобы, в соответствии «с ясным пожеланием правителей Советского Союза, открыть перед славянскими меньшинствами, угнетавшимися ранее поляками, путь к объединению со своими кровными братьями», т.е. к беспрепятственному выезду в СССР.

8 декабря 1939 г. на советской территории начала работу германская комиссия по переселению немецкого населения. Ее центральный штаб во главе с штандартенфюрером СС Х. Гофмейером разместился в Луцке, а районные штабы, прибывшие на место 11 декабря, – как в Западной Волыни (Владимир-Волынский, Костополь, Луцк) и Наревской области (Бельск, до 1917 г. – Гродненской губ.), так и на территории Галиции (Львов, Стрый, Станислав), не входившей в состав Российской империи, но присоединенной к СССР в 1939 г. Всю переселенческую акцию намечалось завершить к 1 марта 1940 г.

Здесь, как и в Прибалтике, переселение было объявлено добровольным, однако, «для исключения нежелательных элементов», оно проводилось только при наличии согласия со стороны германского районного уполномоченного. Районным штабам подчинялись 52 местных штаба, обслуживавших по 6-7 общин. Местные уполномоченные должны были регистрировать переселенцев и их имущество, а затем сопровождать транспорты с переселенцами.

Переселение началось 21 декабря 1939 г. – между прочим, в день 60-летия Сталина. Переселенцы, способные двигаться самостоятельно, перемещались в составе 11 колонн грузовиков и 71 большого обоза, где насчитывалось в целом 15000 единиц транспортных средств и 25000 лошадей. Лица, неспособные передвигаться, перевозились на 93 специальных поездах.

Официальное германское издание отмечало: «Несмотря на очень сильные холода, все трудности преодолевались в тесном сотрудничестве с советскими представителями». Организация этого сотрудничества отражена в беседе В.П. Потемкина с советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом 25 декабря 1939 г.²⁸

Типпельскирх передал от имени германского уполномоченного Гофмейера следующие пожелания и вопросы: а) довозить эвакуированных до первой немецкой пограничной станции, чтобы им не нужно было с багажом добираться до поезда пешком; б) может ли советская сторона обеспечить до 70 эшелонов по 35 вагонов, необходимых для перевозки эвакуируемых? Советский представитель ответил: первый вопрос уже решен на переговорах в Перемышле, и там же советская делегация заявила,

что обеспечит подачу до 35-36 эшелонов для 36 тыс. эвакуируемых; остальные будут направляться к границе гужевым путем. При этом германская сторона обязалась ежедневно эвакуировать: до 1 января – до 1000 чел., а с 1 января – не менее 4 тыс.

Один из последних крупных обозов встречал 26 января 1940 г. в германской части Перемышля сам Гиммлер, передавший этой группе переселенцев «привет от фюрера». Последний транспорт с немецкими переселенцами пересек советско-германскую границу 2 февраля.

Однако проблема была на этом отнюдь не исчерпана, что явилось предметом целого ряда бесед В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом.²⁹

Так, 17 марта 1940 г. Шуленбург напомнил, что, согласно советско-германскому соглашению, эвакуации подлежат и лица, которые находятся в заключении или преследовались польским правительством. Он вручил Молотову поименный список таких лиц и попросил распорядиться об их освобождении и эвакуации.

9 апреля Шуленбург вновь заявил, что советская сторона задерживает отправку этих лиц. Молотов ответил, что даст указания об устранении задержки и решении вопроса.

17 мая Шуленбург поставил вопросы об отправке немцев, не успевших эвакуироваться во время работы комиссии Гофмейера, и об эвакуации лиц, находящихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Посол отметил, что комиссия должна была завершить работу за 6 недель, но по приезде ей был дан срок 4 недели. Он обещал дополнительно принять ок. 3 тыс. лиц, интересующих Германию, если работа комиссии будет продлена. Из 150 заключенных, заявил Шуленбург, выдано лишь 12, тогда как местные власти потребовали, чтобы комиссия выехала уже 17 мая. Молотов ответил, что освобождение заключенных требует проведения следственных процедур и может производиться только постепенно.

31 мая Шуленбург попросил оставить возможность эвакуации 1-2 тыс. немцев, которые не успеют выехать до окончания работы комиссии 5 июня. В ответ Молотов сказал лишь, что «вопрос, возможно, и правильный, но нужно, в конце концов, поставить точку, т.е. сказать, что эвакуация уже закончена».

Тем не менее, уполномоченный Германского правительства по переселению немцев в Германию В. Лоренц, беседуя с В.М. Молотовым после всего этого, 24 июля 1940 г., передал от имени Гитлера и Риббентропа благодарность за помощь при переселении немцев из Западной Украины и Западной Белоруссии.³⁰

21 сентября 1940 г. Ф. Шуленбург в беседе с А.Я. Вышинским вновь поставил вопрос о выезде немцев из бывшей Польши. При этом имелись в виду лица: а) служившие в польской армии и попавшие в советский плен; б) не эвакуировавшиеся по болезни или неосведомленности; в) арестованные советскими властями, например, при попытке перехода границы для переселения в Германию; г) не арестованные, но сосланные вглубь СССР – в основном еще до начала эвакуации.³¹

В целом переселение из Западной Волыни охватило 773 населенных пункта и 66 тыс. человек, из Наревской области – соответственно 244 и 8 тыс., из Галиции – 726 и 55 тыс. Первоначально переселенцы направлялись в один из 47 приемных лагерей, расположенных в Лодзи или в соседних городах Пабьянице и Згез, затем в промежуточные лагеря, находившиеся преимущественно на довоенной германской территории, а оттуда – к месту проживания в Вартегау. В середине августа 1940 г. поселение данной группы немцев завершилось.

К этому моменту на повестку дня уже встала новая переселенческая акция, связанная с присоединением к СССР Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. Получив 24 июня соответствующие инструкции от И. Риббентропа, Ф. Шуленбург заявил 25 июня в беседе с В.М. Молотовым: Германское правительство

заинтересовано в немцах Бессарабии и Буковины и надеется, что «вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев Вольни».³²

Из Бессарабии, принадлежавшей до 1917 г. к Российской империи, и Северной Буковины, не входившей ранее в состав России, предстояло переселить в целом 132088 немцев, 87144 (или 66%) из которых приходилась на Бессарабию. К 28 июня 1940 г. в Берлине уже были приняты организационные меры по переселению 13 тыс. человек из их числа.³³

9 июля 1940 г. Ф. Шуленбург официально поставил вопрос об «эвакуации» немцев Бессарабии и Северной Буковины перед В.М. Молотовым. 12 июля Молотов сообщил в ответ, что Советское правительство готово приступить к переговорам по этому поводу с германской делегацией 20-25 июля в Москве.³⁴

Не могли остаться в стороне от этого процесса и советские спецслужбы. Так, нарком внутренних дел Украины И.А. Серов (тот самый, который год спустя, уже в чине заместителя союзного наркома, руководил депортацией немцев Поволжья) 10 июля сообщил в НКВД СССР, что принял германского консула Ф. Шельгорна, который просил взять под защиту немцев Бессарабии и Северной Буковины. В частности, консул сообщил, что в Бессарабии есть немецкая культурно-хозяйственная организация, и попросил не причинять ей неприятностей.³⁵

Серов откликнулся незамедлительно, в тот же день направив начальникам оперативно-чекистских групп НКВД УССР «ориентировку» об использовании немецких общественных организаций Бессарабии и Северной Буковины германскими консульствами «для прикрытия разведдеятельности против СССР». В частности, в отношении организации «Немецкое народное управление» нарком сообщил, что она «несомненно, является прикрытием широкой разведсети гестапо. Поэтому вам надлежит немедленно приступить к разработке этой организации, учесть ее актив, насадить проверенную агентуру, повторяю, проверенную агентуру, и освещать ее деятельность. При этом обратить особое внимание на вопросы подбора агентуры. Наиболее полноценными будут агенты из числа лиц, окружающих немцев и имеющих доступ в эти организации».³⁶

Наконец, 23 июля Серов в докладной записке о деятельности «Народного совета немцев Бессарабии» удосужился конкретизировать свои домыслы двухнедельной давности. При ближайшем рассмотрении все оказалось не столь уж драматично. Народный совет с центром в Тарутино был официально оформлен как «Народное немецкое управление», и его члены создали 3 немецкие гимназии, учительскую семинарию, клубы, 3 народные школы. 11 июля в Тарутино прибыл германский консул, который заявил, что укажет немецкому населению на необходимость доброжелательного отношения к Советской власти и выполнения ее законов. Консул заверил, что немецкое население будет оказывать полное содействие распоряжениям Советской власти.³⁷

22 июля в Москву прибыла для переговоров германская делегация, и уже на следующий день на заседании советско-германской комиссии по переселению возникли разногласия об уплате переселенцам стоимости их земель. Как сообщил В. Лоренц в беседе с В.М. Молотовым 24 июля, делегация СССР, ссылаясь на советские законы, настаивала, что уплата производится не будет. Лоренц, поддержанный Шуленбургом, выразил в связи с этим надежду, что вопрос будет решен так, чтобы при соблюдении советских законов не пострадали интересы переселенцев. Однако Молотов без обиняков заявил, что немцы могут не покидать Бессарабию, если хотят остаться в СССР.³⁸

31 июля 1940 г. Ф. Шуленбург вручил В.М. Молотову памятную записку о компенсации стоимости имущества немцев Бессарабии и Северной Буковины. В ответ Молотов заявил, что вопрос в данном случае ставится иначе, чем при переселении немцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, а потому он будет представлен на обсуждение Советского правительства.³⁹

7 августа В.М. Молотов вручил Ф. Шуленбургу ответ Советского правительства. При этом Шуленбург выразил сожаление, что немцы Бессарабии и Северной Буковины будут лишены компенсации за свое имущество. Когда 29 августа посол вновь коснулся имущественных интересов этой группы немцев, Молотов ответил, что вопрос, по его мнению, исчерпан.⁴⁰

Уже после начала переселения, 17 октября, Ф. Шуленбург посетовал в беседе с В.М. Молотовым: дескать, налоги с немцев Бессарабии так велики, что после их выплаты у людей ничего не остается. Молотов парировал: налоги для немцев те же, что и для всех остальных граждан.⁴¹

Соответствующее межправительственное соглашение подписали 5 сентября 1940 г. в Москве представители внешнеполитических ведомств Германии (д-р В. Нельдеке) и СССР (А.П. Васюков).⁴²

Общее руководство переселением, которое началось 24 сентября и должно было завершиться 15 ноября, Гиммлер поручил обергруппенфюреру СС В. Лоренцу. Главным уполномоченным с германской стороны был назначен вышеупомянутый штандартенфюрер СС Х. Гофмейер, главным представителем с советской стороны – майор НКВД П.С. Веретенников. Местом их пребывания была крупнейшая немецкая колония (к 1940 г. – город) Тарутино. Германская переселенческая команда приступила к работе на советской территории 14 сентября.

Наряду с главными, стороны назначили районных уполномоченных и представителей, размещавшихся в колониях Албота, Березина, Мансбург, а также в Кишиневе. В каждом районе имелись местные представители, тоже располагавшиеся в немецких населенных пунктах и в Кишиневе: Албота (Албота, Эйхендорф, Вишневка, Кульм, Посталь, Ней-Эльфт, Александерфельд), Березина (Березина, Бородино, Гофнунгсталь, Клястиц, Ней-Клястиц, Париж, Арциз, Теплиц, Кацбах, Красна), Мансбург (Мансбург, Софиенталь, Базарьянка, Маразлиенфельд, Гнаденталь, Сарата, Фриденсталь, Лихтенталь, Эйгенфельд, Анновка, Сеймены), Кишинев (Кишинев, Екатериновка, Ней-Сарата, Фюрстенфельд II, Альт-Онешты, Ней-Стрембы, Марьевка, Матильдендорф, Куруджийка).

На сей раз германские представители остались весьма недовольны своими советскими коллегами. Так, Х. Гофмейер заметил по этому поводу: «Не говоря о том, что уже в ходе переговоров, продолжавшихся неделями и месяцами, с подлинно большевистской изворотливостью велась нескончаемая борьба за каждый предмет одежды, за каждый килограмм масла и за каждый грош из законного имущества немецких переселенцев, само последующее переселение складывалось из бесконечной цепи нарушений договоренностей и самых дурных обманных методов со стороны большевиков. И все только ради одной цели – вопреки всем договорным положениям еще выудить и выдавить из переселенцев в пользу Советского Союза то, что могло иметь какую-то ценность. Необозримы материалы германских переселенческих команд: целые канцелярские шкафы заполнены жалобами на тысячи случаев советского произвола». Правда, эти нелюбезные слова были обнародованы только после начала войны, 26 июня 1941 г., а переписывать историю в угоду политической конъюнктуре в Третьем Рейхе умели не хуже, чем в СССР.

Для разгрузки железной дороги переселенцев из Бессарабии перевозили по Дунаю на 28 паромов, предоставленных Германией. Погрузка на пароходы

производилась в портах Рени (33 тыс. человек) и Килия (20 тыс.), оказавшихся на советской территории, а также в румынском порту Галац (34 тыс.). Доставка к портам осуществлялась на грузовиках, повозках и по железной дороге. Первоначально переселенцы поступали в большие сборные лагеря Прахово и Землин, находившиеся в Югославии, откуда их доставляли поездами в Германию.

Первые переселенцы из Бессарабии прибыли вечером 24 сентября 1940 г. на советско-румынскую границу у Галаца, где их приветствовал по поручению Гитлера В. Лоренц. Первый специальный состав с бессарабскими немцами прибыл на территорию Германии (Виллах) 30 сентября. Последние переселенческие обозы пересекли мост через Прут у Галаца 22 октября. Проведя зиму в германских переходных лагерях, переселенцы были поселены в Вартегау весной – летом 1941 г.

К этому можно добавить, что среди переселенцев из Бессарабии были родители нынешнего президента Германии Хорста Кёлера, жившие в немецком селе Рышкановка (до 1917 г. – Белецкий уезд Бессарабской губернии).

Ноябрь 2009 г.

Примечания

1 Текст протокола см.: Документы внешней политики. 1939. Т. 22: В 2-х кн. Кн. 2: Сентябрь – декабрь. М., 1992, с. 135.

2 Тексты соглашений см.: Там же. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23: В 2-х кн. Кн. 2 (1) 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М., 1998, с. 306-325.

3 Немцы России: энциклопедия: т. 1. М., 1999, с. 103, 191.

4 Dokumente der Deutschen Politik. Hrsg. von Prof. Dr. F.A. Six. Bd. 7. Das Werden des Reiches 1939. Teil 2. Berlin 1940, S. 630-667; Reihe: Das Reich Adolf Hitlers. Bd. 8. Der Kampf gegen den Westen 1940. Teil 2. Berlin 1943, S. 619-662.

5 Документы внешней политики. Т. 22. Кн. 2, с. 176-177.

6 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. Сост. Л.Е. Решин и др. Под ред. В.П. Наумова. М., 1998, с. 222.

7 Документы внешней политики. Т. 22. Кн. 2, с. 620.

8 Там же, с. 490.

9 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2 (2) 2 марта 1941 – 22 июня 1941. М., 1998, с. 807.

10 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1. 1 января – 31 октября 1940 г. М., 1995, с. 461.

11 Там же, с. 488, 520-521.

12 Там же, с. 531, 585.

13 Там же, с. 681.

14 Там же, с. 713.

15 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2 (1), с. 29-30.

16 Там же, с. 113.

17 Там же, с. 129-130.

18 Там же, с. 152, 188, 217.

19 Текст соглашения см.: Там же, с. 303-306.

20 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2 (2), с. 457, 477, 503, 736.

21 Документы внешней политики. Т. 22. Кн. 2, с. 350.

22 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1, с. 437.

23 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. I. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М., 1995, с. 250.

24 Там же. Кн. 2 (1 января – 21 июня 1941 г.). М., 1995, с. 34-35.

25 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2 (2), с. 821.

26 Документы внешней политики. Т. 22. Кн. 2, с. 254.

27 Текст соглашения см.: Там же, с. 300-309.

28 Там же, с. 447.

- 29 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1, с. 156, 214, 273-274, 298.
30 Там же, с. 455.
31 Там же, с. 614.
32 Там же, с. 374.
33 Там же, с. 437.
34 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2 (2), с. 811.
35 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1, с. 216-218.
36 Там же, с. 220-221.
37 Там же, с. 233-235.
38 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1, с. 455.
39 Там же, с. 468.
40 Там же, с. 520-521, 540-541.
41 Там же, с. 681.
42 Текст соглашения см.: Там же, с. 564-571.

ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В 1941-1942 гг.: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Прошло 60 лет со времени одной из самых ужасных трагедий в истории российских немцев - их массовой депортации из исконных мест проживания в Сибирь и Казахстан. Подавляющего большинства ее жертв больше нет в живых. Многие из них погибли еще в условиях депортации и ее непосредственных последствий - "трудармейских" концлагерей, долголетнего режима "спецпоселения". Они так и ушли из жизни обесчеченными, с чудовищным клеймом "фашистских диверсантов и шпионов". Вспоминая о трагедии 60-летней давности, мы в первую очередь чтим сегодня их светлую память.

До недавних пор мы знали о депортации лишь по рассказам наших старших соплеменников. За последнее десятилетие завеса официального умолчания над этой акцией, как и над многими другими страницами истории российских немцев, наконец-то приоткрылась. Опубликованы различные документы о депортации, свидетельства ее уцелевших жертв, эта тема стала предметом исследований историков и политологов. Отозвались и государственные деятели СССР и стран СНГ, приняв ряд законодательных и нормативных актов, направленных, как было заявлено, на восстановление исторической справедливости, безжалостно попорченной в результате депортации российских народов. Президент РФ Б. Ельцин, выступая в Федеральном Собрании 24 февраля 1994 г., принес извинения всем гражданам России и их семьям, пострадавшим от депортации, от имени Российской Федерации - "продолжателя бывшего Советского Союза".

Означает ли все это, по крайней мере, что полная правда о депортации российских немцев преступным сталинским режимом уже стала достоянием и их самих, и широких кругов общественности стран бывшего СССР? Едва ли. Воспоминания свидетелей депортации, при всей их значимости, очень редко выходят за рамки простого описания пережитых страданий. Соответствующие официальные документы сталинских времен содержат лишь сухой перечень депортационных "оргмероприятий", а редкие упоминания о мотивах депортации, встречающиеся в них, не заслуживают никакого доверия. На этой основе исследователю крайне сложно пробиться к истине.

Пожалуй, в наибольшей степени это удалось не профессиональным историкам, а незабвенному Герхарду Вольтеру, политологу, публицисту и общественному деятелю, ушедшему из жизни три года назад. Он видел эти события воочию, будучи депортирован вместе с семьей из Донбасса в Акмолинскую область в сентябре 1941 г., и собрал по крупицам свидетельства о депортации десятков наших соплеменников. Но главное - в повествовании на эту тему во втором издании своей книги "Зона полного покоя" он тщательно обобщает увиденное и услышанное, дотошно препарировывает основные депортационные акты, стремясь сложить из этой информационной мозаики целостную картину, выявить подлинную подоплеку депортации, казалось бы, безнадежно погребенную под грудой многолетней официальной лжи. Для этого были нужны и серьезные аналитические способности, и нестандартное мышление, и, я бы сказал, незаурядное интеллектуальное мужество. Всеми этими качествами Вольтер, в

отличие от многих других авторов, писавших о депортации российских немцев, обладал сполна.

Историки справедливо отмечают, что депортации по национальному признаку - явление, давно известное в истории человечества, и что в ушедшем XX веке правители разных стран прибегали к этой варварской мере особенно часто. Так, говоря о депортации российских немцев в 1941-42 гг., многие проводят аналогию с предпринятым в те же годы в США выселением японских граждан из западных штатов вглубь страны и тем самым так или иначе подводят читателей к мысли, что ничего экстраординарного с российскими немцами, собственно говоря, не произошло. При этом, правда, обычно забывают отметить, что без вины виноватых американских японцев никто не лишал возможности вернуться в места прежнего проживания многие десятилетия после завершения Второй мировой войны и что, не в пример российским немцам, им давно и сполна возместили понесенные тогда тяготы. Уже этот пример свидетельствует о том, что за схожими по форме явлениями подобного рода может скрываться весьма разное содержание, которое в первую очередь определяется, конечно же, общественно-политической системой, в рамках которой проводилась та или иная депортация.

Депортация 1941-42 гг., а также остальные депортационные акции в отношении российских немцев и многие другие события в истории нашего народа в немалой мере связаны с взаимоотношениями СССР (России) с Германией. В некоторых случаях (депортации "фольксдойче" и "административных переселенцев", речь о которых пойдет ниже) политика Германии в отношении российских немцев оказала непосредственное влияние на процедуру их депортации сталинским режимом. И все же историки, на мой взгляд, нередко преувеличивают значимость этого фактора. Не следует забывать, что российские немцы были далеко не единственным объектом депортации в советской истории. Здесь не место вдаваться в сравнения, но нельзя не отметить, что на фоне других подобных акций наша депортация имела гораздо больше общего, нежели отличий.

Ни одно государство в истории не осуществляло столько массовых депортационных акций, как Советское государство за первые три десятилетия своего существования. Уже в 1919 г. выселению подверглась часть терского казачества, проявившая, по мнению властей, нелояльность к советскому режиму. За ними последовали многие уцелевшие представители привилегированных слоев дореволюционного российского общества, миллионы раскулаченных крестьян, а с 30-х годов - около полутора десятков народов и национальных групп. Лишь после смерти Сталина систематическое натравливание различных народов и групп населения друг на друга сменилось официальными декларациями о неуклонном нарастании единства советского общества и возникновении "новой исторической общности - советского народа", но никакие политические заклинания уже не могли спасти советскую империю от развала.

Чем объясняется такое маниакальное пристрастие властей СССР к депортационным акциям? Чтобы попытаться прояснить этот вопрос, обратимся к истории Советского государства. Уже через несколько недель после установления большевистского режима население страны недвусмысленно продемонстрировало его нелегитимность, нанеся большевикам сокрушительное поражение на выборах в Учредительное собрание. Совершенно очевидно, что политическая программа новоявленных правителей, нацеленная в первую очередь на "мировую пролетарскую революцию", не могла рассчитывать на массовую поддержку в патриархальной крестьянской стране. Оказавшись в безысходной конфронтации с большинством ее населения, большевистский режим сразу же приобрел открыто репрессивный характер.

Универсальным средством для оправдания своих действий большевики избрали концепцию "коллективной вины", имевшую в первые годы советской власти вполне официальное хождение. Она означала, что для политических репрессий против того или иного лица нет никакой нужды предъявлять ему конкретные обвинения - достаточно уже его принадлежности к определенному "враждебному" классу или группе населения. В дальнейшем советская история десятилетиями развивалась по однотипному сценарию: объявление врагом той или иной социальной либо национальной группы, затем - ее беспощадное преследование, в результате - очередное обострение общественно-политической ситуации в стране, в качестве реакции - новый виток репрессий и т.д.

При реализации такой, с позволения сказать, политической линии депортационные акции были просто незаменимым средством. Они позволяли без лишних хлопот разрушать налаженные веками социальные связи, надежно подавлять способность людей ко всяким формам сопротивления режиму, без суда и следствия отправлять на глухую периферию (а то и на тот свет) сколько угодно нежелательных, по мнению властей, "элементов". Народ превращался в бесформенную массу, беззащитную перед любыми социальными "экспериментами" правителей.

Российские немцы попали в число "врагов" сравнительно поздно - в середине 30-х годов (впрочем, до этого враждебными считались, как правило, не национальные, а социальные группы). Но уже с первых лет советской власти их образ жизни и мышления был для правителей предметом постоянной головной боли. В самом деле, немцы, при всей своей традиционной лояльности к властям, представляли собой относительно зажиточную (по большевистской терминологии - "классово чуждую") группу населения, далеко не горели люмпен-пролетарским желанием "все отнять и поделить", проявляли заметное равнодушие к большевистским лозунгам, упорно придерживались своих религиозных и национальных традиций, явно несовместимых с коммунистической идеологией.

Весьма показательна в этом смысле предыстория формирования немецкой автономии на Волге. Ее появлению предшествовал невиданный доселе подъем политической активности местного немецкого населения, увенчавшийся в апреле 1917 г. созданием первой влиятельной национальной организации - Центрального комитета немцев-колонистов Поволжья. Она преследовала чисто национальные цели и по политическим симпатиям была близка к кадетам. Однако вскоре, в противовес этой "буржуазной" организации, был создан Союз немцев-социалистов Поволжья, для которого близость с "братьями по классу" значила гораздо больше любых национальных целей. В преддверие выборов в Учредительное собрание Союз развернул в молодом национальном движении и вокруг него бурную раскольническую деятельность, стремясь любой ценой воспрепятствовать избранию кандидатов Центрального комитета. При этом Союз, в сущности, уже тогда продемонстрировал весь "арсенал" тех грязных приемов, которыми по сей день пользуются известные раскольники в рядах нашего национального движения. Успех социалистов, как и нынешних раскольников, был половинчатым: кандидаты ЦК на выборах не прошли, однако список Союза набрал еще меньше голосов. Вскоре после прихода большевиков деятельность ЦК была свернута, его газета закрыта, но устранение политического конкурента не пошло на пользу и социалистам: их влияние среди немецкого населения оставалось слишком слабым, а позиция, с точки зрения большевиков, недостаточно "твердокаменной". Поэтому весной 1918 г., когда в Москве решили создать немецкую автономию на Волге, здешних социалистов бесцеремонно отодвинули на вторые роли, а руководить процессом, за отсутствием надежных коммунистов среди российских немцев, поручили немецким и австрийским военнопленным.

К середине 30-х годов большевистская идеология, наконец, проникла и в ряды традиционно аполитичных российских немцев, в местах их компактного проживания возникла доморощенная "национальная" номенклатура. Но в этот период сталинский режим уже принялся практиковать широкомасштабные репрессии по национальному признаку, жертвами которых стали, в частности, многие коммунисты, а заодно и десятки тысяч беспартийных из числа российских немцев. В 1936 г. немецкое население постигла и первая крупная депортационная акция, направленная непосредственно против него: с Волыни (вместе с поляками) были выселены в Северный Казахстан 15 тыс. немцев, а Пулинский немецкий район в Киевской обл., на территории которого они издавна проживали, был ликвидирован.

Историки подчас объясняют тогдашние антинемецкие репрессии особой ситуацией среди российских немцев - их стремлением к эмиграции, оказанием им гуманитарной помощи из-за рубежа в условиях голода 1933 г. и т.п. Но эти обстоятельства сами по себе едва ли могли сыграть решающую роль: массовое стремление к эмиграции проявляла лишь одна небольшая группа немецкого населения - меннониты (которых, к примеру, на Волыни не было вовсе), получение зарубежной помощи также не носило массового характера - в 30-х годах, в отличие от периода голода в начале 20-х годов, власти всемерно пресекали подобные акции. Гораздо важнее то, что советский режим, в сущности, уже отрекся от прежнего "пролетарского интернационализма", отдав предпочтение жесткому изоляционизму в условиях "социализма в одной стране". В результате в корне изменилась и национальная политика: были ликвидированы все национальные районы и сельсоветы, а в сохранившихся национальных автономиях, в т.ч. в АССР немцев Поволжья, стала насаждаться всеобъемлющая русификация. Репрессии по национальному признаку явились наиболее крайним выражением этой политической линии. От них пострадали многие нерусские народы, но самым жестоким преследованиям подверглись национальные группы, имевшие соплеменников за рубежом: поляки, корейцы, финны, греки, иранцы и т.д. Российские немцы были не только крупнейшим, но и наиболее уязвимым среди этих народов - именно Германия представлялась самым вероятным военным противником СССР, несмотря на все попытки политического флирта Сталина и Гитлера. Таким образом, была подготовлена почва для невиданных массовых депортаций по национальному признаку периода Великой Отечественной войны, когда, наряду с немцами, сталинский режим подверг поголовному выселению из родных мест карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев и ряд других народов.

До сих пор не перевелись любители называть тогдашние акции в отношении российских немцев "превентивными мерами", мотивируя их естественным стремлением властей к обеспечению надежности советского тыла, прежде всего в прифронтовых областях. Не говоря уже о том, что массовая депортация 1941-42 гг., в корне подорвавшая народное хозяйство АССР НП и других районов компактного проживания немецкого населения, потребовавшая в труднейших условиях военного времени огромных усилий и затрат, едва ли могла способствовать укреплению тыла, эта концепция плохо вяжется с известными историческими фактами. Если в основе депортации лежало именно желание перестраховаться на случай дальнейшего продвижения германских войск, то почему немецкое население было выселено не только из прифронтовых областей, но и из большинства регионов европейской части СССР? Если выселение немцев из Поволжья осенью 1941 г. преследовало обеспечение безопасности тыла, то почему немцы Оренбуржья и Башкирии не были депортированы даже год спустя, когда германские войска находились гораздо ближе к местам их проживания, чем в 1941 г. - к территории АССР НП? Если власти так уж опасались

российских немцев, то как они могли позволить остаться в Москве(!) после депортации более 1600 немцам и членам их семей?

Чтобы внести некоторую ясность в эти вопросы, попытаемся охарактеризовать преобладающие настроения среди российских немцев в канун депортации, используя не разного рода домыслы, а известную на сегодня достоверную информацию. Нет сомнения, что многие немцы относились к сталинскому режиму настороженно, а то и с неприязнью. Это более чем естественно, учитывая все то, что им пришлось пережить в годы советской власти, - экспроприации и продразверстки, неоднократный катастрофический голод, коллективизацию и раскулачивание, варварское разрушение церквей, жестокие политические репрессии. Но разве позиция остального советского населения была иной? Массовая сдача в плен солдат Красной Армии в первые месяцы войны, радушная встреча оккупантов во многих местах красноречиво свидетельствуют о том, что в тот период население СССР испытывало к сталинскому режиму что угодно, но только не всеобщую любовь. В то же время мы знаем, что как бы ни относились российские немцы к властям своей страны, они оказывали последним открытое сопротивление лишь в редчайших случаях. Наиболее известны в этом отношении выступления немецкого населения в период оголтелой продразверстки первых лет советской власти и в ходе раскулачивания. Чтобы подойти к этим событиям с адекватной исторической меркой, нужно, конечно, рассматривать их на фоне того, что происходило в эти периоды на всей территории страны, о чем современные историки, к сожалению, часто забывают. А между тем в немецких селах не наблюдалось ничего сравнимого ни с "антоновщиной", ни с кровавыми "кулацкими" восстаниями на Дону. С другой стороны, российские немцы не отличались и привязанностью к Германии, а тем более приверженностью к нацистской идеологии, о которой они имели самое смутное представление. Те из них, кто испытывал повышенные симпатии к Фатерланду (в основном часть верхушечных слоев дореволюционной интеллигенции), в большинстве своем давно уже туда переселились. Советская немецкая интеллигенция была настроена совершенно иначе. Среди нее, как и среди немецкой "номенклатуры", было больше всего ревностных приверженцев советской власти. Таким образом, немецкое население мало чем отличалось в своих настроениях к началу войны от остальных граждан СССР.

Придерживались ли такого же мнения тогдашние советские вожди? Сознawali ли они, что многочисленные "дела" о шпионаже российских немцев в пользу Германии, состряпанные в 1937-38 гг., представляют собой такую же фикцию, как чудовищное измышление депортационного указа о "тысячах и десятках тысяч" диверсантов и шпионов среди немецкого населения Поволжья? Или власти стали пленниками своей собственной лжи? Важные сведения для ответа на эти непростые вопросы содержат известные на сегодня соответствующие официальные документы того времени, не рассчитанные на широкого читателя. Показательно, что ни в одном из них нет и намека на массу "диверсантов и шпионов" из числа российских немцев. В основном бдительные чекисты сообщали о разного рода "антисоветских измышлениях" и политических сплетнях, которые немцы в отсутствие достоверной информации распространяли точно так же, как и все население СССР.

Единственное заметное исключение представляет собой донесение руководства Южного фронта в Ставку Верховного Командования от 3.08.1941 г., где сообщалось, что на Днестре немецкое население стреляло по отступающим советским частям из окон и огородов и что в одном немецком селе германские войска были встречены 1 августа хлебом-солью. Пожалуй, самое примечательное в этом документе то, что он меньше всего напоминает военное донесение и не содержит почти ничего конкретного - ни дат (за единственным упомянутым исключением), ни точных мест действия, ни

обстоятельств, при которых происходили описываемые события, ни источников сообщаемой информации. Вместо всего этого - просьба дать указания местным органам власти о немедленном выселении "ненадежных элементов". Станный характер донесения несколько проясняется тем обстоятельством, что одним из его авторов был не кто иной, как армейский комиссар 1-го ранга А.И. Запорожец, сменивший на посту главного военного "мифотворца", то бишь начальника Главполитуправления Красной Армии, небезызвестного Л.З. Мехлиса. В то время Сталин еще доверял Запорожцу, отличившемуся в 30-х годах на поприще разоблачения "врагов народа", а потому собственноручно начертал на донесении: "Надо выселить с треском". Правда, вскоре доверие вождя было утрачено, и карьера Запорожца покатила под откос. Возможно, при этом сыграл свою роль и тот факт, что намеченного Сталиным "треска" организовать не удалось: к этому моменту Приднестровье и его немецкие жители уже находились за пределами досягаемости советских властей.

Изложенное приводит к выводу, что у руководства страны не имелось никаких объективных причин всерьез опасаться враждебных действий со стороны российских немцев. Однако, с другой стороны, не было и достаточных оснований по-прежнему сохранять их в числе советских народов - прежде всего потому, что немцы, вопреки наклеенному на них официальному ярлыку, "советскими" так до конца и не стали. Существование этого самобытного этноса явно не вписывалось в намеченную властями унификацию и денационализацию советского общества. Не нужна была больше власть имущим и немецкая автономия на Волге, созданная в свое время с прицелом на "пролетарскую революцию" в Германии, а затем и во всей Европе. Курс на мировую революцию остался в далеком прошлом, теперь Германия была не потенциальным очагом революционного пожара, а ненавистным противником, которого надлежало уничтожить, заодно вырвав с корнем всякие напоминания о нем на советской земле.

В литературе высказывалось мнение, что депортация немцев Поволжья была актом слепой ярости и мести за поражения на фронте в первые месяцы войны. С этим можно было бы согласиться, если бы после завершения войны под депортацией была подведена черта. Но нормальному человеку трудно представить себе "акт слепой ярости", продолжающийся многие десятилетия. Если Сталина и Берия, в силу их происхождения, еще можно заподозрить в приверженности традициям долголетней кровной мести, то могли ли этим руководствоваться сменившие их правители? Между тем, как сегодня известно, руководство НКВД еще в начале 1942 г. недвусмысленно сообщило своим низовым структурам, что немцы переселены навсегда и на свои старые места жительства возвращены не будут.

Депортация российских немцев, вызванная глубинными долговременными мотивами, в то же время преследовала конъюнктурные политические и экономические цели. После катастрофических поражений первых месяцев войны сталинский режим особенно остро нуждался в образе мощного "внутреннего врага", на которого советские вожди привыкли взваливать вину за что угодно. С другой стороны, власти отправили на фронт значительную часть дармовой "рабсилы" - неотъемлемого атрибута советской экономики, включая многих обитателей ГУЛага, а центр тяжести военной экономики в результате потери западных районов страны стремительно перемещался на восток. В этих условиях трудолюбивые безропотные российские немцы представляли собой незаменимый "материал" для каторжного труда на азиатских просторах СССР.

Депортация российских немцев в 1941-42 гг. была самой крупномасштабной и продолжительной депортационной акцией по национальному признаку за все годы советской власти. С определенной долей условности ее можно подразделить на 4 этапа.

Первый этап (июнь-август 1941 г.). Уже в день начала войны военным властям было предоставлено право высылать с территорий, где объявлялось военное

положение, лиц, признанных "социально опасными". Эта мера затронула и многих российских немцев, особенно на Украине. В начале августа организуется переселение в Коми АССР немцев-трудпоселенцев, выселенных в 1932-33 гг. из Украины в Карелию (1200 семей). В августе "эвакуируются" в Орджоникидзевский (Ставропольский) край и Ростовскую обл. крымские немцы (53 тыс.).

Второй этап (3-20 сентября 1941 г.). В это время депортируется в Сибирь и Казахстан немецкое население АССР немцев Поволжья (более 370 тыс.), Саратовской обл. (более 46 тыс.), Сталинградской (Волгоградской) обл. (более 26 тыс.). В результате ликвидируется АССР НП - единственное немецкое национально-территориальное образование, оставшееся на территории СССР.

Третий этап (сентябрь-декабрь 1941 г.). За этот период выселяются в Сибирь и Казахстан немецкие жители большинства регионов европейской части СССР, в которых имелось значительное немецкое население и которые не находились под оккупацией: Крымская АССР (2 тыс.), Куйбышевская (Самарская) обл. (более 9,7 тыс.), Днепропетровская обл. (более 3 тыс.), Москва (более 3,4 тыс.), Московская обл. (около 5 тыс.), Ростовская обл. (более 36 тыс., включая 3 тыс. крымских немцев), Краснодарский край (более 35 тыс.), Орджоникидзевский край (более 99 тыс., включая 50 тыс. крымских немцев), Тульская обл. (более 2,7 тыс., включая около 0,4 тыс. немцев-москвичей), Кабардино-Балкарская АССР (более 5,4 тыс.), Северо-Осетинская АССР (более 2,8 тыс.), Запорожская обл. (более 31 тыс.), Ворошиловградская (Луганская) обл. (около 10 тыс.), Сталинская (Донецкая) обл. (более 35 тыс.), Воронежская обл. (более 5 тыс.), Грузинская ССР (более 20 тыс.), Армянская ССР (более 0,2 тыс.), Азербайджанская ССР (более 25 тыс.), Дагестанская и Чечено-Ингушская АССР (всего более 7,3 тыс.), Горьковская (Нижегородская) обл. (более 3 тыс.), Калмыцкая АССР (около 6 тыс.). Кроме того, в декабре 1941 г. были переселены на восток "антисоветские элементы" из числа немецких жителей Тамбовской, Ивановской, Ярославской, Пензенской, Свердловской областей, Чувашской и Марийской АССР и др. (всего более 1 тыс.).

Четвертый этап (1942 г.). В это время завершаются депортационные акции, начатые или отложенные в 1941 г. Ими было затронуто немецкое население Ленинграда и Ленинградской обл. (всего более 2 тыс.), Краснодарского края (2,7 тыс.), Орджоникидзевского края (1,1 тыс.), Грузинской ССР (0,1 тыс.), Саратовской обл. (0,03 тыс.), Сталинградской обл. (около 0,7 тыс.), Воронежской обл. (0,2 тыс.), Калининской (Тверской) обл. (около 0,3 тыс.), Ворошиловградской обл. (более 2,7 тыс.), Харьковской обл. (более 0,8 тыс.), Ростовской обл.

В целом, без учета повторного переселения депортированных российских немцев, в ходе депортации 1941-42 гг. было выселено свыше 805 тыс. немцев (56,4% немецкого населения СССР по итогам всесоюзной переписи 1939 г.).

Помимо массовости и продолжительности, депортация российских немцев в 1941-42 гг. характеризуется следующими основными особенностями.

1. Депортация осуществлялась на основе разного рода правовых актов (если можно использовать этот термин в отношении документов, носивших вопиюще противоправный характер): Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2056-933 от 26.08.1941 г. "О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей" (подписано лично И. Сталиным), Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28.08.1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья", постановлений Государственного Комитета Обороны СССР, распоряжений Совнаркома СССР, приказов Военных советов соответствующих фронтов. Не считая вышеупомянутого Указа Президиума ВС

СССР, все эти документы были строго секретными и не публиковались вплоть до 1990-х годов.

2. Депортационные акты, как правило, не приводили никаких мотивировок предпринимаемых акций. Единственное известное исключение представляет собой опять же упомянутый Указ Президиума ВС СССР, в котором содержались совершенно безосновательные клеветнические утверждения о наличии среди немцев Поволжья "тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов" и об укрывательстве последних остальным местным немецким населением. На этой "основе" Указ мотивировал переселение немецкого населения Поволжья стремлением избежать карательных мер и предупредить кровопролитие, "если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами". В данной связи еще Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.1964 г. констатировал: "Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина".

3. Анализ известных депортационных актов неопровержимо свидетельствует, что походя брошенные чудовищные обвинения, искалечившие судьбы сотен тысяч людей, имели для кремлевских вождей пропагандистское, но отнюдь не практическое значение. Власти не предусмотрели никаких мер по выявлению и задержанию массы "немецких диверсантов и шпионов". Более того, выселение немцев Поволжья ничем существенным не отличалось от депортации остального немецкого населения, хотя против последнего никаких официальных обвинений выдвинуто не было. Эту аналогию подчеркивали и сами авторы: в ряде депортационных актов (постановления ГКО о выселении немцев из Воронежской обл., Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР) имеются ссылки на документы, первоначально касавшиеся только немцев Поволжья, - Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935 от 12.09.1941 г. "О расселении немцев Поволжья в Казахстане" и Постановление СНК СССР № 2016-95 от 30.08.1941 г. "Об утверждении инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников".

4. На базе депортационных актов издавались соответствующие приказы наркома внутренних дел СССР (Л. Берия). Они наглядно демонстрируют, что депортацией российских немцев ведали, прежде всего, спецслужбы. В приказах предписывался ход депортационных "операций", регламентировались функции структур НКВД по их проведению. Особое внимание обращалось на учет "антисоветского элемента" из числа депортируемых и его арест, предупреждение переселяемых об уголовной ответственности в случае их перехода на "нелегальное положение", арест уклоняющихся от переселения, принятие решительных мер в случае возникновения "волеынок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений", необходимость действовать "без шума и паники".

5. Депортация осуществлялась по чисто национальному признаку - ей подвергалось, как правило, все немецкое население соответствующего региона, включая членов семьи ненемецкой национальности, если главой семьи был немец. Правда, жены ненемецкой национальности могли избежать депортации, разведясь с немецкими мужьями. Не выселялись немецкие женщины, находившиеся в браке с ненемецкими мужьями. В регионах с большим количеством межнациональных браков среди немцев (Москва и др.) в результате депортации нередко происходило разъединение семей, во избежание чего иногда добровольно отправлялись в ссылку вместе с близкими люди, формально не подлежащие выселению. Эта акция, если она имело место, была необратимой: добровольным изгнанникам, как и немцам, ставился в паспорте штамп о разрешении проживать только в том регионе, куда они направлялись.

6. Для регистрации подлежащих депортации немцев органы НКВД составляли их посемейные учетные карточки. При этом главы семей предупреждались, что они несут ответственность за всех переселяемых членов семьи. Немцам сообщалось о сроке выселения за несколько дней. Их предупреждали о необходимости взять в дорогу запас продовольствия не менее чем на месяц.

7. Депортируемым разрешалось брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги. Общий вес вещей не должен был превышать одной тонны на семью. Фактически взять с собой столько багажа, как правило, было невозможно, т.к. в переполненных эшелонах и пароходах его просто негде было разместить. За оставляемые постройки, зерно, фураж и скот депортируемым должны были выдаваться квитанции, которые позволяли им претендовать на соответствующую компенсацию по прибытии на место. В действительности многие не успели получить квитанции, а получившим не удалось ими воспользоваться из-за отсутствия ресурсов на месте.

8. В основном депортируемые немцы перевозились железнодорожным транспортом. Лишь жители Сталинградской обл., Закавказья и некоторых других районов частично транспортировались водным путем - по Каспийскому морю. Типичный эшелон перевозил 2-2,5 тыс. немцев и состоял из 50-60 вагонов, каждый примерно на 40 человек. При этом обычно использовались т.н. пультмановские ("телячьи") вагоны, снабженные деревянными нарами. В эшелонах имелись также вагоны для войскового сопровождения и медицинского персонала, вагон-санизолятор и вагон-карцер, где содержались "нарушители порядка". На каждый эшелон выделялся начальник из начсостава войск НКВД, 21 человек караула и оперативный работник "для оперативного обслуживания переселяемых" (проще говоря, для слежки за ними). На сегодня известно о 344 эшелонах, перевозивших депортированных немцев в сентябре-декабре 1941 г. (в т.ч. 188 - из Поволжья).

9. Питание переселяемых предписывалось производить в специально организованных пунктах на крупных станциях: горячую пищу выдавать раз в сутки, кипятком - дважды. В действительности питание было чаще всего организовано их рук вон плохо, что признавалось в документах самих органов НКВД.

10. Транспортировка переселяемых продолжалась до двух недель и более. При этом большинству немцев, выселенных в Новосибирскую обл., Алтайский и Красноярский края, пришлось следовать через юг Казахстана, т.к. Транссибирская магистраль для их перевозки, как правило, не использовалась. Страшная скученность, духота, антисанитарные условия в вагонах, некачественная вода (особенно при следовании по территории Казахстана) приводили к возникновению инфекционных заболеваний и высокой смертности в пути. В 208 эшелонах, транспортировавших выселенных немцев в сентябре-октябре 1941 г., по официальным данным, умерли 169 человек.

11. По прибытии в пункт назначения депортируемых направляли, как правило, в сельскую местность, хотя городских жителей предписывалось расселять в районных центрах и других городах (кроме областных центров). Это сразу же вызвало у многих серьезные проблемы с трудоустройством, тем более что далеко не все немцы, особенно из Поволжья, в достаточной мере владели русским языком. Первоначально предусматривалась такая форма расселения депортированных, как вселение их целыми колхозами в существующие колхозы и совхозы. На деле это, конечно, было невозможно. Поэтому вскоре местным властям разрешили расселять немцев "группами семей", что приводило к разрыву устоявшихся родственных и соседских связей. Депортированные чаще всего попадали на подселение к местным жителям, в условия, несравнимые с оставленными на родине.

Депортация российских немцев в 1941-42 гг. оставила в судьбе нашего народа трагический, ничем не изгладимый след.

Одним из первых и самых тяжелых последствий депортации стала ликвидация единственного общенационального очага российских немцев - АССР немцев Поволжья. В сентябре 1941 г., потеряв в результате депортации почти 2/3 своего населения, республика была расчленена, а ее территория включена в состав Саратовской и Сталинградской областей. С тех пор российские немцы сполна ощутили, каково в советских и постсоветских условиях быть народом без территории, без правосубъектности, без собственного культурного и экономического центра. Поэтому вполне закономерно, что во главе угла всех попыток национального возрождения, предпринимавшихся в рамках общественно-политического движения российских немцев, стояло стремление к восстановлению своей национально-территориальной автономии.

Депортация 1941-42 гг. в корне изменила территориальное размещение немецкого населения СССР. В результате ее российские немцы были изгнаны из большинства мест своего традиционного проживания. Перестало существовать громадное количество немецких поселений, в которых более полутора веков формировалась и развивалась самобытная этническая общность российских немцев. Немцы лишились основной части своих исконных очагов культуры, образования, хозяйственной жизни. Из 805 тыс. депортированных немцев примерно половина (397 тыс.) была направлена в края и области Сибири - Новосибирскую обл. (133,7 тыс., включая нынешние территории Кемеровской и Томской областей), Алтайский край (100,3 тыс.), Омскую обл. (83,9 тыс., включая нынешнюю территорию Тюменской обл.), Красноярский край (78,1 тыс.), Иркутскую обл. (1,2 тыс.), а другая половина (408 тыс.) попала в Казахстан - Акмолинскую (78,3 тыс.), Северо-Казахстанскую (62,5 тыс.), Кустанайскую (58,4 тыс.), Павлодарскую (53,1 тыс.), Семипалатинскую (45,8 тыс.), Восточно-Казахстанскую (29,3 тыс.), Южно-Казахстанскую (24,4 тыс.), Карагандинскую (20,0 тыс.), Актюбинскую (11,6 тыс.), Джамбулскую (10,6 тыс.), Алма-Атинскую (9,1 тыс.), Кызыл-Ординскую (4,8 тыс.) области. На большей части этих территорий никогда не было ни немецких поселений, ни массового проживания немецкого населения. Если до депортации за Уралом проживало около 10% немцев, то после нее - примерно 90%. Рассеянные по огромной территории азиатской части СССР, немцы не могли иметь возможности этнического самосохранения, даже если бы их не постигли дальнейшие трагические события.

При всем своем драматизме депортация явилась лишь первым этапом национальной катастрофы российских немцев. Не успели российские немцы прийти в себя на местах выселения, как их принялись перебрасывать в другие районы, где условия жизни и труда были, как правило, еще хуже. Особенно широкие масштабы эта практика приобрела в Казахстане, где депортированных переселяли вглубь безжизненных степей, вырывая их из немецких сел, если они там оказались. Наиболее тяжелые последствия имела повторная депортация выселенных российских немцев из южных районов Сибири на Крайний Север для использования на рыбных промыслах, повлекшая за собой массовую гибель людей. К концу 1942 г. 23 тыс. немцев были переселены из Красноярского края и 15 тыс. из Омской обл. в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, 9 тыс. - в Якутскую АССР, из Новосибирской обл. в Нарымский округ было отправлено более 20 тыс. человек. Жертвами этой акции стали в основном немецкие женщины, старики, подростки и дети, не попавшие в "трудармию". С начала 1942 г. в трудармию (по официальной терминологии - "рабочие колонны"), на каторжный труд на лесоповале, стройках, шахтах и промышленных предприятиях, обычно за колючей проволокой, была направлена основная часть

российских немцев трудоспособного возраста: сначала депортированные немцы-мужчины, затем немецкие мужчины, не подвергавшиеся депортации, и, наконец, немецкие женщины. Число жертв "трудармии" еще предстоит выяснить. Но уже известно, например, что в Усольяге, среднем по величине лагере (7,3 тыс. "трудармейцев" в 1943 г.) на севере Молотовской (Пермской) обл., за время "трудармии" погибли на лесоповале, умерли от голода и болезней около 3,5 тыс. немцев. По окончании "трудармейской" эпопеи российские немцы еще 10 лет были прикованы к "зонам" спецпоселения, влача жалкое существование под властью произвола и самодурства начальников спецкомендатур.

Автор этих строк, характеризуя положение российских немцев в годы войны, начиная с депортации 1941-42 гг., не раз обосновывал в печати известное мнение, что политику советских властей в отношении нашего народа в этот период невозможно расценить иначе, как геноцид по национальному признаку. Данный вывод основывается на том, что эта политика соответствовала всем признакам геноцида, которые сформулированы в ст. II "Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него", принятой ООН 9.12.1948 г. и ратифицированной СССР 18.03.1954 г.

Некоторые историки категорически отрицают этот вывод, опираясь на собственные представления о геноциде, даже не упоминая об указанной Конвенции ООН и делая вид, будто никакой общепризнанной правовой квалификации этого преступления вообще не существует. При этом указывается, например, что депортации были подвергнуты не только немцы, но и многие другие народы, что в этот период в СССР существовали миллионы политзаключенных, а использование принудительного труда носило практически всеобщий характер, что в "трудармии" использовались даже казахи, узбеки и киргизы и т.п. Следуя этой логике, остается только сделать вывод о том, что такого преступления, как геноцид, попросту не было в истории человечества. В самом деле, разве геноцид может быть изолированным явлением, разве существовал когда-нибудь политический режим, который, творя это преступление против одной группы населения, не имел за ее пределами ни политзаключенных, ни принудительного труда? Ведь и в нацистской Германии геноциду подвергались не только евреи, которые обычно упоминаются в этой связи, но и цыгане, и многие народы на оккупированных территориях, а принудительный труд и политзаключенные были широко распространенными явлениями. Точно так же при сталинском режиме геноцид в различных формах практиковался как против российских немцев, так и в отношении других депортированных народов. Что касается казахов, узбеков и киргизов, то их использование в "трудармии" далеко не носило всеобщего характера, да и условия содержания и труда были у них совсем иными, чем у немцев и ряда других "враждебных" народов - финнов, венгров, румын и др.

Депортация 1941-42 гг. получила продолжение в последние месяцы войны и после ее окончания. Эти акции затронули, в частности, т.н. "фольксдойче", т.е. российских немцев, принявших в оккупации германское гражданство (советские власти, в отличие от германских, обычно относили к "фольксдойче" только тех лиц из этой категории, которые не переселялись на Запад). В 1944 г. часть этих людей, преимущественно женщин и детей, была депортирована из района Кавказских Минеральных Вод и других мест (в целом около 3 тыс.). После занятия Красной Армией Крыма в 1944 г. оттуда было выселено оставшееся немецкое население (более 1 тыс.). В 1945 г. немцы депортировались из Литовской ССР в Таджикскую ССР (около 0,9 тыс.) и из Молдавской ССР в Коми АССР и Молотовскую обл. (более 0,6 тыс.), в 1946 г. - из Закарпатской обл. в Тюменскую обл. (около 2 тыс.). Особую страницу в истории депортации российских немцев представляет собой эпопея т.н. репатриантов.

Речь идет об "административных переселенцах" (в целом более 300 тыс.), т.е. немцах, попавших под оккупацию на западе страны (Белоруссия, Молдавия, Украина, Крым, Северный Кавказ, северо-западные районы РСФСР) и в 1942-44 гг., в преддверие наступления Красной Армии, принудительно вывезенных на Запад (оккупированная территория Польши, а также Германия). В 1945-46 гг., по настоянию советских властей и при содействии союзников, большинство из них (210,6 тыс.) были "репатрированы" в СССР, а затем депортированы на восток. Они находились на спецпоселении, как и остальные российские немцы.

После депортации немцы 30 лет практически не имели возможности возвратиться в родные места. Этот запрет был официально снят лишь в конце 1972 г. Да и тогда возвращение оставалось малореальным, наталкиваясь на разнообразные препоны, воздвигаемые местными властями, серьезные экономические трудности, проблемы с жильем и трудоустройством и т.д. В результате даже в 1989 г. в азиатской части РСФСР еще жило 3/4 ее немецкого населения, а в основных регионах довоенного проживания немцев на территории республики (Ставропольский и Краснодарский края, Саратовская, Волгоградская, Ростовская и Куйбышевская области) - всего 12,5% (в 1939 г. - 64,6%).

Расселение немцев на территории СССР и десятилетия спустя оставалось почти столь же дисперсным, как после депортации 1941-42 гг. В результате не могли развиваться национальное образование и национальная культура, стремительно нарастала вынужденная ассимиляция немецкого населения, что нашло наиболее наглядное выражение в резком снижении доли немцев, считающих немецкий язык родным (1939 г. - 88,4%, 1959 г. - 75,0%, 1989 г. - 48,8%), а также в увеличении доли межнациональных браков.

В этих условиях российские немцы вполне обоснованно не видели перспектив для своего этнического самосохранения. Чувство безысходности стало преобладающим, когда власти СССР и России практически отказали своему немецкому населению в восстановлении его национально-территориальной автономии. Поэтому, когда у российских немцев в начале 1990-х годов появилась возможность массового выезда в Германию, они не замедлили ею воспользоваться.

Таким образом, и в начале XXI века положение немцев на территории бывшего СССР все еще во многом определяется последствиями депортации 1941-42 гг. Власти СССР и его стран-наследниц почти ничего не сделали, чтобы искупить неизгладимую вину советского режима перед российскими немцами. До сих пор не отменены даже многие правовые акты, предопределившие депортацию российских немцев (постановления СНК и ЦК ВКП(б), приказы Военных советов ряда фронтов и др.). Что уж говорить о реальном преодолении ее последствий!

Пожалуй, единственное, о чем в этом смысле можно упомянуть, - это выплата властями России компенсаций за дома и имущество, которых лишились немцы в результате депортации. Но данные суммы настолько мизерны по сравнению с реальной величиной материальных потерь, что на этом фоне выглядит поистине карикатурно кипучая активность российских властей вокруг выплаты весомых компенсаций, обещанных недавно Германией жителям России и других стран Восточной Европы, которые были депортированы нацистами и использовались ими в качестве "остарбайтеров". Установление властями Германии этих компенсаций достойно признания, однако очевидно, что право голоса в таком вопросе могут иметь представители только тех государств, которые не на словах, а на деле желают и способны решать аналогичные проблемы, доставшиеся им в наследство от предшественников.

Но оставим эту тему для другого раза. День национальной скорби - не время для всесторонней оценки деятельности власть имущих. Думаю, что 28 августа российские немцы будут меньше всего обращаться мыслями к каким-либо властям. Мы вспомним в этот день о близких нам людях, жертвах депортации, - как о тех, кого уже нет, так и о тех, которые тоже будут отмечать эту дату. Вспомним о российских немцах, которые пережили депортацию и нашли в себе силы поведать нам о том, как это было. Вспомним о нашем известном писателе Викторе Клейне, умершем четверть века назад, который одним из первых осмелился написать о депортации немцев Поволжья и оставил волнующий рассказ на эту тему - "Последний могильный холм". Вспомним об одном из лучших наших поэтов, недавно скончавшемся Вольдемаре Гердте, который описал депортацию из Поволжья в своей незабываемой поэме "Волга, колыбель наших надежд". Вспомним о другом нашем замечательном поэте, безвременно ушедшем Викторе Шнитке, который сам едва ли помнил депортацию (он стал ее свидетелем в Энгельсе в 1941 г., но ему было тогда всего четыре года), однако сумел рассказать об этой трагедии так просто и в то же время зримо, как не удавалось, пожалуй, еще никому:

Wenn, fremd im Dorf meiner Väter,
ich stumm unsren Hof passiere
und das blonde Mädchen am Brunnen
mir folgt mit ahnendem Auge,
möchte ich sagen:
Du,
ich will dir alles erzählen.

Großvater lag im Sterben
und konnte den Tod nicht finden.
Wir hockten auf Sack und Bündel.
Der Karren stand vor dem Haus.

Großvater stammelte:
Laßt mich -
liegen. Ich werd's schon schaffen.
Macht euch nun auf.
Sie werden -
euch holen.
Dann kommt's noch ärger...
Wir betteten ihn auf den Wagen,
zu Füßen die Sachen. Dann ging es
hinaus aus dem Dorf. Die Hitze
lastete schwer auf dem Weg.

Großvater blieb die Mühsal
erspart. Die heimische Steppe
behielt ihn für sich. Wir zogen
grimmig ins schwarze Nichts.

Август 2001 г.

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В НАЧАЛЕ 1940-х гг.: МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Всего 2 десятилетия назад не было возможностей даже для постановки вопроса о механизме принятия решений при депортации российских немцев сталинским режимом. Тогда был известен всего один подобный депортационный акт, опубликованный в открытой печати вскоре после его принятия, – печально знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».¹

Конечно, зная практику советского законодательства, было трудно предположить, что марионеточный «Верховный Совет» мог принять столь значимое решение самостоятельно. Однако лишь в 1994 г. А. Герман обнародовал основные положения соответствующего партийно-правительственного акта – Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 2056-933сс (совершенно секретно) «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».²

1 августа 1996 г., незадолго до 55-й годовщины депортации немцев Поволжья, я впервые опубликовал полный текст этого документа, позаимствованного из так называемой «Особой папки», в московском информационном листке «Видербурт». В заметке «Когда же нам отмечать День Скорби?», сопровождавшей публикацию, мной подчеркивалось, что вопрос о дате принятия преступного решения остается открытым, «пока неизвестна процедура подготовки Постановления от 26 августа».³

Аналогичные загадки задают современным исследователям и некоторые другие депортационные акты сталинского периода. Так, в 1992 г. Н. Бугай опубликовал Приказ наркома НКВД СССР Л. Берии от 23 июня 1940 г. № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей», касавшийся и немецких семей.⁴ Этот приказ ссылался на соответствующее правительственное решение, однако оно оставалось неизвестным даже годы спустя.

В начале 2006 г. Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) выпустил в Москве, в известной серии «Россия. XX век», сборник документов «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946»,⁵ вносящий определенную ясность в поставленные выше вопросы.

Отмечу также, что почти одновременно Фонд «Демократия» издал в той же серии и книгу «Немцы в истории России», подготовленную Общественной Академией наук российских немцев.⁶ Весной 2004 г. представители нашей Академии, включая меня, беседовали с А.Н. Яковлевым о возможном содержании будущей книги, и я хорошо запомнил его неподдельную личную заинтересованность как в прояснении сложной и малоизвестной истории российских немцев, так и в доведении этой информации до заинтересованных читателей разных национальностей. К глубокому сожалению, Александр Николаевич не дожил до выхода нашей книги в свет – он скоропостижно скончался в октябре 2005 г.

В настоящее время Фонд «Демократия» выставляет в Интернете документы, опубликованные в книгах серии «Россия. XX век». По обоим упомянутым изданиям эта работа уже проделана.⁷ В рамках тематики нашей статьи привлекают внимание 3 документа из указанной книги о Лубянке и Сталине.

Начнем с документа № 195 – спецсообщения Берии Сталину от 25 августа 1941 г. № 2514/б, которое начинается фразой: «В соответствии с Вашими указаниями при этом представляю проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке переселения из Республики Немцев Поволжья и Саратовской и Сталинградской областей». Следующий далее текст в точности соответствует содержанию Постановления № 2056-933.

Итак, мы вправе сделать вывод, что механизм принятия рокового решения о депортации поволжских немцев (и, как следствие, ликвидации АССР Немцев Поволжья) выглядел следующим образом. Сталин, решив осуществить эту беспрецедентную по масштабам депортационную акцию, поручил Берии представить текст соответствующего партийно-правительственного документа, нарком НКВД выполнил руководящее указание 25 августа, и на следующий день сталинское Политбюро послушно проштамповало депортационный акт, получивший максимально высокий по тогдашним понятиям статус – Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Спецсообщение Берии завершалось фразой, традиционной для тогдашних советских документов, направлявшихся в вышестоящие инстанции: «Прошу Ваших указаний». Таковые и последовали в Постановлении № 2056-933, подписанном лично Сталиным. Исходя из них, нарком НКВД смог уже 27 августа издать приказ № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».⁸

И лишь после всего этого настала очередь выступить с известным Указом Президиуму Верховного Совета СССР. Фактически на долю «высшего органа» государственной власти СССР оставили только самое грязное дело, которое погнушались взять на себя ЦК, СНК и даже НКВД, – «правовое обоснование» уже проводимой депортационной акции задним числом.

Документ № 114 приводит основные положения строго секретного Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июня 1940 г. № 256 «О переселении граждан иностранных национальностей из гор. Мурманска и Мурманской области». Этим актом Политбюро утвердило проект соответствующего Постановления СНК СССР, в котором правительство, в свою очередь, «постановило» утвердить предложения НКВД СССР, регламентировавшие проведение данной депортационной акции.

Таким образом, порядок принятия решения здесь тот же, что и в предыдущем случае: НКВД – Политбюро – правительство – НКВД. Разница лишь в том, что вся процедура была проделана за 1 день, 23 июня, и основной депортационный акт представлял собой Постановление СНК СССР, а не СНК и ЦК ВКП(б). То и другое связано, очевидно, с гораздо меньшими масштабами акции – в июне 1940 г. было предписано депортировать «всего» 8617 человек, а не сотни тысяч, как в августе 1941 г.

Тем не менее, депортационная акция 1940 г., до сих пор почти не привлекавшая внимания исследователей, примечательна во многих отношениях и нуждается в некоторых комментариях. Несомненно, что она находилась в одном ряду с депортацией части польского и немецкого населения Волыни в 1936 г. и корейского населения Приморья в 1937 г. Все эти депортации с пограничных территорий принято считать некими превентивными акциями в преддверие возможных военных действий – хотя позволительно усомниться, скажем, что в те годы Польша или Япония реально угрожали войной СССР.

Однако акция 1940 г. имела и ряд особенностей, присущих только ей. В данном случае депортации подлежали граждане таких национальностей, которые (за исключением разве что финнов, норвежцев и шведов) никогда не проживали в районе выселения в заметном количестве. В основном это были ссыльные, тогдашние или

бывшие, которых в свое время препроводили на сталинские стройки Кольского полуострова под конвоем.

Резкий переход от принудительной доставки к принудительной высылке этих людей приводит к выводу, что тут действительно имели место экстраординарные меры, связанные, по всей видимости, с возможной войной. Правда, в Москве были озабочены явно не новой войной с Финляндией – иначе не имело смысла выселять представителей скандинавских и прибалтийских народов в соседствовавшую с этой страной Карело-Финскую ССР (остальных выселенцев – немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев – было предписано депортировать в далекий Алтайский край). Остается предположить, что акция была задумана уже с прицелом на войну с Германией, хотя со времени подписания известных советско-германских пактов о ненападении и дружбе не прошло и года.

В депортационных актах июня 1940 г. обращает на себя внимание и новое слово в этнографии – изобретение советскими властями термина «иностранные национальности» (или «инонациональности»). Имелись в виду граждане, родственные народы которых имели государственность за пределами СССР.

Впрочем, новизна здесь весьма относительна – аналогичная терминология использовалась уже в «ликвидационных законах» Николая II времен Первой мировой войны.⁹ Последний российский самодержец вел речь о «неприятельских выходцах», но подразумевал практически то же самое. И Николай, и Сталин постулировали дискриминацию определенных российских (советских) граждан только на том «основании», что места их этнического происхождения находились за пределами страны. Такой подход прочно утвердился в советской национальной политике уже в период «Большой чистки» 30-х гг., когда НКВД, направляемый Сталиным, развернул широкомасштабную «операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов» в составе подобных граждан СССР.

Аналогичной позиции придерживались, в сущности, и преемники Сталина, недвусмысленно вынеся представителей этих национальностей за скобки официальной реабилитации репрессированных народов. В ходе этого процесса не были возвращены в места прежнего проживания только люди с такими, особо подозрительными корнями – немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, поляки, корейцы, финны-ингерманландцы, понтийские греки и др.

Документ № 197, в отличие от двух вышеуказанных, в принципе известен историкам. Речь идет о строго секретном Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. № 21 «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», которое в последние годы было введено в научный оборот усилиями В. Кригера и некоторых других авторов. Однако степень внимания к данному акту, на мой взгляд, пока что явно несопоставима с его значимостью для судеб немецкого населения, депортированного и отправленного в концлагеря властями СССР с 1941 г.

Постановление распространялось на немцев, проживавших на востоке Украины – в Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской, Черниговской областях, и предусматривало: 1) арестовать тех из них, что состояли на учете как «антисоветский элемент»; 2) «мобилизовать» остальных трудоспособных немцев-мужчин от 16 до 60 лет «в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР».

В итоге десятки тысяч украинских немцев были отправлены под конвоем в Ивдельлаг, Богословлаг, Соликамстрой и Кимперсайлаг. Наряду с немцами, изгнанными из Красной Армии в соответствии с Приказом наркома обороны СССР И. Сталина от 8 сентября 1941 г. № 35105, они и стали первыми «трудармейцами» 40-х гг.

Судьба этих людей особенно трагична. Как видно, к примеру, из недавно изданной Книги Памяти немцев-трудармейцев Богословлага,¹⁰ в этом лагере смерти погибли многие сотни немецких выходцев из указанных областей Украины.

Участь таких украинских немцев нашла потрясающее отражение в только что вышедшей книге воспоминаний выдающегося спортсмена-тяжелоатлета Рудольфа Плюкфельдера.¹¹ Жертвами смертоносной «спецоперации», направлявшейся сталинским Политбюро, стали отец и старший брат автора, жившие в Донбассе, а будущий тесть Плюкфельдера, Самуил Зигель, оказался в колонне немцев-мужчин из Днепропетровской области, которых в сентябре 1941 г. погнали, как скот, в гибельный Ивдельлаг.

Исходя лишь из текста данного Постановления, малоинформированный читатель может прийти к выводу, что оно всего-навсего предписывало подвергнуть немцев Украины особому типу мобилизации, осуществлявшейся в условиях войны. В действительности всеобщая мобилизация, объявленная в СССР с 23 июня 1941 г., касалась только мужчин 1905-18 гг. рождения, которым было в то время от 22-х до 36, а не от 16 до 60 лет, как в нашем случае. Я уже не говорю о том, что обычная мобилизация отнюдь не предусматривала передачу мобилизованных в распоряжение НКВД.

На деле Политбюро фактически предписало объявить вне закона, депортировать и заточить в концлагеря заметную часть немецкого населения СССР по сугубо национальному признаку. Именно это решение послужило образцом для всех принятых в 1942-43 гг. постановлений Государственного Комитета Оборона (ГКО) о «мобилизации» немецких мужчин, а затем и женщин в так называемые рабочие колонны («трудармию»).

Документ от 31 августа 1941 г., как и два отмеченных ранее, исходил от высших партийных органов. Более того, в данном случае только они и были привлечены к принятию решения – насколько мне известно, единственный подобный пример среди всех репрессивных актов, направленных против российских немцев. Тем самым партийные бонзы нагло попрали советское законодательство, ни в коей мере не наделявшее их подобными полномочиями.

Отменяя многие репрессивные акты в 1991 г., власти СССР предпочли попросту закрыть глаза на это вопиющее явление. Результатом явился странный правовой казус: такие основополагающие депортационные акты, касавшиеся немецкого населения страны, как Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 2056-933 и Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. № 21, никто так и не удосужился отменить. Насколько я знаю, эти противозаконные и преступные решения партийной верхушки не стали предметом разбирательства и на карикатурном «суде над КПСС», затеянном в 90-х гг. по указке Б. Ельцина, в недавнем прошлом – партийного деятеля самого высокого ранга.

С сентября 1941 г. механизм принятия решений о депортации немецкого населения СССР претерпел существенные изменения. Руководящую роль стал теперь играть ГКО, созданный 30 июня 1941 г. и являвшийся в годы войны, а также некоторое время после нее высшим органом власти страны, хотя тогдашняя Конституция СССР ничего подобного не предусматривала. Менее значимые депортационные акции осуществлялись на основе распоряжений СНК СССР и приказов Военных Советов соответствующих фронтов. Осталась неизменной лишь громадная роль НКВД СССР в принятии решений депортационного характера. Высшее карательное ведомство не только инициировало подобные решения и активно участвовало в их принятии, но и осуществляло некоторые депортационные акции исключительно на основе собственных приказов.¹²

Устранение ранее всевластных партийных органов из механизма принятия депортационных решений с осени 1941 г. – далеко не случайное явление. После начала войны и до конца своих дней Сталин предпочитал принимать основополагающие решения через государственные, а не партийные структуры. Более того, он почти прекратил проводить партийные съезды, пленумы и даже заседания Политбюро. Реставрация «руководящей роли партии» начала осуществляться лишь после смерти Сталина, с сентября 1953 г., когда высшим партийным лидером – Первым секретарем ЦК КПСС – стал Н. Хрущев.

Октябрь 2008 г.

Примечания

- 1 Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, 2 сентября, № 38.
- 2 Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Автономная республика. 1924 – 1941. Саратов, 1994, с. 284-286.
- 3 Дизендорф В.Ф. Десять лет в «Возрождении». М., 2000, с. 510.
- 4 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М., 1992, с. 26-27.
- 5 См.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006.
- 6 См.: Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006.
- 7 См.: www.idf.ru/Fund/Issues/62057/, www.idf.ru/Fund/Issues/62154/.
- 8 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию, с. 41-43.
- 9 Немцы в истории России, с. 562-628.
- 10 См.: GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946». Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т. 2. М., Нижний Тагил, 2008.
- 11 См.: Плюкфельдер Р.В. Чужой среди своих. Книга I. Невыездной. Ред. В.Ф. Дизендорф, А.И. Эрлих. М., 2008.
- 12 Дизендорф В.Ф. Пояснительная записка, в кн.: Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации. Сборник материалов. Вып. 1. Проект Федеральной комплексной программы становления и развития сообщества немцев Российской Федерации. М., 1996, с. 86-87.

МАРКСШТАДТЦЫ В ТРУДАРМИИ: БОГОСЛОВЛАГ, ТАГИЛЛАГ, УСОЛЬЛАГ, ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЙ

В последнее время немало сделано для увековечения памяти сотен тысяч российских немцев, находившихся в 1940-х годах в так называемой трудармии. Изданы Книги памяти немцев-трудармейцев Богословлага (GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941-1946»). Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Пазгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т. 1-2, М., Нижний Тагил, 2008), Тагиллага (GEDENKBUCH: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага»). Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, С.Л. Разинков, А.Я. Цейзер. Екатеринбург, 2004), Усолялага (GEDENKBUCH: Книга Памяти немцев-трудармейцев Усолялага НКВД/МВД СССР. 1942-1947 гг. Сост. Э.А. Гриб. Ред. В.Ф. Дизендорф. М., 2005). Недавно на сайте Челябинского областного архива были выставлены списки узников самого большого «трудармейского» лагеря – Челябинского металлургстроя (www.chelarhiv.ru/knpramstr). Эти информационные массивы, включающие десятки тысяч имен, позволяют существенно расширить наши познания о трудармии и судьбах многочисленных российских немцев, оказавшихся в ней.

Всесторонний сравнительный анализ обширных баз данных по трудармейцам этих лагерей НКВД – большая и долгая работа. Попытаемся приступить к ней, охватив для начала трудармейцев, родившихся в Екатериненштадте/Марксштадте, крупнейшей немецкой колонии в Поволжье и России в целом.

В общей сложности в указанных базах данных отражены 542 марксштадтца (трое, которые находились в Челябинском металлургстрое, а затем были переведены в Богословлаг, указаны дважды): Богословлаг – 158, Тагиллаг – 64, Усолялаг (только погибшие) – 103, Челябинский металлургстрой – 220. Среди этих трудармейцев было 45 женщин (8,3%). В 4-х лагерях, вместе взятых, погибли 163 трудармейца-марксштадтца.

Как видно, перед нами весьма большая выборка, которую можно считать достаточно репрезентативной. Тем не менее, она охватывает далеко не всех трудармейцев-марксштадтцев – их насчитывалось в целом, видимо, на порядок больше.

Марксштадтцы, в отличие от жителей большинства немецких населенных пунктов Европейской части СССР, депортировались в 1941 г. в Сибирь и Казахстан целым рядом эшелонов. Потому они попали в самые разные места и оказались затем во многих трудармейских лагерях, что дает нам возможность для сравнений. В каждом из 4-х перечисленных лагерей марксштадтцев было менее 1% от общей численности трудармейцев. В 1926 г. немцы-марксштадтцы составляли 3,0% немецкого населения АССР НП, однако их доля среди уроженцев Немреспублики в отдельных трудармейских лагерях была заметно ниже: Богословлаг – 2,0%, Тагиллаг – 2,2%.

Репрезентативность нашей выборки подтверждает и то обстоятельство, что в ней встречается большинство марксштадтских фамилий, известных еще с XIX века: Асмус, Ашенбреннер, Бастерс, Бейльман, Бельц, Бенграф, Бинеман, Биссинг, Борк, Боссауэр, Ботт, Вальтер, Вейлерт, Вейман, Вейс, Вельц, Вернер, Виншу, Вормсбехер, Гендель, Геннинг, Гервальд, Герман, Гертлейн, Глейм, Греф, Гутьяр, Гюнтер, Дейс, Дерр, Дизендорф, Дорцвейлер, Дотц, Карле, Карлин, Келлер, Кениг, Кернер, Кнолль, Кох, Крамер, Лейкам, Лейман, Либерт, Лоос, Лотц, Майер, Майс, Маттерн, Миллер, Михаэлис, Нейвирт, Нихельман, Отто, Павликовский, Пауль, Прахт, Раушенбах,

Резнер, Рейхерт, Ретлинг, Ридель, Ример, Роберт, Роот, Ротермель, Сабельфельд, Суздорф, Триппель, Уберт, Фаллер, Фелингер, Финк, Фишер, Фольмер, Фрейман, Циглер, Цитцер, Шауфлер, Шефер, Шиллер, Шмидт, Штаб, Штрак, Шульц, Шумахер, Эбергардт, Эйхлер, Эккерт, Эмих.

Отмечу и то, что в ходе работы удалось уточнить ряд географических названий, а также фамилий, искаженных в лагерных документах.

БОГОСЛОВЛАГ

1. **Айхлер (Эйхлер) Карл Иванович**, 1904 г.р., мобилизован – Ворошиловградская обл., Ворошиловградский ГВК, убыл – 3.07.1942, демобилизован
2. **Альберти Карл Генрихович**, 1907 г.р., мобилизован – 26.03.1942, Омская обл., Нижне-Омский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
3. **Асмус Александр Александрович**, 1907 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
4. **Асмус Александр Андреевич**, 1914 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – **9.07.1942, умер**
5. **Асмус Константин Александрович**, 1909 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Омская обл., Тарский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
6. **Асмус Фридрих Александрович**, 1910 г.р., мобилизован – 17.03.1942, Красноярский край, Канский РВК, убыл – 28.04.1945, передан в Базстрой
7. **Ауер Яков Севостьянович**, 1900 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Омская обл., Тарский РВК, убыл – 26.06.1942, демобилизован
8. **Батц (Патц) Владимир Германович**, 1911 г.р., мобилизован – 9.09.1941, Ворошиловградская обл., Ворошиловградский ГВК, убыл – 10.02.1942, освобожден
9. **Беккер Елизавета Карловна**, 1920 г.р., мобилизована – Алтайский край, Рубцовский РВК, убыла – 11.05.1946, передана в Базстрой
10. **Беллер Густав Яковлевич**, 1914 г.р., мобилизован – 26.02.1942, Красноярский край, Ачинский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
11. **Беллер Давид Яковлевич**, 1911 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Ачинский РВК, убыл – 24.12.1943, отпуск
12. **Бенграф Эдуард Фридрихович**, 1915 г.р., мобилизован – Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
13. **Бергер Эмильян Иосифович**, 1902 г.р., мобилизован – Сталинская обл., Славянский РВК, убыл – **27.02.1943, умер**
14. **Бинеман Виктор Александрович**, 1908 г.р., мобилизован – 25.01.1942, Омская обл., Ялуторовский РВК, убыл – 14.09.1944, передан в лагерь
15. **Бисинг Реймунд Иванович**, 1911 г.р., мобилизован – Новосибирская обл., Тяжинский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
16. **Биссинг Павел Петрович**, 1904 г.р., убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
17. **Боргерт Андрей Карлович**, 1895 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – **28.11.1942, умер**
18. **Борк Константин Карлович**, 1903 г.р., мобилизован – Челябинская обл., Каменский РВК, убыл – 17.04.1946, передан в Базстрой
19. **Ботт Фридрих Эллисович (Юлиусович)**, 1908 г.р., мобилизован – 27.03.1942, Новосибирская обл., Тяжинский РВК, убыл – 15.05.1946, в спецпоселение
20. **Броцман Иван Иванович**, 1905 г.р., мобилизован – 18.03.1942, г. Омск, Кировский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой

21. **Вальгер (Вальтер) Фридрих Карлович**, 1902 (1903) г.р., мобилизован – 20.04.1942, Восточно-Казахстанская обл., Самарский РВК, прибыл – Челябинметаллургстрой, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
22. **Вальтер Гейнрих Гейнрихович**, 1908 г.р., мобилизован – 11.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – 17.04.1946, передан в Базстрой
23. **Вальтер Константин Карлович**, 1911 г.р., мобилизован – 10.04.1942, Омская обл., Викуловский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
24. **Вейлерт Александр Рихардович**, 1910 г.р., мобилизован – Красноярский край, Минусинский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
25. **Вейлерт Эдуард Рихардович**, 1903 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Минусинский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
26. **Вейлерт Яков Иоганович**, 1905 г.р., мобилизован – Хакасская АО, Красноярский край, Ширинский РВК, убыл – 26.08.1944, в Свердловскую тюрьму, **умер 23.09.1945 в тюрьме**
27. **Вейлерт Яков Петрович**, 1896 г.р., мобилизован – 11.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
28. **Вельц (Вельк) Герберт Фридрихович**, 1919 г.р., мобилизован – Семипалатинская обл., Жарминский РВК, прибыл – Челябинметаллургстрой, убыл – 12.04.1946
29. **Вельц Иван Христьянович**, 1905 г.р., мобилизован – 5.03.1942, Омская обл., Сорокинский РВК, убыл – 23.04.1946, на строительство
30. **Вельц Яков Каспарович**, 1905 г.р., мобилизован – Свердловская обл. (?), Шалинский РВК (?), убыл – 24.01.1943, демобилизован
31. **Виншу Адольф Фридрихович**, 1908 г.р., мобилизован – 10.04.1942, Омская обл., Викуловский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
32. **Виншу Вальдемар Фридрихович**, 1906 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Партизанский РВК, убыл – 14.05.1946, передан в Базстрой
33. **Виншу Гельмут Иванович**, 1918 г.р., мобилизован – Омская обл., Москаленский РВК, убыл – 13.05.1946, в Ленинабад
34. **Виншу Петр Петрович**, 1904 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Свердловская обл., Ирбитский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой
35. **Вормсбехер Александр Иванович**, 1895 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – **7.03.1943, умер**
36. **Вормсбехер Генрих Генрихович**, 1915 г.р., мобилизован – 9.09.1941, Сталинская обл., Сталинский ГВК, убыл – 15.10.1943, передан в лагерь
37. **Вормсбехер Фридрих Фридрихович**, 1901 г.р., убыл – 20.05.1946, в 1 спецпоселок
38. **Галле Александр Фридрихович**, 1906 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 30.01.1943, демобилизован на основании директивы № 574
39. **Гамнегер Георг Яковлевич**, 1913 г.р., мобилизован – 26.03.1942, Омская обл., Большереченский РВК, убыл – 20.05.1946, в спецпоселение
40. **Ган Иван Александрович**, 1909 г.р., убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
41. **Гендель Александр Александрович**, 1906 г.р., мобилизован – Молотовская обл. (?), Ворошиловский РВК, убыл – **15.02.1943, умер**
42. **Гензе Александр Иванович**, 1912 г.р., мобилизован – Красноярский край (?), Дзержинский РВК, убыл – 15.05.1946, в 1 спецпоселок
43. **Гензе Герберт Иванович**, 1904 г.р., мобилизован – 16.01.1942, Омская обл., Любинский РВК, убыл – 20.05.1946, в 1 спецпоселок

44. **Гензе Иван Иванович**, 1907 г.р., мобилизован – 5.04.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – 15.05.1946, в 1 спецпоселок
45. **Гензе Фридрих Иоганович**, 1909 г.р., мобилизован – Красноярский край (?), Дзержинский РВК, убыл – 6.04.1946, на основании постановления ГКО № 121
46. **Геннинг Фридрих Николаевич**, 1910 г.р., убыл – 15.05.1946, в 1 спецпоселок
47. **Гервальд Иван Генрихович**, 1900 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Канский РВК, убыл – 5.07.1943, передан в лагерь
48. **Герман Густав Рихардович**, 1908 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Казачинский РВК, убыл – 25.04.1946, передан в Базстрой
49. **Греф Эрнст (Иоганн) Фридрихович**, 1907 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 17.08.1942, демобилизован
50. **Гутьяр Фридрих Карлович**, 1906 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Минусинский РВК, убыл – 17.04.1946, передан в Базстрой
51. **Гюнтер Иван Иванович**, 1904 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой
52. **Гюнтер Карл Иванович**, 1903 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 22.04.1946, передан в Базстрой
53. **Дизендорф Борис Иванович**, 1923 г.р., мобилизован – 5.03.1942, Новосибирская обл., Тяжинский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
54. **Динер Людвиг Андреевич**, 1896 г.р., мобилизован – 26.04.1942, Омская обл., Любинский РВК, убыл – 1.02.1943, демобилизован на основании директивы № 574
55. **Доблер Александр Фридрихович**, 1915 г.р., мобилизован – 14.10.1942, г. Новосибирск, Сталинский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
56. **Дорцвайлер Виктор Александрович**, 1913 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
57. **Дотц Адольф Адольфович**, 1915 г.р., мобилизован – 25.01.1942, Омская обл., Ульяновский РВК, убыл – **20.07.1942, умер**
58. **Ибс Владимир Андреевич**, 1897 г.р., мобилизован – 11.04.1942, г. Омск, Сталинский РВК, убыл – 7.05.1944, передан в лагерь
59. **Ипифер Александр Андреевич**, 1896 г.р., мобилизован – Красноярский край, Бирилюсский РВК, убыл – 21.08.1944
60. **Кайль Александр Давыдович**, 1910 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Омская обл., Тарский РВК, убыл – 13.04.1943, переведен в Ивдельлаг
61. **Карле Константин Яковлевич**, 1893 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Тюхтетский РВК, убыл – демобилизован
62. **Карлин Лео Александрович**, 1912 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 24.04.1946, передан в Базстрой
63. **Карлин Петр Александрович**, 1924 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
64. **Кениг Гейнрих Карлович**, 1909 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 24.04.1946, передан в Базстрой
65. **Кениг Иван Иванович**, 1919 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 17.04.1946, передан в Базстрой
66. **Кениг Карл Иванович**, 1909 г.р., мобилизован – Красноярский край (?), Дзержинский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
67. **Кениг Эрнст Александрович**, 1923 г.р., мобилизован – 4.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 12.05.1946, в Ленинабад
68. **Кинстлер Давид Каспарович**, 1899 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 29.06.1942, демобилизован

69. **Клекнер (Клехнер) Владимир (Вольдемар) Владимирович (Вольдемарович)**, 1923 г.р., мобилизован – 3.04.1942, Карагандинская обл., Нуринский РВК, прибыл – Челябинметаллургстрой, убыл – 25.03.1946, в ОСП УНКВД
70. **Кребс Василий Иванович**, 1894 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Абанский РВК, убыл – 22.08.1944, Химлаг
71. **Лайкам Альфонс Раймундович**, 1913 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Омская обл., Москаленский РВК, убыл – 25.04.1946, передан в Базстрой
72. **Лейкам Фридрих Раймундович**, 1895 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 20.05.1946, в 1 спецпоселок
73. **Лейман Владимир Константинович**, 1900 г.р., мобилизован – 27.03.1942, Омская обл., Ульяновский РВК, убыл – **10.04.1944, умер**
74. **Леопольд Виктор Андреевич**, 1923 г.р., мобилизован – 23.01.1942, г. Павлодар, Куйбышевский РВК, убыл – 30.01.1943, демобилизован на основании директивы № 574
75. **Либерт Вильгельм Гейнрихович**, 1912 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
76. **Либерт Константин Давидович**, 1914 г.р., мобилизован – 4.09.1941, Ворошиловградская обл., Ворошиловградский ГВК, убыл – 13.10.1945, передан в Базстрой
77. **Либерт Фридрих Андреевич**, 1925 г.р., мобилизован – 16.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
78. **Лоос Яков Карлович**, 1900 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Павлодарская обл., Урлютюбский РВК, убыл – **31.12.1942, умер**
79. **Лотц Федор Петрович**, 1901 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – **6.11.1942, умер**
80. **Маттерн Федор Федорович**, 1918 г.р., мобилизован – 21.02.1942, Омская обл., Колосовский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой
81. **Миллер Давид Давидович**, 1908 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 19.04.1943, демобилизован на основании директивы № 574
82. **Миллер Фридрих Яковлевич**, 1906 г.р., мобилизован – 11.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – 7.04.1946
83. **Михайлис Рудольф Александрович**, 1909 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
84. **Михаэлис Иван Карлович**, 1894 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – **2.06.1942, умер**
85. **Михейлис Александр Фридрихович**, 1910 г.р., мобилизован – 27.01.1942, Свердловская обл., Ирбитский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
86. **Монс Густав Адольфович**, 1905 г.р., убыл – **28.10.1942, умер**
87. **Монс Густав Генрихович**, 1899 г.р., убыл – **4.03.1944, умер**
88. **Мюллер Вольдемар Александрович**, 1924 г.р., мобилизован – 26.02.1942, Омская обл., Любинский РВК, убыл – 15.04.1946, передан в Базстрой
89. **Нихельман Вильгельм Фридрихович**, 1921 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Омская обл., Тарский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
90. **Обгольц Карл Иванович**, 1913 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
91. **Остортак (Остертаг) Эдмунд Пиусович**, 1921 г.р., мобилизован – Красноярский край, Ачинский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой

92. **Павликовский Андрей Иванович**, 1910 г.р., мобилизован – 10.04.1942, Омская обл., Любинский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
93. **Пауль Александр Гейнрихович**, 1920 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Емельяновский РВК, убыл – 13.05.1946, в Ленинабад
94. **Перш (Берш?) Леонид Иванович**, 1907 г.р., мобилизован – 26.01.1942, Омская обл., Ялуторовский РВК, убыл – 13.05.1946, передан в 1 спецпоселок
95. **Рейзнер Эвальд Карлович**, 1915 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Иланский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой
96. **Рейш Александр Карлович**, 1909 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 13.05.1946, в спецпоселение
97. **Ремер Фридрих Иоган-Готлибович**, 1914 г.р., мобилизован – Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
98. **Реснер Петр Яковлевич**, 1909 г.р., мобилизован – Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 15.04.1943, демобилизован на основании директивы № 574
99. **Ридель Александр Давидович**, 1893 г.р., мобилизован – Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
100. **Ридель Давид Александрович**, 1925 г.р., мобилизован – 11.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 4.04.1946, передан в Базстрой
101. **Рис Владимир Давидович**, 1919 г.р., мобилизован – 16.03.1942, Красноярский край, Абанский РВК, убыл – 13.05.1946, в Ленинабад
102. **Роот Давид Генрихович**, 1896 г.р., мобилизован – 28.08.1942, Челябинская обл., Каменский РВК, убыл – **10.01.1943, умер**
103. **Роот Иван Андреевич**, 1898 г.р., мобилизован – Куйбышевский РВК, убыл – 26.01.1943, демобилизован на основании директивы № 574
104. **Роот Иван Иванович**, 1908 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
105. **Роот Яков Яковлевич**, 1908 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 15.04.1946, передан в Базстрой
106. **Ротермель Владимир Иванович**, 1924 г.р., мобилизован – Красноярский край, Абанский РВК, убыл – 27.01.1943, демобилизован на основании директивы № 574
107. **Русс Саломон Адольфович**, 1923 г.р., мобилизован – 19.01.1942, Северо-Казахстанская обл., Соколовский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
108. **Руш Мария Александровна**, 1905 г.р., убыла – 15.05.1946, в спецпоселение
109. **Сабельфельд Вильгельм-Иоанн Фридрихович**, 1907 г.р., мобилизован – Красноярский край (?), Дзержинский РВК, убыл – 19.08.1944, передан в лагерь
110. **Сабельфельд Фридрих Петрович**, 1904 г.р., мобилизован – Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 21.04.1946, передан в Базстрой
111. **Суздорф Александр Иванович**, 1914 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Тюхтетский РВК, убыл – 18.10.1944, передан в лагерь
112. **Суздорф Роберт Александрович**, 1924 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Рыбинский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
113. **Триппель Виктор Давидович**, 1922 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Боготольский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой
114. **Триппель Давид Александрович**, 1909 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край (?), Сасаевский (Тасеевский?) РВК, убыл – 28.06.1942, демобилизован
115. **Триппель Николай Александрович**, 1914 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Красноярский ГВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой

116. **Триппель Николай Александрович**, 1915 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 21.04.1946, передан в Базстрой
117. **Фабер Виктор Иванович**, 1916 г.р., убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
118. **Фаллер Иван Иванович**, 1916 г.р., мобилизован – 3.03.1942, Красноярский край, Ачинский РВК, убыл – 2.11.1945, передан в Базстрой
119. **Фелер Николай Давидович**, 1905 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
120. **Феллер Фридрих Давидович**, 1900 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
121. **Финк Гергардт Николаевич**, 1918 г.р., мобилизован – 21.01.1942, Омская обл., Седельниковский РВК, убыл – 13.05.1946, в спецпоселение
122. **Фишер Густав Карлович**, 1906 г.р., мобилизован – Сталинская обл., Амвросиевский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
123. **Фишер Карл Карлович**, 1901 г.р., мобилизован – Хакасская АО, Красноярский край, Аскизский РВК, убыл – 15.05.1946, в 1 спецпоселок
124. **Фишер Отто Густавович**, 1911 г.р., мобилизован – Красноярский край, Даурский РВК, убыл – 18.07.1944, передан в лагерь
125. **Фольмер Виктор Яковлевич**, 1915 г.р., мобилизован – 3.03.1942, Красноярский край, Ачинский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
126. **Фрейман Петр Петрович**, 1901 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Нижне-Ингашский РВК, убыл – 18.04.1946, передан в Базстрой
127. **Циглер Иоган Иоганович**, 1913 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – **3.01.1943, умер**
128. **Цитцер Александр Александрович**, 1903 г.р., мобилизован – Красноярский край, Рыбинский РВК, убыл – 13.05.1946, в 1 спецпоселок
129. **Цитцер Карл Федорович**, 1892 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
130. **Цитцер Карл Фридрихович**, 1919 г.р., мобилизован – Красноярский край (?), Дзержинский РВК, убыл – 19.04.1946, передан в Базстрой
131. **Цитцер Фридрих Адамович**, 1907 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Ермаковский РВК, убыл – 7.03.1946, передан в Базстрой
132. **Цицер Карл Александрович**, 1909 г.р., мобилизован – 28.03.1942, Красноярский край, Канский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
133. **Шауфлер Александр Фридрихович**, 1902 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Советский РВК, убыл – **23.09.1942, умер**
134. **Шауфлер Гейнрих Давидович**, 1916 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Свердловская обл., Ирбитский РВК, убыл – 21.04.1946, передан в Базстрой
135. **Шауфлер Фридрих Александрович**, 1918 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 13.05.1946, в спецпоселение
136. **Шауфлер Фридрих Фридрихович**, 1916 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 21.04.1946, передан в Базстрой
137. **Шембергер Захар Мартынович**, 1904 г.р., мобилизован – Омская обл., Тарский РВК, убыл – 21.04.1946, передан в Базстрой
138. **Шефер-Шмидт Георгий Владимирович**, 1916 г.р., мобилизован – 14.04.1942, Омская обл., Ново-Займский РВК, убыл – 13.10.1945, передан в Базстрой
139. **Шилер Иван Фридрихович**, 1920 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 26.01.1943, демобилизован на основании директивы № 574

140. **Шилер Фридрих Фридрихович**, 1923 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 27.10.1944, Беломорстрой НКВД
141. **Шиллер Карл Федорович**, 1912 г.р., мобилизован – 12.03.1942, Красноярский край, Минусинский РВК, убыл – 15.04.1946, передан в Базстрой
142. **Шиллер Фридрих Константинович**, 1904 г.р., мобилизован – 19.03.1942, Красноярский край, Каратузский РВК, убыл – **24.05.1943, умер**
143. **Шмидт Александр Карлович**, 1908 г.р., мобилизован – 25.01.1942, Омская обл., Ульяновский РВК, убыл – 26.06.1942, демобилизован
144. **Шмидт Андреас Готлибович**, 1903 г.р., мобилизован – 11.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – 19.04.1943, демобилизован на основании директивы № 574
145. **Шмидт Карл Карлович**, 1908 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
146. **Шмидт Петр Богданович**, 1905 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Абанский РВК, убыл – 4.04.1946, передан в Базстрой
147. **Шмидт Федор Иванович**, 1904 г.р., мобилизован – 11.03.1942, Красноярский край, Дзержинский РВК, убыл – **24.09.1943, умер**
148. **Шнейдер Богдан Федорович**, 1896 г.р., мобилизован – 4.03.1942, Красноярский край, Больше-Муртинский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
149. **Штаб Александр Александрович**, 1918 г.р., мобилизован – 8.09.1941, Сталинская обл., Чистяковский РВК, убыл – 23.04.1946, передан в Базстрой
150. **Штаб Иван Рихардович**, 1922 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 3.12.1945, на базу
151. **Шумахер Давид Фридрихович**, 1892 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 27.01.1943, демобилизован на основании директивы № 574
152. **Шумахер Карл Иванович**, 1920 г.р., мобилизован – 21.10.1942, Омская обл. (?), Молотовский РВК, убыл – 12.04.1946, передан в Базстрой
153. **Шумахер Фридрих Адамович**, 1907 г.р., мобилизован – 1.03.1942, Омская обл., Аромашевский РВК, убыл – 24.04.1946, передан в Базстрой
154. **Эмих Александр Филиппович**, 1912 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Тасеевский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
155. **Эмих Генрих Готлибович**, 1909 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Красноярский край, Ирбейский РВК, убыл – 14.04.1946, передан в Базстрой
156. **Эшенбрeнер (Ашенбрeнер) Иван Иванович**, 1916 г.р., мобилизован – 13.03.1942, Красноярский край, Минусинский РВК, убыл – 10.11.1945, на базу
157. **Эшенбрeннер (Ашенбрeннер) Рудольф Иванович**, 1910 г.р., мобилизован – 14.03.1942, Свердловская обл., Ирбитский РВК, убыл – 11.04.1946, передан в Базстрой
158. **Юрк Соломон Христианович**, 1898 г.р., убыл – на основании приказа по управлению № 5/сс

Среди маркштадтских трудармейцев Богословлага насчитывалось лишь 2 женщины (1,3%). Аналогичной была и ситуация по лагерю в целом: согласно Книге памяти Богословлага, женщины составляли здесь всего 0,5% от общего числа трудармейцев.

По годам рождения трудармейцы-маркштадтцы Богословлага распределялись так: до 1901 – 24 чел. (15,2%), 1901-05 – 29 (18,4%), 1906-10 – 42 (26,6%), 1911-15 – 28

(17,7%), 1916-20 – 19 (12,0%), 1921-25 – 16 (10,1%). Приведенная структура отличается незначительной долей людей старших и младших возрастов при заметном преобладании трудармейцев 1906-10 г.р., которым было в 1942 г. от 32 до 36 лет. Подобное явление наблюдалось также в Усольлаге и Челябинметаллургстрое, но в Богословлаге оно было выражено наиболее отчетливо.

В Богословлаге, в отличие от остальных 3-х лагерей, первые трудармейцы появились не в начале 1942 г., а еще осенью 1941 г. Это были немцы, мобилизованные в восточных областях Украины согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. № 21 «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». Среди них оказались и 7 уроженцев Маркштадта (4,4%), живших в тот момент в Ворошиловградской и Сталинской обл.

Однако в большинстве своем маркштадтцы-трудармейцы прибыли в Богословлаг из Сибири – 127 чел. (80,4%): Красноярский край – 94 (59,5%), Омская обл. – 28 (17,7%), Новосибирская обл. – 4 (2,5%), Алтайский край – 1 (0,6%). Непосредственно на Урале (Свердловская, Челябинская, Молотовская обл.) было мобилизовано 8 чел. (5,1%), и еще трое (1,9%), как упоминалось выше, поступили из Челябинметаллургстроя. Также 3 чел. (1,9%) прибыли из Казахстана (Павлодарская и Северо-Казахстанская обл.). Место мобилизации 10 чел. (6,3%) в базе данных не указано.

Основная масса трудармейцев Богословлага была после трудармии передана в Базстрой. Среди маркштадтцев таковых оказалось 100 чел. (63,3%). В их число мы включили и тех, кто был направлен на «базу», строительство и в спецпоселения. Таких людей обычно оставляли работать на прежнем месте, но при этом расконвоировали и считали уже не трудмобилизованными, а спецпоселенцами.

Однако такой сравнительно благополучный исход ожидал далеко не всех трудармейцев Богословлага. Так, 20 маркштадтцев (12,7%) были демобилизованы (освобождены, отправлены в отпуск). Во время войны это практически означало, что трудармейца, полностью утратившего трудоспособность, отправляли из лагеря умирать. В Богословлаге практиковалась и отправка в лагеря – Ивдельлаг, Химлаг (т.е. Химкинский ИТЛ), Беломорстрой и др., а также в тюрьму или в распоряжение НКВД. Таковых среди маркштадтцев оказалось 12 (7,6%). Четверых (2,5%) отправили в Ленинабад – разумеется, не для сбора фруктов. По всей видимости, они попали на известные урановые рудники, находившиеся в окрестностях этого города. Судьба 5 чел. (3,2%) неясна – они убыли из Богословлага согласно неким постановлениям (приказам), либо причина их убытия не была указана.

Наконец, 17 маркштадтцев (10,8%) остались в Богословлаге навсегда, т.е. умерли. Среди трудармейцев этого лагеря в целом смертность была еще выше – 16,8%. Причину заметного расхождения этих цифр приоткрывает динамика смертности по месяцам, приведенная в Книге памяти Богословлага. Наиболее высокая смертность среди трудармейцев наблюдалась здесь в 1-й половине 1942 г. Тогда умирали главным образом немцы, мобилизованные на Украине в сентябре 1941 г., а таких среди уроженцев Маркштадта, как мы видели, было совсем немного.

Этот вывод подтверждается и динамикой смертности по годам. Среди маркштадтцев в 1942 г. умерли 8 чел. (47,1% общего числа умерших), в 1943 г. – 7 (41,2%), в 1944 г. – 2 (11,8%). В целом по трудармейцам Богословлага ситуация была существенно иной – соответственно 60,7%, 32,7%, 4,4% (остальные смертные случаи пришлось на 1941, 1945 и 1946 гг.).

Нельзя не упомянуть и еще одну жертву Богословлага, не нашедшую отражения в нашей статистике смертности. Речь идет о маркштадтце Якове Йогановиче Вейлерте, который в 1944 г. был отправлен из Богословлага в Свердловскую тюрьму,

где умер под пытками год спустя. Судьбу этого человека, занимавшего в 1938-41 гг. высокий пост заместителя Председателя Совнаркома АССР НП и арестованного в Богословлаге по сфабрикованному обвинению в принадлежности к «руководящему центру антисоветской повстанческой организации», осветил в Книге памяти Богословлага В. Кригер.

ТАГИЛЛАГ

1. **Арнгольд Александр Владимирович**, 1903 г.р., проживал – Свердловская обл., г. Нижний Тагил, мобилизован – 6.06.1942, Нижнетагильский ГВК, убыл – 4.03.1943, этапирован
2. **Бахман Екатерина Христьяновна**, 1904 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, д. Семеновка, мобилизована – 2.09.1943, Дзержинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 25.04.1946, Тагилстрой
3. **Бахман Карл Фридрихович**, 1910 г.р., проживал – Павлодарская обл., Павлодарский р-н, к-з им. Р. Люксембург, мобилизован – 6.02.1942, Павлодарский РВК, убыл – 22.04.1946, Тагилстрой
4. **Бахманн Ганна Александровна**, 1928 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, с. Семеновка, мобилизована – 2.09.1943, Дзержинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 25.04.1946, Тагилстрой
5. **Бинеман Розалия Карловна**, 1918 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, мобилизована – 2.09.1943, Дзержинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 22.04.1946, Тагилстрой
6. **Борк Густав Карлович**, 1910 г.р., проживал – Павлодарская обл., Лебяжинский р-н, леспункт Майкарагай, мобилизован – 25.01.1942, Лебяжинский РВК, убыл – 22.04.1946, Тагилстрой
7. **Ботт Элиас Элиасович**, 1919 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, мобилизован – 05.07.1942, Свердловская обл., Свердловский ГВК, убыл – 22.04.1946, Тагилстрой
8. **Вайлерт Александр Иванович**, 1927 г.р., проживал – Красноярский край, Ирбейский р-н, мобилизован – 2.09.1943, Ирбейский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 14.09.1944, осужден
9. **Вайлерт Константин Александрович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Дзержинский р-н, мобилизован – 2.09.1943, Дзержинский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 27.05.1946, Тагилстрой
10. **Генце Иван Карлович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Идринский р-н, д. Красный Октябрь
11. **Гергерт (Пауль) Ирма Готлибовна**, 1927 г.р., проживала – Красноярский край, Ирбейский р-н, д. В-Друн (Верхняя Уря?), мобилизована – 3.09.1943, Ирбейский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.04.1946, Тагилстрой
12. **Горст Элла Романовна**, 1926 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, д. Шеломки, мобилизована – 5.08.1943, Дзержинский РВК, убыла – 1.04.1946, Тагилстрой
13. **Греф Эмма Александровна**, 1902 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 23.10.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.04.1946, Тагилстрой
14. **Греф (Альбрехт) Эльвира Ивановна**, 1927 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 23.10.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск

15. **Гутьяр (Маркус) Доротея Петровна**, 1921 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск
16. **Гюнтер Фрида Федоровна**, 1925 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 10.01.1946, Тагилстрой
17. **Гюнтер Ядвига (Гетвига) Карловна**, 1927 г.р., проживала – Красноярский край, Ермаковский р-н, д. Боженца (Большая Речка?), мобилизована – 2.09.1943, Ермаковский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.04.1946, Тагилстрой
18. **Дизендорф Николай Генрихович**, 1909 г.р., проживал – Свердловская обл., Красноуфимский р-н, п. Нижняя Сарана, мобилизован – 10.03.1942, Красноуфимский РВК, убыл – **24.06.1944, умер**
19. **Дорцвейлер Гильда Александровна**, 1926 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 4.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 27.05.1946, Тагилстрой
20. **Дорцвейлер Мария Александровна**, 1922 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 5.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 27.05.1946, Тагилстрой
21. **Клаус Карл Иванович**, 1906 г.р., проживал – Свердловская обл., г. Свердловск, мобилизован – 4.07.1942, Свердловский ГВК, убыл – 29.05.1946, Тагилстрой
22. **Кох Рудольф Карлович**, 1920 г.р., проживал – г. Саратов, мобилизован – 24.12.1939, Саратовский ГВК, убыл – 29.05.1946, Тагилстрой
23. **Лейкам Виктор Яковлевич**, 1927 г.р., проживал – Красноярский край, Ирбейский р-н, д. Елисеевка, мобилизован – 3.09.1943, Ирбейский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 30.05.1946, Тагилстрой
24. **Лейкам Владимир Евгеньевич**, 1926 г.р., проживал – Алтайский край, Грязнухинский р-н, п. Рубцовка (?), прибыл – 11.05.1945, ИТЛ 4 р-на Тагиллага, убыл – 30.05.1946, Тагилстрой
25. **Лейкам (Куснер, Гюснер) Гильда Эдуардовна**, 1919 г.р., проживала – Омская обл., Ярково-Восточный р-н, мобилизована – 25.09.1943, Ярково-Восточный РВК, прибыла – 17.10.1943, Тюмень, убыла – 10.05.1946, Тагилстрой
26. **Лотц Иван Иванович**, 1906 г.р., проживал – Московская обл., Подольский р-н, д. Яковлево, мобилизован – 5.07.1941, Кировский РВК, убыл – **14.08.1943, умер**
27. **Миллер Александр Александрович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Ирбейский р-н, д. Мельничное, мобилизован – 9.09.1943, Ирбейский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 31.05.1946, Тагилстрой
28. **Михайлис (Михаэлис, Гейман) Ирина Ивановна**, 1925 г.р., проживала – Рязанская обл., Сасовский р-н, Свеклозавод, мобилизована – 12.03.1945, Сасовский РВК, прибыла – 30.03.1945, Рязань, убыла – 30.05.1946, Тагилстрой
29. **Мойер Давид Иванович**, 1914 г.р., проживал – АССР НП, г. Энгельс, мобилизован – 29.07.1942, Свердловская обл., Нижнетагильский РВК, убыл – 26.08.1943, демобилизован по нетрудоспособности
30. **Отто Мери Адольфовна**, 1927 г.р., проживала – Красноярский край, Тюхтетский р-н, мобилизована – 27.09.1943, Тюхтетский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 30.05.1946, Тагилстрой
31. **Павликовская Мария Ивановна**, 1913 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.06.1946, Тагилстрой

32. **Павликовская Эмма Ивановна**, 1914 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 6.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – Тагиллаг
33. **Пауль Александр Генрихович**, 1919 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, мобилизован – 13.08.1942, Свердловская обл., Нижнетагильский РВК, прибыл – 16.05.1944, 1 район Тагиллага, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
34. **Райс Елизавета Ивановна**, 1906 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, мобилизована – 17.02.1943, Дзержинский РВК, прибыла – 17.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
35. **Рейс Ирма Крестьяновна**, 1929 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, д. Топол, мобилизована – 17.09.1943, Дзержинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
36. **Рейс Фридрих Христианович**, 1927 г.р., проживал – Красноярский край, Дзержинский р-н, д. Топол, мобилизован – 17.09.1943, Дзержинский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
37. **Рейснер Виктор Александрович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Дзержинский р-н, д. Борки, мобилизован – 2.09.1943, Дзержинский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
38. **Ридель Карл Александрович**, 1911 г.р., проживал – Красноярский край, Ирбейский р-н, с. Тумаково, мобилизован – 3.09.1943, Ирбейский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 1.04.1946, Тагилстрой
39. **Риль Иван Иванович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизован – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
40. **Роберт Адольф Иванович**, 1897 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Бель-Агачский р-н, к-з «2-я Пятилетка», мобилизован – 20.01.1942, убыл – 15.04.1942, побег
41. **Роот Эмма Давыдовна**, 1918 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Троицк, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
42. **Трипель Федор Федорович**, 1914 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, мобилизован – 3.07.1942, Свердловская обл., Свердловский ГВК, убыл – 5.09.1942, арестован
43. **Фаллер Виктор Генрихович**, 1912 г.р., проживал – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизован – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
44. **Фишер Амалия Ивановна**, 1917 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 25.01.1946, демобилизована
45. **Фишер Вильгельм Генрихович**, 1913 г.р., проживал – Павлодарская обл., Цюрупинский р-н, д. Ильинка, мобилизован – 30.01.1942, Цюрупинский РВК, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
46. **Фишер Гедвига Ивановна**, 1924 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, мобилизована – 3.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
47. **Цитцер Эмма Александровна**, 1919 г.р., проживала – Красноярский край, Новоселовский р-н, д. Кривошеино, мобилизована – 19.09.1943, Новоселовский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой

48. **Чермашенцева Мария Александровна**, 1913 г.р., проживала – Красноярский край, Ермаковский р-н, д. Дубенское, мобилизована – 28.09.1943, Ермаковский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск
49. **Шамнэ Роман Николаевич**, 1894 г.р., проживал – Красноярский край, Ермаковский р-н, с. Каптырево, мобилизован – 19.09.1943, Ермаковский РВК, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
50. **Шенберг Фридрих Александрович**, 1898 г.р., проживал – Новосибирская обл., г. Томск, мобилизован – 27.07.1943, Новосибирская обл., Ояшинский РВК (из Волголага, 3.04.1943), убыл – демобилизован по нетрудоспособности
51. **Шефер Валентин Федорович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Дзержинский р-н, д. Шеломки, мобилизован – 5.09.1943, Дзержинский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – Тагиллаг
52. **Шмидт Андрей Иванович**, 1905 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Бель-Агачский р-н, с. Ивановское, мобилизован – 20.01.1942, Бель-Агачский РВК, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
53. **Шмидт Роберт Карлович**, 1921 г.р., проживал – Омская обл., Тюменский р-н, мобилизован – 20.01.1942, Семипалатинская обл., Бель-Агачский РВК, прибыл – 17.09.1943, Тюмень, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
54. **Шмидт Фрида Федоровна**, 1908 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, д. Фаначет, мобилизована – 6.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
55. **Шмидт Эрна Ивановна**, 1927 г.р., проживала – Красноярский край, Дзержинский р-н, с-з «Малкас», мобилизована – 1.09.1943, Дзержинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
56. **Шмидт (Каутер) Ольга Давидовна**, 1921 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, с. Тасеево, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
57. **Шнарр Андрей Иванович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Ирбейский р-н, д. Горкино, мобилизован – 11.09.1943, Ирбейский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – Тагиллаг
58. **Штрак Андрей Давидович**, 1897 г.р., проживал – Красноярский край, Назаровский р-н, мобилизован – 25.09.1943, Назаровский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – 1.01.1946, Тагилстрой
59. **Эбергардт Фрида Карловна**, 1913 г.р., проживала – Красноярский край, Минусинский р-н, мобилизована – 23.09.1943, Минусинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой
60. **Эльберг Алиса Карловна**, 1926 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, мобилизована – 6.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – Тагиллаг
61. **Эльберг Арнгольд Карлович**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Тасеевский р-н, мобилизован – 6.09.1943, Тасеевский РВК, прибыл – 14.11.1943, Красноярск, убыл – Тагиллаг
62. **Эльберг Мария Карловна**, 1903 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, мобилизована – 6.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 24.11.1944, осуждена
63. **Эльберт (Эльберг) Эмилия Ивановна**, 1919 г.р., проживала – Красноярский край, Тасеевский р-н, д. Сухово, мобилизована – 23.09.1943, Тасеевский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой

64. **Эмих Эрна Карловна**, 1928 г.р., проживал – Красноярский край, Минусинский р-н, с. Тесь, мобилизована – 23.09.1943, Минусинский РВК, прибыла – 14.11.1943, Красноярск, убыла – 1.01.1946, Тагилстрой

Маркштадтские трудармейцы Тагиллага отличались аномально высокой долей женщин – 32 чел. (50,0%). По трудармейцам в целом этот показатель был в лагере гораздо ниже – 15,0%. Столь же необычным был состав маркштадтцев по годам рождения: до 1901 – 4 чел. (6,3%), 1901-05 – 5 (7,8%), 1906-10 – 7 (10,9%), 1911-15 – 9 (14,1%), 1916-20 – 9 (14,1%), 1921-25 – 7 (10,9%), 1926-29 – 23 (35,9%).

Оба этих отличия объясняются особенностями формирования маркштадтского «контингента» трудармейцев Тагиллага: 45 из них (70,3%) были доставлены в лагерь по этапу из Красноярска лишь в ноябре 1943 г., оказавшись в трудармии согласно Постановлениям ГКО, принятым в августе 1943 г. и предусматривавшим, в частности, дополнительную мобилизацию немцев на строительство. Красноярский этап состоял в основном из девушек от 14(!) до 17 лет, хотя немецкие женщины официально подлежали мобилизации в трудармию только с 16 лет.

Остальные трудармейцы-маркштадтцы были отправлены в Тагиллаг из Свердловской обл. – 7 чел. (10,9%), Западной Сибири и Европейской части СССР – 6 (9,4%), Казахстана (Павлодарская и Семипалатинская обл.) – 5 (7,8%), а также из ИТЛ Тагиллага – 1 (1,6%).

Судьбы маркштадтцев Тагиллага сложились примерно так же, как в Богословлаге: оставлены после трудармии в Тагилстрое – 45 чел. (70,3%), арестованы, осуждены или направлены в лагерь – 9 (14,1%), демобилизованы (по нетрудоспособности – 2, после войны – 1) – 3 (4,7%), умерли – 2 (3,1%), бежал – 1 (1,6%), нет сведений – 4 (6,3%).

В целом по трудармейцам Тагиллага доля умерших была значительно выше – 9,7%, а оставленных в Тагилстрое, напротив, ниже – 55,1%. Причины этих отличий вполне очевидны – основная масса маркштадтских трудармейцев поступила в Тагиллаг в то время, когда здесь уже не было массовой смертности, а Тагилстрою требовались в основном молодые рабочие руки – вот и стодились девушки-трудармейки.

УСОЛЬЛАГ (МАРТИРОЛОГ)

1. **Аншиц Иоганес (Иван) Кондратович**, 1909 г.р., проживал – Алтайский край, Грязнухинский р-н, с. Грязнуха, прибыл – 13.05.1942, умер **24.06.1943**, л/п **Бубыл**
2. **Бангерт Герберт Генрихович**, 1907 г.р., проживал – Алтайский край, Залесовский р-н, с. Думчево, прибыл – 18.02.1942, умер **19.03.1943**, л/п **Бубыл**
3. **Беккер Альберт Фридрихович**, 1924 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **16.01.1943**, л/п **Бондюг**
4. **Бинеман Яков Давидович**, 1909 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н (?), д. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **5.08.1943**, л/п **Тимшер**
5. **Биссинг Петр Петрович**, 1917 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **7.01.1944**, л/п **Кушмангорт**
6. **Бистерфельд Яков Яковлевич**, 1904 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **15.09.1942**, л/п **Бондюг**
7. **Бок Александр Филиппович**, 1911 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **13.08.1942**, л/п **Бондюг**

8. **Борт (Ботт?) Давид Александрович**, 1895 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Красно-Поморье, прибыл – 15.02.1942, умер **16.07.1942**, л/п **Бондюг**
9. **Ботт Карл Готлибович**, 1893 г.р., проживал – Алтайский край, Косихинский р-н, прибыл – 18.02.1942, умер **19.09.1944**, л/п **Нечь**
10. **Вебер Карл Карлович**, 1901 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Чистюнька, прибыл – 15.02.1942, умер **16.11.1945**, л/п **Кушмангорт**
11. **Вейлерт Михаил Карлович**, 1892 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, Лаврентьевский с/с, прибыл – 15.02.1942, умер **2.04.1942**, л/п **Бондюг**
12. **Вейлерт Петр Петрович**, 1914 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Чистюнька, прибыл – 15.02.1942, умер **20.08.1942**, л/п **Бондюг**
13. **Вейс Лев Иванович**, 1918 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **19.05.1944**, л/п **Сосновка**
14. **Виншу Рудольф Федорович**, 1895 г.р., проживал – Алтайский край, Залесовский р-н, прибыл – 18.02.1942, умер **14.12.1943**, л/п **Ныроб**
15. **Вормсбахер Вильгельм Фридрихович**, 1910 г.р., проживал – Алтайский край, прибыл – 15.02.1942, умер **15.11.1942**, л/п **Бондюг**
16. **Гаан Вильгельм Вильгельмович**, 1923 г.р., проживал – Алтайский край, Новичихинский р-н, прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **10.10.1943**, л/п **Бондюг**
17. **Гебель Роберт Карлович**, 1903 г.р., проживал – Алтайский край, Поспелихинский р-н, прибыл – 18.02.1942, умер **24.10.1942**, л/п **Бубыл**
18. **Геймерлинг Александр Яковлевич**, 1885 г.р., проживал – г. Саратов, прибыл – 11.1942, умер **12.03.1943**, л/п **Колп**
19. **Гервальд Карл Фридрихович**, 1919 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **13.05.1943**, л/п **Москали**
20. **Гервальд Фридрих Фридрихович**, 1925 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **23.05.1943**, л/п **Москали**
21. **Гергерт Карл Фридрихович**, 1918 г.р., проживал – Новосибирская обл., Купинский р-н, с. Петровка, прибыл – 28.07.1942, Ивдельлаг, умер **3.05.1943**, л/п **Березовая**
22. **Гертлейн Константин Алексеевич**, 1908 г.р., проживал – Алтайский край, Новичихинский р-н, с. Покровка, прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **20.12.1942**, л/п **Бондюг**
23. **Глейм Густав Карлович**, 1916 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, осужден 1.09.1943 на 10 лет, ст. 58-10 УК РСФСР, умер **5.12.1943**, л/п **Омут**
24. **Гольцвирт Рудольф Андреевич**, 1918 г.р., проживал – Молотовская обл., Усольлаг, Нижне-Мошевский ОЛП, прибыл – 21.04.1943, умер **19.01.1944**, л/п **Черная**
25. **Готфрид Отто Петрович**, 1924 г.р., проживал – Красноярский край, Канский р-н, с-з «Канский», прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **16.06.1944**, л/п **Тимшер**
26. **Греф Давид Давидович**, 1900 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **4.04.1943**, л/п **Бондюг**
27. **Дейс Александр Петрович**, 1907 г.р., проживал – г. Саратов, прибыл – 24.07.1942, Ивдельлаг (?), умер **27.02.1943**, л/п **Чепец**
28. **Дейс Яков Карлович**, 1908 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **24.10.1943**, л/п **Тимшер**

29. **Дорцвейлер Иван Карлович**, 1903 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Белово, прибыл – 15.02.1942, умер **25.05.1943**, л/п **Тимшер**
30. **Карле Александр Александрович**, 1906 г.р., проживал – Алтайский край, Косихинский р-н, прибыл – 18.02.1942, умер **24.10.1942**, л/п **Ныроб**
31. **Карле Генрих Эдуардович**, 1907 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, к-з «Красный Октябрь», прибыл – 15.02.1942, умер **7.05.1943**, л/п **Сосновка**
32. **Кениг Александр Александрович**, 1903 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Крутиха, прибыл – 15.02.1942, умер **16.07.1942**, л/п **Бондюг**
33. **Кениг Иван Федорович**, 1915 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, к-з «Красный Октябрь», прибыл – 15.02.1942, умер **25.01.1943**, л/п **Бондюг**
34. **Кениг Карл Богданович**, 1906 г.р., проживал – Алтайский край, Тюменцевский р-н, п. Дул (Тульское?), прибыл – 15.02.1942, умер **6.12.1942**, л/п **Чепец**
35. **Кениг Карл Феодорович (Теодорович?)**, 1909 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, к-з «Красный Октябрь», прибыл – 15.02.1942, умер **16.02.1943**, л/п **Бондюг**
36. **Кернер Александр Петрович**, 1904 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **11.11.1942**, л/п **Тимшер**
37. **Клекнер Фридрих Александрович**, 1907 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **6.01.1943**, л/п **Бондюг**
38. **Клоцбах Карл Иванович**, 1901 г.р., проживал – Красноярский край, Краслаг, прибыл – 12.07.1943, умер **27.09.1943**, л/п **Тимшер**
39. **Коппель Роберт Карлович**, 1913 г.р., проживал – Алтайский край, Сорокинский р-н, с. Сорокино, прибыл – 15.02.1942, умер **3.06.1943**, л/п **Бондюг**
40. **Корбмахер Адольф Кондратьевич**, 1916 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Поморье, прибыл – 15.02.1942, умер **18.12.1942**, л/п **Бондюг**
41. **Корн Карл Христианович**, 1914 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, к-з «Маяк», прибыл – 15.02.1942, умер **29.04.1944**, л/п **Тракторная**
42. **Корн Христиан Христианович**, 1910 г.р., проживал – Алтайский край, Тюменцевский р-н, с. Киприно, прибыл – 15.02.1942, умер **25.01.1943**, л/п **Чепец**
43. **Кох Давид Федорович**, 1894 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **22.12.1942**, л/п **Бондюг**
44. **Крамер Карл Генрих-Элиасович**, 1901 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **21.10.1942**, л/п **Бондюг**
45. **Креф (Греф) Павел Карлович**, 1919 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, к-з «Красный Октябрь», прибыл – 15.02.1942, умер **16.05.1943**, л/п **Тимшер**
46. **Криммель Бруно Александрович**, 1924 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Ракиты, прибыл – 15.02.1942, умер **11.12.1942**, л/п **Бондюг**
47. **Лейкам Эдуард Яковлевич**, 1895 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **15.02.1943**, л/п **Бондюг**
48. **Лоос Иоганнес Иоганнесович**, 1905 г.р., проживал – Алтайский край, прибыл – 15.02.1942, умер **10.04.1943**, л/п **Бондюг**
49. **Лоос Федор Яковлевич**, 1909 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **3.08.1942**, л/п **Бондюг**
50. **Лотц Виктор Давидович**, 1924 г.р., проживал – Хакасская АО, Красноярский край, Усть-Абаканский р-н, к-з «Красный Абакан», прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **17.04.1943**, л/п **Бондюг**

51. **Майер Владимир Давидович**, 1924 г.р., проживал – Алтайский край, Новичихинский р-н, с. Новичиха, прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **10.10.1944**, л/п **Ныроб**
52. **Маркс Александр Александрович**, 1911 г.р., проживал – Грузинская ССР, г. Тбилиси, прибыл – 15.02.1942, умер в **1943 в заключении**
53. **Матерн Федор Федорович**, 1916 г.р., проживал – Куйбышевская обл., Безымянлаг, прибыл – 29.09.1942, умер **31.07.1943**, л/п **Тимшер**
54. **Мерц Виктор Федорович**, 1922 г.р., проживал – Красноярский край, Канский р-н, с. Полтава, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **10.08.1943**, л/п **Чепец**
55. **Нейвирт Федор (Петр) Андреевич**, 1904 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Семеновка, прибыл – 15.02.1942, умер **6.05.1943**, л/п **Тимшер**
56. **Ноак Теофил Теофилович**, 1896 г.р., проживал – Алтайский край, Залесовский р-н, с. Думчево, прибыл – 18.02.1942, умер **14.05.1942**, л/п **Бубыл**
57. **Резнер Александр Александрович**, 1914 г.р., проживал – Куйбышевская обл., Безымянлаг, прибыл – 22.09.1942, умер **15.12.1942**, л/п **Бондюг**
58. **Резнер Иоганн Яковлевич**, 1913 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **3.05.1947**, л/п **Кушмангорт**
59. **Резнер Людвиг Иоганович**, 1903 г.р., проживал – Красноярский край, Минусинский р-н, с. Кавказское, прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **31.01.1943**, л/п **Кушмангорт**
60. **Реснер Федор Яковлевич**, 1916 г.р., проживал – Красноярский край, Тасеевский р-н, д. Кочки, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **15.07.1944**, л/п **Тимшер**
61. **Ретлинг (Ритлинг) Владимир Карлович**, 1911 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **25.03.1944**, л/п **Кушмангорт**
62. **Ример (Рымер) Александр Давидович**, 1922 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 22.02.1942, умер **10.07.1942**, л/п **Бондюг**
63. **Роот Генрих Гейнрихович**, 1898 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **11.03.1943**, л/п **Тимшер**
64. **Роот Иван Карлович**, 1904 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **10.04.1943**, л/п **Москали**
65. **Сабельфельд Андрей Иванович**, 1896 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Ракиты, прибыл – 15.02.1942, умер **14.05.1943**, л/п **Тимшер**
66. **Сабельфельд Владимир Александрович**, 1909 г.р., проживал – Куйбышевская обл., Безымянлаг, прибыл – 23.09.1942, умер **9.07.1943**, л/п **Тимшер**
67. **Сабельфельд Густав Александрович**, 1899 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **15.09.1943**, л/п **Тимшер**
68. **Триппель Александр Генрихович**, 1923 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **17.07.1944**, л/п **Москали**
69. **Триппель Генрих Карлович**, 1898 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **18.04.1943**, л/п **Тимшер**
70. **Триппель Иван Александрович**, 1910 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **13.03.1943**, л/п **Бондюг**
71. **Триппель Фридрих Александрович (Алексеевич)**, 1915 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **31.12.1944**, л/п **Синяег**

72. **Фабер Иван Иванович**, 1912 г.р., проживал – АССР НП, г. Энгельс, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **5.05.1944**, л/п **Тимшер**
73. **Фаллер Александр Александрович**, 1898 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Чистюнька, прибыл – 15.02.1942, умер **29.03.1943**, л/п **Бондюг**
74. **Фаллер Александр Александрович**, 1899 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **21.11.1943**, л/п **Тимшер**
75. **Фаллер Федор Эдуардович**, 1922 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, к-з «Красный путиловец», прибыл – 15.02.1942, умер **12.08.1942**, л/п **Бондюг**
76. **Фрайман Иван Петрович**, 1904 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 15.02.1942, умер **25.11.1942**, л/п **Бондюг**
77. **Цвиго Иван Федорович**, 1904 г.р., проживал – Алтайский край, Каменский р-н, с. Прыганка, прибыл – 15.02.1942, умер **4.02.1943**, л/п **Чепец**
78. **Циглер Карл Андреевич**, 1907 г.р., проживал – Красноярский край, Минусинский р-н, с. Малая Минуса, прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **27.06.1942**, л/п **Колп**
79. **Циммерман Карл Гейнрихович**, 1908 г.р., проживал – Алтайский край, Каменский р-н, с. Волчно-Бурлинское, прибыл – 15.02.1942, умер **17.01.1943**, л/п **Чепец**
80. **Цитцер Александр Карлович**, 1892 г.р., проживал – Красноярский край, г. Минусинск, прибыл – 22.06.1942, Вятлаг, умер **19.04.1943**, л/п **Тимшер**
81. **Цитцер Виктор Петрович**, 1925 г.р., проживал – Алтайский край, ИТК № 4, прибыл – 26.11.1942, умер **9.07.1943**, л/п **Вишера**
82. **Цитцер Давид Давидович**, 1900 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Чистюнька, прибыл – 21.02.1942, умер **6.05.1943**, л/п **Бондюг**
83. **Цицер Элиас Элиасович**, 1913 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Чистюнька, прибыл – 15.02.1942, умер **22.11.1943**, л/п **Тимшер**
84. **Шауфлер Эдмунд Юстусович**, 1913 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Чистюнька, прибыл – 15.02.1942, умер **13.09.1944**, л/п **Тимшер**
85. **Шваб Александр Генрихович**, 1914 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 22.09.1942, Безымянлаг, умер **29.01.1943**, л/п **Няризь**
86. **Шерер Фридрих Давыдович**, 1911 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **1.05.1944**, л/п **Тимшер**
87. **Шилер Алексей Михайлович**, 1909 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, прибыл – 15.02.1942, умер **26.04.1944**, л/п **Тимшер**
88. **Шиллер Александр Карлович**, 1911 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Колпаково, прибыл – 15.02.1942, умер **26.01.1943**, л/п **Тимшер**
89. **Шмидт Александр Александрович**, 1913 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **9.07.1944**, л/п **Тракторная**
90. **Шмидт Владимир Готлибович**, 1920 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Колпаково, прибыл – 15.02.1942, умер **5.08.1943**, л/п **Тимшер**
91. **Шмидт Иван Андреевич**, 1908 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, прибыл – 15.02.1942, умер **18.04.1946**, л/п **Тимшер**
92. **Шпанг (Штанг) Александр Карлович**, 1912 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н (?), с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **25.09.1942**, л/п **Бондюг**

93. **Штрак Александр Петрович**, 1902 г.р., проживал – АССР НП, Гнаденфлюрский к-н, с. Гнаденфлюр, прибыл – 18.02.1942, умер **17.06.1942**, л/п **Бубыл**
94. **Штрак Густав Александрович**, 1898 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **11.04.1942**, л/п **Бондюг**
95. **Штрак Карл Давидович**, 1899 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Володарка, прибыл – 15.02.1942, умер **11.04.1943**, л/п **Бондюг**
96. **Штрак (Шпарк) Константин Иванович**, 1895 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Крутой Лог, прибыл – 15.02.1942, умер **2.10.1942**, л/п **Бондюг**
97. **Шульц Константин Карлович**, 1915 г.р., проживал – Алтайский край, Каменский р-н, с. Волчно-Бурлинское, прибыл – 22.02.1942, умер **16.02.1943**, л/п **Чепец**
98. **Шуман Иван Христианович**, 1910 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, с. Крутиха, прибыл – 15.02.1942, умер **24.03.1943**, л/п **Тимшер**
99. **Эйхлер Иван Иванович**, 1907 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, п. Поморье, прибыл – 15.02.1942, умер **9.04.1943**, л/п **Бондюг**
100. **Эмих Александр Семенович**, 1905 г.р., проживал – Алтайский край, Каменский р-н, с. Волчно-Бурлинское, прибыл – 15.02.1942, умер **16.02.1943**, л/п **Чепец**
101. **Эмих Андрей Семенович**, 1903 г.р., проживал – Алтайский край, Каменский р-н, с. Зеленая Дубрава, прибыл – 15.02.1942, умер **18.01.1943**, л/п **Чепец**
102. **Эмих Вильгельм Иванович**, 1906 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 12.07.1943, Краслаг, умер **11.02.1945**, л/п **Тимшер**
103. **Эммих Герман Семенович**, 1896 г.р., проживал – Алтайский край, с. Спартак, прибыл – 15.02.1942, умер **9.02.1943**, л/п **Чепец**

В Книге памяти Усольлага отражены, к сожалению, только погибшие трудармейцы – такова была ее концепция, с самого начала взятая за основу составителем Э.А. Грибом. В Усольлаге остались навеки 103 маркштадтца – гораздо больше, чем в остальных 3-х лагерях, вместе взятых (60 чел.). Это обстоятельство связано как с высоким уровнем смертности в данном лагере, чем вообще отличались трудармейские «лесные» лагеря, так и с тем, что в нем оказалось особенно много маркштадтцев.

По годам рождения погибшие трудармейцы-маркштадтцы Усольлага распределялись так: до 1901 – 21 чел. (20,4%), 1901-05 – 17 (16,5%), 1906-10 – 23 (22,3%), 1911-15 – 19 (18,4%), 1916-20 – 11 (10,7%), 1921-25 – 12 (11,7%). По сравнению с Богословлагом и Челябинским лагерьем здесь значительно выше доля самых старших трудармейцев, которым в 1942 г. было более 40 лет.

Основная масса погибших трудармейцев-маркштадтцев поступила в Усольлаг из Алтайского края – 74 чел. (71,8%). 56 из них (54,4%) проживали на момент мобилизации в одном районе края – Топчихинском. Все они были доставлены на ст. Топчиха из Энгельса 19 сентября 1941 г. эшеленом № 869. В этом эшелоне находились также немцы из сел Швед и Эндерс Красноярского кантона АССР НП, так что из числа маркштадтцев в нем нашлось место главным образом для жителей одной улицы – Рабочей. Фамилии этих погибших знакомы мне с детства – их обладатели были соседями моих родителей по Маркштадту.

Усольлаг, как отмечалось в Книге памяти, в массовом порядке пополнялся трудармейцами и заключенными различных лагерей. В нашем списке насчитывается 25

таких людей (24,3%): Краслаг – 10 чел. (9,7%), Вятлаг – 7 (6,8%), Безымянлаг – 4 (3,9%), Ивдельлаг – 2 (1,9%), Усольлаг – 1 (1,0%), из заключения – 1 (1,0%). Кроме того, 4 маркшадтца (3,9%), согласно приведенному списку, проживали до мобилизации в Саратовской обл., АССР НП и Грузинской ССР.

В Книге памяти мы показали, что самая высокая смертность наблюдалась в Усольлаге в 1943 г., а не в 1942 г., как в основной массе остальных трудармейских лагерей. В данном случае численность погибших была такова: 1942 – 27 чел. (26,2%), 1943 – 56 (54,4%), 1944 – 16 (15,5%), 1945-47 – 4 (3,9%). Число погибших маркшадтцев неуклонно нарастало, начиная со 2-го квартала 1942 г., достигнув максимума в 1-м квартале 1943 г. – 22 чел. (21,4%), а затем стало столь же неуклонно убывать. Аналогичная тенденция наблюдалась и по трудармейцам Усольлага в целом: самым смертоносным был для них также 1-й квартал 1943 г., когда погибло 22,6% трудармейцев.

Распределение погибших маркшадтцев по лагпунктам Усольлага выглядит так: Бондюг – 35 чел. (34,0%), Тимшер – 27 (26,2%), Чепец – 10 (9,7%), Бубыл и Кушмангорт – по 5 (4,9%), Москали – 4 (3,9%), Нырб – 3 (2,9%), Колп, Сосновка, Трактовая – по 2 (1,9%), Березовая, Вишера, Нечь, Няризь, Омут, Синяег, Черная, в заключении – по 1 (1,0%). Как видно из Книги памяти, практически те же лагпункты были самыми смертоносными для остальных трудармейцев.

ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЙ

1. **Акт Владимир Давидович**, 1926 г.р., проживал – Курганская (Омская) обл., Исетский р-н, к-з «Коммунар», мобилизован – 19.12.1943, Исетский РВК, убыл – 5.10.1946, СУ-859
2. **Аншиц Хрестьян Георгович**, 1898 г.р., проживал – Фрунзенская обл., Кантский р-н, с. Люксембург, мобилизован – 29.05.1942, Кантский РВК, убыл – 6.03.1945, тюрьма № 1
3. **Асельбор (Асельборн) Иван Иванович**, 1904 г.р., проживал – Акмолинская обл., Молотовский р-н, с. Михайловка, мобилизован – 15.04.1942, Молотовский РВК, убыл – 10.12.1946, демобилизован
4. **Бастер Вильгельм Давыдович**, 1904 г.р., проживал – Таджикская ССР, г. Ленинабад, мобилизован – Ленинабадский РВК, убыл – 23.05.1943, освобожден
5. **Бастерс Роберт Александрович**, 1922 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, мобилизован – Самарский РВК, убыл – 10.06.1947, осужден
6. **Бейльман Александр Андреевич**, 1913 г.р., проживал – Туркменская ССР, г. Чарджоу, мобилизован – 17.04.1942, убыл – 3.11.1942, оперотдел
7. **Бельц Адольф Иванович**, 1902 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Килыл (?), мобилизован – Самарский РВК, убыл – 10.11.1944, демобилизован
8. **Бефорт Иван Иванович**, 1890 г.р., проживал – Самаркандская обл., Булунгурский р-н, мобилизован – Булунгурский РВК, убыл – 25.07.1946, осужден Особым совещанием НКВД по ст. 58-10
9. **Бинеман Фридрих Карлович**, 1910 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Айртауский р-н, с. Володарское, мобилизован – Айртауский РВК, убыл – 2.12.1942, оперотдел
10. **Боззаур (Боссаур) Иван Федорович**, 1907 г.р., проживал – Акмолинская обл., Макинский р-н, с. Карамышевка, мобилизован – Макинский РВК, убыл – 24.03.1943, освобожден
11. **Борк София Васильевна**, 1912 г.р., прибыла – 3.10.1946, убыла – 30.10.1946, демобилизована

12. **Бослер Александр Давыдович**, 1918 г.р., проживал – Челябинская обл., г. Челябинск, мобилизован – 6.06.1942, Сталинский РВК
13. **Брейер Карл Александрович**, 1898 г.р., проживал – Бухарская обл., Яккабагский р-н, № 6, мобилизован – 18.04.1942, Яккабагский РВК, убыл – 20.12.1946, Уктус
14. **Вальгер Александр Иванович**, 1899 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Курчумский р-н, п. Горный, мобилизован – 26.02.1942, Курчумский РВК, убыл – **16.11.1942, умер**
15. **Вальгер Александр Иванович**, 1908 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Карабулак, мобилизован – 5.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – **6.12.1942, умер**
16. **Вальтер Александр Генрихович**, 1904 г.р., проживал – Акмолинская обл., Есильский р-н, с. Кима, мобилизован – 16.04.1942, Есильский РВК, убыл – ОЧО
17. **Вальтер Владимир Генрихович**, 1912 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Ак-Куль, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – ОЧО
18. **Вальтер Карл Карлович**, 1908 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Никольское, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 14.01.1943, освобожден
19. **Вальтер Петр Карлович**, 1914 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Никольское, мобилизован – 16.04.1942, Сталинский РВК, убыл – **20.01.1943, умер**
20. **Вальтер Федор Андреевич**, 1906 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Алексеевка, мобилизован – 9.04.1942, Сталинский РВК, убыл – 5.10.1945, Кыштым
21. **Вальтер (Вальгер) Фридрих Карлович**, 1903 (1902) г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, с. Самарка, мобилизован – 20.04.1942, Самарский РВК, убыл – 28.03.1946, Богословлаг
22. **Вальц София Андреевна**, 1900 г.р., проживала – Восточно-Казахстанская обл., Курчумский р-н, с. Кумашкино, мобилизована – 27.06.1945, Курчумский РВК, убыла – 25.07.1945, демобилизована
23. **Вейлерт Александр Алуисович**, 1921 г.р., проживал – Красный Маяк, мобилизован – Южно-Казахстанская обл., Сайрамский РВК, убыл – 20.03.1947
24. **Вейлерт Иоган Алуисович**, 1905 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, к-з им. К. Маркса, мобилизован – 02.1942, Кокчетавский РВК
25. **Вейлет (Вейлерт) Роберт Петрович**, 1914 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Балярка, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 26.04.1943, ОЧО
26. **Вейман Василий Федорович**, 1902 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, с. Подгорное, мобилизован – 27.02.1942, Самарский РВК, убыл – 19.02.1943, освобожден
27. **Вельк (Вельц) Герберт Фридрихович**, 1919 г.р., мобилизован – Семипалатинская обл., Жарминский РВК, убыл – 6.11.1945, Базстрой
28. **Вельк (Вельц?) Эрнст Давидович**, 1911 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з «Заветы Ильича», мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 20.05.1947
29. **Вельц Александр Давидович**, 1909 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з «Заветы Ильича», мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 1.11.1946, осужден

30. **Вельц Давид Давидович**, 1904 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Бояжа, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 30.06.1946, бежал
31. **Вервейн Валентин Германович**, 1911 г.р., проживал – Челябинская обл., Шатровский р-н, с. Шатрово, мобилизован – Шатровский РВК, убыл – 10.08.1946, демобилизован
32. **Вернер Александр Александрович**, 1907 г.р., проживал – Ферганская обл., г. Маргелан, мобилизован – 17.04.1942, Маргеланский РВК, убыл – 24.10.1943, ОЧО
33. **Вернер Карл Иванович**, 1896 г.р., проживал – Джамбулская обл., г. Джамбул, мобилизован – Сары-Суйский РВК, убыл – **12.11.1944, умер**
34. **Вернер Федор Иванович**, 1905 г.р., проживал – Киргизская ССР, г. Фрунзе, мобилизован – 14.05.1942, Фрунзенский ГВК, убыл – 19.05.1942, освобожден
35. **Вернер Фридрих Семенович**, 1893 г.р., проживал – Акмолинская обл., Есильский р-н, с. Чулак Сандык, мобилизован – 16.04.1942, Есильский РВК, убыл – **3.01.1943, умер**
36. **Вигант Александр Андреевич**, 1908 г.р., проживал – Акмолинская обл., г. Щучинск, мобилизован – Щучинский РВК, убыл – 30.08.1946, демобилизован
37. **Видергольд Фридрих Кондратович**, 1892 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Калинино, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – **1.05.1942, умер**
38. **Видергольд Фридрих Фридрихович**, 1924 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Калинино, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 24.07.1946, осужден
39. **Винтерголер Александр Филиппович**, 1905 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Айртауский р-н, с. Ельнозаровка (Володарское?), мобилизован – 9.02.1942, Айртауский РВК, убыл – 16.10.1943, ОЧО
40. **Виншу Александр Александрович**, 1918 г.р., проживал – Ферганская обл., Кагановичский р-н, с. Яинск (Яйпан?), мобилизован – 17.09.1942, Кагановичский РВК, убыл – 1.11.1946, освобожден
41. **Виншу Александр Андреевич**, 1893 г.р., проживал – Средняя Азия, мобилизован – 17.04.1942, Ферганская обл.(?), Кагановичский РВК, убыл – 16.07.1943, демобилизован
42. **Виншу Александр Андреевич**, 1907 г.р., проживал – г. Астрахань, мобилизован – 27.02.1942, Восточно-Казахстанская обл., Курчумский РВК, убыл – осужден
43. **Витергольд Виктор Давидович**, 1915 г.р., проживал – Баку, мобилизован – 14.05.1942, Восточно-Казахстанская обл. (?), Радярский (Риддерский?) РВК
44. **Вормсбехер Александр Александрович**, 1905 г.р., проживал – Павлодарская обл., Иртышский р-н, 10 лет Казахской ССР, мобилизован – 10.05.1942, Иртышский РВК
45. **Вормсбехер Вильгельм Давидович**, 1915 г.р., проживал – Челябинская обл., г. Магнитогорск, мобилизован – 19.07.1942, убыл – 15.04.1943, ОЧО
46. **Вормсбехер Эвальд Иванович**, 1901 г.р., проживал – Узбекская ССР, г. Ташкент, мобилизован – 15.04.1942, Кизилтенский РВК, убыл – **15.08.1943, умер**
47. **Вябер (Вебер) Александр Готфридович**, 1905 г.р., проживал – Северо-Казахстанская (Акмолинская) обл., Сталинский р-н, с. Урпус (Урюпинка?), мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 22.02.1943, освобожден
48. **Ган Карл Александрович**, 1918 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Ново-Шульбинский р-н, прибыл – 22.05.1945, убыл – 5.10.1946, Кыштым

49. **Гартлейн (Гертлейн) Аркадий Константинович**, 1925 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Кокпектинский р-н, с. Кокпекты, мобилизован – 10.05.1942, Кокпектинский РВК, убыл – 17.11.1942, оперотдел
50. **Гартциев (Гаутцель) Роберт Готлибович**, 1914 г.р., проживал – Чарджоуская обл., п. Дейнау, мобилизован – 17.04.1942, убыл – 22.09.1942, оперотдел
51. **Гаутцель Роберт Готлибович**, 1914 г.р., проживал – Туркменская ССР, г. Чарджоу, мобилизован – Туркменский РВК, убыл – **22.09.1943, умер**
52. **Гейне Фридрих Фридрихович**, 1921 г.р., проживал – Алма-Атинская обл., Каскеленский р-н, с. Каскелен, мобилизован – 14.05.1942, Каскеленский РВК, убыл – 12.03.1943, освобожден
53. **Гейнрих Владимир Федорович**, 1904 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Карюзек, мобилизован – 9.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – **8.02.1943, умер**
54. **Гервальд Фридрих Александрович**, 1908 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Кызыл-Агаш, мобилизован – 6.02.1942, Кокчетавский РВК
55. **Гет Герман Иванович**, 1918 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з «Хлебобоб», мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 24.10.1943, ОГО
56. **Гиндер Давид Давидович**, 1914 г.р., проживал – Алтайский край, г. Бийск, прибыл – 2.05.1945, убыл – 30.07.1946, Кыштым
57. **Дейс Эраст Фридрихович**, 1913 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Айртауский р-н, с. Володарское, мобилизован – Айртауский РВК, убыл – 20.08.1942, осужден
58. **Денин (Геннинг?) Федор Яковлевич**, 1910 г.р., проживал – Туркменская ССР, г. Ашхабад, мобилизован – Туркменский РВК, убыл – 3.12.1942, оперотдел
59. **Дерр Владимир Давидович**, 1912 г.р., проживал – г. Сталинабад, Дюшамбинский р-н, мобилизован – Дюшамбинский РВК, убыл – **23.04.1943, умер**
60. **Дизендорф Давид Давидович**, 1915 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Пахта-Аральский р-н, к-з «Социалистический Казахстан», мобилизован – Пахта-Аральский РВК, убыл – 29.04.1944, ЗМС
61. **Дизидорф (Дизендорф) Борис Федорович**, 1915 г.р., проживал – Бухарская обл., Свердловский р-н, с. Азеч, мобилизован – Свердловский РВК, убыл – 20.05.1947
62. **Доцвейлер (Дорцвейлер) Александр Карлович**, 1914 г.р., проживал – Туркменская ССР, г. Ашхабад, мобилизован – 17.04.1942, убыл – 23.05.1943, оперотдел
63. **Идт Владимир Кондратьевич**, 1913 г.р., проживал – Челябинская обл., Агаповский р-н, с. Верхнекизильское, мобилизован – 24.03.1942, Агаповский РВК, убыл – 10.04.1947, демобилизован
64. **Каиль Амалия Саломоновна**, 1920 г.р., проживала – Куйбышевская обл., г. Куйбышев, мобилизована – Рудбакалстрой, убыла – 15.11.1945, СУ-859
65. **Карлин Альвис Петрович**, 1908 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Александровка, мобилизован – 6.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 20.02.1947, Кыштым
66. **Келлер Иван Иванович**, 1912 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Кизылташ, мобилизован – 5.03.1942, Кокчетавский РВК, убыл – **21.04.1942, умер**

67. **Кенеф (Кениг?) Каспар Каспарович**, 1905 г.р., проживал – Фрунзенская обл., Кантский р-н, с. Кер-Шенк, мобилизован – 17.06.1942, Кантский РВК, убыл – 2.10.1943, демобилизован
68. **Кениг Иван Иванович**, 1919 г.р., проживал – Челябинская обл., Юргамышский р-н, с. Красное, мобилизован – 12.06.1942, Юргамышский РВК, убыл – 20.11.1946, Кыштым
69. **Кениг Роберт Иванович**, 1912 г.р., проживал – Акмолинская обл., Щучинский р-н, с. Боровое, мобилизован – Щучинский РВК, убыл – 29.05.1945, УНКВД Челябинской обл.
70. **Кенинг Алиса Андреевна**, 1923 г.р., прибыла – 3.10.1946
71. **Кернер Рудольф Владимирович**, 1909 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., г. Зыряновск, мобилизован – 20.04.1942, Зыряновский РВК, убыл – 30.07.1946, Кыштым
72. **Клехнер (Клекнер) Вольдемар (Владимир) Вольдемарович (Владимирович)**, 1923 г.р., проживал – Карагандинская обл., Нуринский р-н, с. Морозовка, мобилизован – 3.04.1942, Нуринский РВК, убыл – 31.10.1942, Базстрой
73. **Кнолл Александр Александрович**, 1903 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Алексеевка, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – 31.12.1942, осужден
74. **Крамер Александр Александрович**, 1907 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Октябрьский р-н, с. Коноваловка, мобилизован – 9.02.1942, Октябрьский РВК, убыл – 10.09.1946, демобилизован
75. **Крамер Владимир Теодорович**, 1911 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 6.04.1946, СУ-859
76. **Крамер Густав Густавович**, 1921 г.р., проживал – Челябинская обл., г. Магнитогорск, мобилизован – 11.06.1942, Миасский РВК, убыл – 20.02.1947, демобилизован
77. **Крамер Ирма Александровна**, 1923 г.р., проживала – Свердловская обл., г. Тавда, Востураллаг, 11 ОЛП, прибыла – 3.10.1946, убыла – 30.10.1946, демобилизована
78. **Крафт Соломон Кондратьевич**, 1912 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Красноармейский р-н, мобилизован – 6.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 25.03.1942
79. **Левзак (Лебзак) Владимир Генрихович**, 1905 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – **26.02.1943, умер**
80. **Ледерер Герман Федорович**, 1910 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Ново-Шульбинский р-н, с. Кондратьевка, мобилизован – 3.05.1942, Ново-Шульбинский РВК, убыл – **27.04.1943, умер**
81. **Лейбзак (Лебзак) Вильгельм Генрихович**, 1897 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з «Бр.-Назар», мобилизован – 16.04.1942, Сталинский РВК, убыл – 6.03.1943, освобожден
82. **Лоор Филипп Филиппович**, 1910 г.р., проживал – Фрунзенская обл., Кантский р-н, к-з «Рассвет», мобилизован – 26.06.1942, Кантский РВК, убыл – 10.10.1946, Кыштым
83. **Лоос Иван Адамович**, 1913 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, мобилизован – 4.03.1942, Акмолинская обл. (?), Сталинский РВК, убыл – 5.10.1946, Кыштым

84. **Лоос Константин Яковлевич**, 1914 г.р., проживал – Челябинская обл., Шатровский р-н, с. Шатрово, мобилизован – Шатровский РВК, убыл – 28.04.1944, демобилизован
85. **Лоренц Бруно Александрович**, 1905 г.р., проживал – Джамбулская обл., Чуйский р-н, мобилизован – 29.04.1942, Чуйский РВК, убыл – ОСП УМВД Челябинской обл.
86. **Лореш Юрий Александрович**, 1919 г.р., мобилизован – 3.08.1942, Челябинская обл., Магнитогорский РВК, убыл – 10.03.1947, Кыштым
87. **Лотц Владимир Григорьевич**, 1905 г.р., проживал – Куйбышевская обл., г. Куйбышев, мобилизован – Кировский РВК, убыл – 20.07.1946, демобилизован
88. **Лотц Генрих Карлович**, 1906 г.р., проживал – Северо-Казахстанская (Акмолинская) обл., Сталинский р-н, мобилизован – 6.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 18.09.1944, демобилизован
89. **Лоц Иван Иванович**, 1908 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Октябрьский р-н, с. Городецкое, мобилизован – 9.02.1942, Мамлютский РВК (?), убыл – **8.01.1943, умер**
90. **Луя Иван Антонович**, 1924 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Октябрьский р-н, с. Рясинка, мобилизован – 9.02.1942, Октябрьский РВК, убыл – 5.10.1946, Кыштым
91. **Людвиг Владимир Иванович**, 1923 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, с. Самарка, мобилизован – 27.02.1942, Самарский РВК, убыл – 20.06.1947, демобилизован
92. **Маер Андрей Иванович**, 1910 г.р., проживал – Бухарская обл., Шахрисабзский р-н, г. Шахрисабз, мобилизован – 15.04.1942, Шахрисабзский РВК, убыл – 1.06.1943, оперотдел
93. **Маер Соломон Алексеевич**, 1911 г.р., проживал – Марийская АССР (Марыйская обл.?), г. Казалинск (Байрам-Али?), мобилизован – Марийский (Марыйский?) ОВК, убыл – 21.12.1945, демобилизован
94. **Маисс (Майс) Андрей Адольфович**, 1909 г.р., проживал – Северо-Казахстанская (Акмолинская) обл., Сталинский р-н, с. Курлис, мобилизован – 18.02.1942, Сталинский РВК, убыл – **15.10.1942, умер**
95. **Майер Андрей Давидович**, 1897 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з им. Молотова, мобилизован – 4.03.1942, Алексеевский РВК, убыл – 22.09.1942, освобожден
96. **Майер Федор Корнеевич**, 1923 г.р., проживал – Туркменская ССР, г. Ашхабад, мобилизован – 17.05.1942, убыл – 31.05.1943, освобожден
97. **Майснер Кондрат Кондратьевич**, 1901 г.р., проживал – Узбекская ССР, г. Ташкент, мобилизован – 15.02.1942, Бухарская обл., Шафрианский РВК, убыл – **27.08.1942, умер**
98. **Мартын Давид Давидович**, 1920 г.р., проживал – Челябинская обл., г. Магнитогорск, мобилизован – 3.08.1942, Магнитогорский РВК, убыл – 20.09.1946, Кыштым
99. **Маттерн Герберт Карлович**, 1911 г.р., проживал – Джамбулская обл., Михайловский р-н, мобилизован – 29.04.1942, Джамбулский РВК, убыл – 1.07.1947, ОСП УМВД Челябинской обл.
100. **Миллер Александр Иванович**, 1896 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Алексеевка, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – 22.11.1942, осужден

101. **Миллер Арно Александрович**, 1923 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Алексеевка, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – 10.09.1946, СУ-859
102. **Миллер Давид Георгиевич**, 1920 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Тюлькубасский р-н, к-з «Коктанды», мобилизован – 14.04.1942, Сайрамский РВК, убыл – **4.09.1944, умер**
103. **Миллер Давид Готлибович**, 1907 г.р., проживал – Акмолинская обл., Щучинский р-н, с. Дорофеевка, мобилизован – Щучинский РВК, убыл – 5.10.1946, СУ-859
104. **Миллер Иван Иванович**, 1923 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Кокчет (г. Кокчетав?), мобилизован – 6.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 14.07.1942, освобожден
105. **Миллер Фридрих Петрович**, 1916 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, мобилизован – 4.03.1942, Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский РВК, убыл – 20.11.1946, СУ-859
106. **Нихельман Генрих-Иоган Генрихович**, 1903 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Приозерное, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – **4.04.1942, умер**
107. **Обголец Виктор Иванович**, 1919 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, мобилизован – 14.05.1942, Восточно-Казахстанская обл., Лениногорский РВК, убыл – 25.10.1942, осужден
108. **Орт Николай Николаевич**, 1911 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з «Интернационал», мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 17.05.1943, освобожден
109. **Паист (Пабст?) Константин Фридрихович**, 1924 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – **14.05.1944, умер**
110. **Пауль Андрей Григорьевич**, 1921 г.р., проживал – Челябинская обл., г. Магнитогорск, мобилизован – 19.06.1942, убыл – 26.10.1946, Кыштым
111. **Пауль Фридрих Генрихович**, 1905 г.р., проживал – Северо-Казахстанская (Южно-Казахстанская?) обл., Зааминский р-н, мобилизован – 18.04.1942, Зааминский РВК, убыл – 10.07.1942, осужден
112. **Пауль Юлиус Юлиусович**, 1906 г.р., проживал – Северо-Казахстанская (Акмолинская) обл., Сталинский р-н, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 30.12.1946, Кыштым
113. **Прахт Иван Фридрихович**, 1909 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Ново-Шульбинский р-н, к-з «Заветы Ленина», мобилизован – Ново-Шульбинский РВК, убыл – **20.12.1942, умер**
114. **Прейм Мария Лукьяновна**, 1923 г.р., проживала – Свердловская обл., Востураллаг, 2 ОЛП, прибыла – 3.10.1946, убыла – 20.12.1946, Тюбук
115. **Райш Александр Андреевич**, 1917 г.р., проживал – АССР НП, г. Маркштадт, прибыл – 30.05.1945, убыл – 5.10.1946, СУ-859
116. **Рау Александр Константинович**, 1900 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., с. Динкель (Амангельды?), мобилизован – 8.04.1942, Пресновский РВК, убыл – 10.08.1946, снят с учета как финн
117. **Раушенбах Вильгельм Яковлевич**, 1898 г.р., проживал – Акмолинская обл., Молотовский р-н, с. Сандыктау, мобилизован – Молотовский РВК, убыл – 17.04.1943, осужден

118. **Резнер Александр Александрович**, 1907 г.р., проживал – Самаркандская обл., Пай-Арыкский р-н, с. Нариманово, мобилизован – 25.04.1942, Пай-Арыкский РВК, убыл – **6.03.1943, умер**
119. **Резнер Альфонс Александрович**, 1908 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Курчумский р-н, к-з «Заря», мобилизован – 27.02.1942, Курчумский РВК, убыл – **6.01.1943, умер**
120. **Рейзнер Владимир Адамович**, 1909 г.р., проживал – Туркменская ССР, г. Ашхабад, мобилизован – 18.04.1942, убыл – **13.02.1943, умер**
121. **Рейхерт Соломон Филиппович**, 1915 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кзылтууский р-н, с. Кишкенкуль, мобилизован – 4.03.1942, Кзылтууский РВК, убыл – 30.10.1942, осужден
122. **Рейш Роберт Карлович**, 1914 г.р., проживал – Курганская (Челябинская) обл., Шатровский р-н, с. Кодское, мобилизован – 6.03.1944, Шатровский РВК, убыл – 18.09.1944, демобилизован
123. **Рен... Карл Эдуардович**, 1917 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, мобилизован – Кокчетавский РВК, убыл – **12.04.1942, умер**
124. **Ретлинг Карл Яковлевич**, 1899 г.р., проживал – Бухарская обл., Черакчинский р-н, з-с «Кокталь», мобилизован – 17.04.1942, Черакчинский РВК, убыл – 3.05.1943, ОЧО
125. **Ридель Александр Генрихович**, 1904 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, Конезавод № 111, мобилизован – 9.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 10.07.1946
126. **Ридель Андрей Андреевич**, 1912 г.р., проживал – Челябинская обл., Шатровский район, с. Шатрово, мобилизован – 25.03.1942, Шатровский РВК, убыл – 10.05.1947, ОСП УМВД г. Свердловск
127. **Ридель Иван Фридрихович**, 1908 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Айртауский р-н, с. Калицино, мобилизован – 9.02.1942, Красноармейский РВК, убыл – 20.02.1947, СУ-859
128. **Ример Иван Александрович**, 1910 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 10.12.1946, демобилизован
129. **Ример Константин Генрихович**, 1923 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Калинино, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 10.08.1942, оперотдел
130. **Риммер Александр Александрович**, 1912 г.р., проживал – Алтайский край, Марушинский р-н, с. Бочкари, мобилизован – 22.08.1944, Марушинский РВК, убыл – 10.02.1947, Кыштым
131. **Ричер Эмилия Александровна**, 1928 г.р., проживала – Акмолинская обл., Молотовский р-н, Новый Городок, мобилизована – 26.11.1944, убыла – 5.10.1946, СУ-859
132. **Роберт Иван Андреевич**, 1904 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, к-з «Шунай», мобилизован – 4.03.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 30.03.1946, демобилизован
133. **Роберт Яков Александрович**, 1909 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Филипповка, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 7.04.1943, освобожден
134. **Роот Мария Карловна**, 1922 г.р., проживала – Свердловская обл. г. Тавда, Востураллаг, 11 ОЛП, прибыла – 3.10.1946, убыла – 30.10.1946, демобилизована

135. **Рот Вальтер Давидович**, 1925 г.р., проживал – Карагандинская обл., Осакаровский р-н, с. Кондратьевка, мобилизован – 15.04.1942, Осакаровский РВК, убыл – 30.09.1946, демобилизован
136. **Ротермель Николай Иванович**, 1908 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Чаяновский р-н, к-з им. Сталина, мобилизован – 1.06.1942, Чаяновский РВК, убыл – 10.12.1942, осужден
137. **Ротермель Франц Андреевич**, 1925 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Кировский р-н, с. Заульбинка, мобилизован – 20.04.1942, Кировский РВК, убыл – **18.05.1943, умер**
138. **Рудер Карл Карлович**, 1913 г.р., проживал – Ленинабадская обл., г. Ленинабад, мобилизован – 17.04.1942, Ленинабадский РВК, убыл – 20.11.1946, СУ-859
139. **Сабельфельд Герберт Иванович**, 1900 г.р., проживал – Ферганская обл., г. Коканд, мобилизован – 17.04.1942, Кокандский РВК, убыл – 20.02.1947, Сунгуль
140. **Сабельфельд Густав Иванович**, 1902 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Красноармейский р-н, с. Многоцветное, мобилизован – 17.06.1942, Красноармейский РВК, убыл – 30.03.1945, демобилизован
141. **Сабельфельд Иван Давыдович**, 1907 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Октябрьский р-н, мобилизован – Октябрьский РВК, убыл – **19.12.1942, умер**
142. **Сабельфельд Карл Карлович**, 1908 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Приозерное, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – 14.04.1943, освобожден
143. **Сабельфельд Константин Давыдович**, 1914 г.р., проживал – Узбекская ССР, г. Андижан, мобилизован – 5.09.1942, Березняковский РВК (?), убыл – 2.12.1945, осужден
144. **Сабельфельд Федор Давидович**, 1911 г.р., проживал – Ленинабадская обл., г. Ленинабад, мобилизован – 17.04.1942, Ленинабадский РВК, убыл – 5.10.1946, КЫШТЫМ
145. **Сабельфельд Фридрих Иванович**, 1898 г.р., проживал – Карагандинская обл., Осакаровский р-н, с. Вольское, мобилизован – 16.04.1942, Осакаровский РВК, убыл – **11.12.1942, умер**
146. **Сабильфельд (Сабельфельд) Александр Иванович**, 1923 г.р., проживал – Узбекская ССР, г. Фергана, мобилизован – 17.04.1942, Ферганский РВК, убыл – 29.04.1944, демобилизован
147. **Сандер Александр Иванович**, 1913 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Пахта-Аральский р-н, ст. Велико-Алексеевка, мобилизован – 18.04.1942, убыл – **30.12.1942, умер**
148. **Ситнер Оскар Адольфович**, 1907 г.р., проживал – Марийская АССР, г. Йошкар-Ола, мобилизован – Воинская часть п/п 34490, убыл – 30.10.1944, Бел.-Балт. канал НКВД
149. **Суздорф Константин Генрихович**, 1902 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Николаевское, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – **23.05.1942, умер**
150. **Суздорф Федор Генрихович**, 1906 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 10.10.1943, осужден
151. **Таг Федор Федорович**, 1918 г.р., проживал – Челябинская обл., Агаповский р-н, к-з «Искра», мобилизован – 17.07.1942, Агаповский РВК, убыл – 5.10.1946, СУ-859

152. **Тепфер Роберт Робертович**, 1920 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Тюлькубасский р-н, мобилизован – 15.04.1942, Сайрамский РВК, убыл – 30.12.1946
153. **Трипель Иван Иванович**, 1899 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Сарыагачский р-н, к-з «Дарбазы», мобилизован – 17.02.1942, Сарыагачский РВК, убыл – **11.04.1942, умер**
154. **Трипель Александр Александрович**, 1897 г.р., проживал – Ново-Берцовка, мобилизован – 9.02.1942, Чкаловский РВК, убыл – 5.10.1946, Кыштым
155. **Трипель Андрей Федорович**, 1914 г.р., проживал – Туркменская ССР, Иолотанский р-н, ст. Султан-Бент, мобилизован – 17.04.1942, убыл – 21.01.1943, освобожден
156. **Трипель Генрих Генрихович**, 1911 г.р., проживал – Алтайский край, Топчихинский р-н, ст. Топчиха, поступил – 27.02.1944, убыл – 10.10.1946, СУ-859
157. **Уберт Петр Николаевич**, 1908 г.р., проживал – Ташкентская обл., Средне-Чирчикский р-н, с-з № 68, мобилизован – Средне-Чирчикский РВК, убыл – 13.04.1943, осужден
158. **Файдель Роберт Вильгельмович**, 1899 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Курчумский р-н, руд. Чердожак, мобилизован – 27.02.1942, Курчумский РВК, убыл – **29.12.1942, умер**
159. **Фаллер Яков Раймондович**, 1921 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Тюлькубасский р-н, с. Корниловка, мобилизован – 14.04.1942, Сайрамский РВК, убыл – 17.12.1942, освобожден
160. **Фелингер Александр Яковлевич**, 1922 г.р., проживал – Алма-Атинская обл., Талды-Курганский р-н, мобилизован – 14.05.1942
161. **Фелингер Иван Иванович**, 1920 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Тюлькубасский р-н, с. Высокое, мобилизован – 21.02.1942, Сайрамский РВК, убыл – 5.10.1946, Кыштым
162. **Фишер Александр Густавович**, 1922 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Степное, мобилизован – 14.03.1942, Сталинский РВК, убыл – 23.04.1942, осужден
163. **Фишер Валентин Яковлевич**, 1913 г.р., проживал – Акмолинская обл., Калининский р-н, с. Журавлевка, мобилизован – 16.04.1942, Калининский РВК, убыл – **17.10.1942, умер**
164. **Фишер Владимир Яковлевич**, 1903 г.р., мобилизован – Сюзюкский РВК (?), убыл – 5.10.1946, Кыштым
165. **Фишер Густав Адольфович**, 1900 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Урджарский р-н, с. Покровка, мобилизован – 15.05.1942, Урджарский РВК, убыл – 15.05.1943, демобилизован
166. **Фишер Петр Генрихович**, 1903 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, к-з «Северный маяк», мобилизован – 6.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 20.11.1946, демобилизован
167. **Фишер Юнц Давидович**, 1917 г.р., проживал – Ташкентская обл., г. Ташкент, мобилизован – 18.04.1942, убыл – 30.09.1946, демобилизован
168. **Фрейз Петр Петрович**, 1898 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кзылтууский р-н, с. Портук, мобилизован – 9.04.1942, Кзылтууский РВК, убыл – 20.09.1944, демобилизован
169. **Френц Александр Александрович**, 1907 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, к-з «Истыч», мобилизован – 6.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 19.04.1943, освобожден

170. **Фриауф Александр Александрович**, 1923 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Октябрьский р-н, с. Городецкое, мобилизован – 9.02.1942, Октябрьский РВК, убыл – 30.06.1947
171. **Фрибус Карл Эдуардович**, 1925 г.р., убыл – 5.10.1946, СУ-859
172. **Фриц Александр Александрович**, 1913 г.р., проживал – г. Москва, мобилизован – 18.07.1942, Восточно-Казахстанская обл., Лениногорский РВК, убыл – 20.01.1947, Кыштым
173. **Фриц Роберт Александрович**, 1923 г.р., проживал – Челябинская обл., г. Магнитогорск, мобилизован – 18.07.1942, Магнитогорский РВК, убыл – **27.09.1944, умер**
174. **Цитцер Виктор Генрихович**, 1914 г.р., проживал – Фрунзенская обл., г. Фрунзе, мобилизован – 5.05.1942, Фрунзенский РВК
175. **Цитцер Иван Петрович**, 1895 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Калинино, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – **31.01.1943, умер**
176. **Цитцер Лео Готфридович**, 1900 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, мобилизован – 4.03.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 17.07.1942, освобожден
177. **Цитцер Фридрих Готфридович**, 1909 г.р., проживал – Фрунзенская обл., Сталинский р-н, с. Садовое, мобилизован – 1.06.1942, Калининский РВК, убыл – 20.11.1946, СУ-859
178. **Цицер Давыд Федорович**, 1895 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кумашинский (Приишимский?) р-н, к-з «Камышино», мобилизован – 9.02.1942, Кумашинский (Приишимский?) РВК, убыл – 14.05.1942, освобожден
179. **Цицер Карл Генрихович**, 1906 г.р., проживал – Фрунзенская обл., г. Фрунзе, мобилизован – 5.05.1942, Фрунзенский РВК, убыл – 28.04.1943, осужден
180. **Цицер Мина Карловна**, 1919 г.р., проживала – Свердловская обл., г. Тавда, Востураллаг, 11 ОЛП, прибыла – 3.10.1946
181. **Цицер Петр Петрович**, 1906 г.р., проживал – Ташкентская обл., г. Ташкент, мобилизован – 18.04.1942, Куйбышевский РВК, убыл – 4.03.1947, осужден
182. **Шауфлер Александр Александрович**, 1923 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, с. Мирлоубовка, мобилизован – 20.04.1942, Самарский РВК, убыл – 20.09.1946, Кыштым
183. **Шауфлер Александр Александрович**, 1924 г.р., проживал – Ферганская обл., г. Фергана, мобилизован – 17.04.1942, Ферганский РВК, убыл – **10.06.1943, умер**
184. **Шауфлер Густав Яковлевич**, 1899 г.р., проживал – Карагандинская обл., Тельманский р-н, с. Зеленая Балка, мобилизован – 15.04.1942, Тельманский РВК, убыл – 15.02.1946, СУ-859
185. **Шауфлер Эдуард Александрович**, 1920 г.р., проживал – Ферганская обл., г. Фергана, мобилизован – 17.04.1942, Ферганский РВК, убыл – 10.08.1946, Тюбук
186. **Швабауер Александр Александрович**, 1905 г.р., проживал – Акмолинская обл., Молотовский р-н, с. Меньшиковка, мобилизован – 15.02.1942, Молотовский РВК
187. **Шейфер Алла Ивановна**, 1922 г.р., проживала – Саратовская обл., г. Саратов, мобилизована – 20.03.1944, убыла – 20.04.1947
188. **Шерер Иоган Давыдович**, 1907 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, к-з «Социализм», мобилизован – 6.02.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 22.09.1943, демобилизован

189. **Шиллер Александр Романович**, 1908 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, с. Самарка, мобилизован – 27.02.1942, Самарский РВК, убыл – **27.08.1942, умер**
190. **Шиллер Альберт Алексеевич**, 1921 г.р., проживал – Карагандинская обл., прибыл – 4.10.1944, убыл – 20.12.1946, Кыштым
191. **Шиллер Анна Федоровна**, 1915 г.р., проживала – г. Москва, мобилизована – РККА, убыла – 1.07.1947, ОСП УМВД Челябинская обл.
192. **Шмидт Александр Карлович**, 1896 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Красноармейский р-н, мобилизован – 5.02.1942, Красноармейский РВК, убыл – **15.08.1943, умер**
193. **Шмидт Андреас Генрихович**, 1925 г.р., проживал – Фрунзенская обл., г. Фрунзе, мобилизован – 13.05.1942, Фрунзенский РВК, убыл – 30.10.1946, СУ-859
194. **Шмидт Андрей Иванович**, 1893 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Кокчетавский р-н, с. Липовка, мобилизован – 4.03.1942, Кокчетавский РВК, убыл – 31.03.1943, освобожден
195. **Шмидт Виктор Федорович**, 1925 г.р., проживал – Акмолинская обл., Есильский р-н, с. Чудное, мобилизован – 16.04.1942, Есильский РВК, убыл – 5.10.1946, Кыштым
196. **Шмидт Иван Яковлевич**, 1892 г.р., проживал – Алма-Атинская обл., Талды-Курганский р-н, к-з им. Тельмана, убыл – 17.12.1942, освобожден
197. **Шмидт Карл Петрович**, 1908 г.р., проживал – Молотовская обл., Чердынский р-н, Стройбат, прибыл – 27.02.1944, убыл – 10.11.1946, демобилизован
198. **Шмидт Рафаэль Филиппович**, 1914 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Айртауский р-н, с. Мадениет, мобилизован – 9.03.1942, Айртауский РВК, убыл – 2.04.1943, оперотдел
199. **Шмидт Федор Кондратьевич**, 1913 г.р., проживал – Фрунзенская обл., Кировский р-н, мобилизован – 5.05.1942, Кировский РВК, убыл – 30.12.1946, Кыштым
200. **Шмидт Федор Романович**, 1915 г.р., проживал – Тульская обл., мобилизован – 4.05.1942, Ленинский РВК, убыл – 19.04.1943, освобожден
201. **Шмидт Фридрих Карлович**, 1914 г.р., проживал – Самаркандская обл., Булунгурский р-н, Булунгур, мобилизован – 18.04.1942, Булунгурский РВК, убыл – 1.06.1944, ЗМС
202. **Шрайбер Эдуард Иванович**, 1917 г.р., проживал – Челябинская обл., Юргамышский р-н, ст. Кособродск, мобилизован – 12.06.1942, Юргамышский РВК, убыл – **16.02.1943, умер**
203. **Штаб Иван Карлович**, 1906 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Самарский р-н, с. Кознаковка, мобилизован – 9.02.1942, Самарский РВК, убыл – 5.11.1942, осужден
204. **Штаб Фридрих Львович**, 1923 г.р., проживал – Восточно-Казахстанская обл., Курчумский р-н, с. Кумашинка, мобилизован – 27.02.1942, Курчумский РВК, убыл – **5.04.1942, умер**
205. **Штели Вильям Иванович**, 1916 г.р., проживал – Бухарская обл., Ромитанский р-н, мобилизован – Ромитанский РВК, убыл – 20.07.1946, Кыштым
206. **Штели Гуго Иванович**, 1915 г.р., проживал – Бухарская обл., Ромитанский р-н, мобилизован – 15.04.1942, Ромитанский РВК, убыл – 10.01.1947, демобилизован
207. **Штрейх Отто Эмануилович**, 1917 г.р., проживал – Северо-Казахстанская обл., Чкаловский р-н, с. Донецкое, мобилизован – 9.02.1942, Чкаловский РВК, убыл – 14.04.1943, освобожден

208. **Шульц Александр Федорович**, 1920 г.р., проживал – РККА, прибыл – 21.08.1942, убыл – 20.10.1946, СУ-859
209. **Шульц Генрих Генрихович**, 1902 г.р., проживал – Самаркандская обл., Ак-Дарьинский р-н, мобилизован – 21.04.1942, Ак-Дарьинский РВК
210. **Шульц Карл Карлович**, 1900 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Приозерное, мобилизован – 4.03.1942, Сталинский РВК, убыл – 11.11.1942, осужден
211. **Шульц Карл Карлович**, 1915 г.р., проживал – Акмолинская обл., Калининский р-н, с. Мало-Александровка, мобилизован – 15.02.1945, Калининский РВК, убыл – 10.08.1946, Кыштым
212. **Шульц Фридрих Федорович**, 1903 г.р., проживал – Фрунзенская обл., Ленинпольский р-н, к-з «Каш-Арык», мобилизован – 26.05.1942, Кировский РВК, убыл – 10.05.1943, демобилизован
213. **Шумахер Иван Иванович**, 1924 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, к-з «Интернационал», мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 30.11.1946, СУ-859
214. **Шумахер Яков Яковлевич**, 1904 г.р., проживал – Акмолинская обл., Сталинский р-н, с. Алексеевка, мобилизован – 9.02.1942, Сталинский РВК, убыл – 4.08.1944, демобилизован
215. **Эккерт Александр Андреевич**, 1903 г.р., проживал – с. Первомайское, мобилизован – 12.06.1942, Челябинская обл., Юргамышский РВК, убыл – **15.10.1944, умер**
216. **Эмих Александр Германович**, 1907 г.р., проживал – Самаркандская обл., Кара-Дарьинский р-н, мобилизован – 17.04.1942, Кара-Дарьинский РВК, убыл – **16.11.1942, умер**
217. **Эмих Герман Германович**, 1919 г.р., проживал – Бухарская обл., убыл – 20.02.1947, демобилизован
218. **Эмих Эвальд Германович**, 1909 г.р., проживал – Самаркандская обл., Ромитанский р-н, мобилизован – 17.04.1942, Ромитанский РВК, убыл – 21.08.1944, осужден
219. **Юнг Иван Давыдович**, 1921 г.р., проживал – Южно-Казахстанская обл., Тюлькубасский р-н, к-з «Красный маяк», мобилизован – 14.04.1942, Сайрамский РВК, убыл – 5.10.1946, СУ-859
220. **Ян Александр Фридрихович**, 1908 г.р., проживал – Семипалатинская обл., Урджарский р-н, с. Покровское, мобилизован – 15.05.1942, Урджарский РВК, убыл – 10.10.1946, Кыштым

В Челябинском металлургском заводе числилось 220 трудармейцев-маркшадтцев, среди которых было 11 женщин (5,0%). По годам рождения маркшадтские трудармейцы Челябинского металлургического завода распределялись так: до 1901 – 30 чел. (13,6%), 1901-05 – 33 (15,0%), 1906-10 – 46 (20,9%), 1911-15 – 47 (21,4%), 1916-20 – 25 (11,4%), 1921-25 – 37 (16,8%), 1926-28 – 2 (0,9%). По сравнению с Богословлагом и Усольским заводом здесь значительно выше доля трудармейцев в возрасте до 20 лет.

В отличие от остальных 3-х лагерей, основная масса трудармейцев-маркшадтцев была мобилизована в Челябинском металлургическом заводе с территории Казахстана – 133 чел. (60,5%): Акмолинская обл. – 50 (22,7%), Северо-Казахстанская обл. – 34 (15,5%), Восточно-Казахстанская обл. – 19 (8,6%), Южно-Казахстанская обл. – 11 (5,0%), Семипалатинская обл. – 7 (3,2%), Карагандинская обл. – 5 (2,3%), Алма-Атинская и Джамбульская обл. – по 3 (1,4%), Павлодарская обл. – 1 (0,5%).

Особенностью Челябинметаллургстроя является также большое количество трудармейцев, мобилизованных в республиках Средней Азии. Таковых даже среди уроженцев Маркштадта насчитывалось 49 чел. (22,3%): Узбекская ССР – 26 (11,8%), Киргизская ССР – 10 (4,5%), Туркменская ССР – 9 (4,1%), Таджикская ССР – 4 (1,8%). Поскольку в 1941 г. немцы в Среднюю Азию не депортировались, остается предположить, что эти люди переселились туда из Поволжья еще ранее, главным образом – в периоды голода и насильственной коллективизации.

32 маркштадтца (14,5%) поступили в Челябинметаллургстрой с территории РСФСР: из областей Урала – 17 (7,7%), Востураллага – 4 (1,8%), Алтайского края – 3 (1,4%) и т.д. Место поступления еще 6 маркштадтцев (2,7%) в списках не указано.

В отличие от Базстроя и Тагилстроя, Челябинметаллургстрой к моменту ликвидации трудармии был уже расформирован. Посему бывших трудармейцев в этом тресте не оставляли, однако для них нашлось другое применение.

В этой связи обращает на себя внимание, прежде всего, большое число трудармейцев, отправленных из Челябинметаллургстроя под суд, в тюрьму, в лагерный оперотдел (точнее, оперчекистский отдел – ОЧО) и другие органы НКВД/МВД. Среди маркштадтцев таких насчитывалось 45 чел. (20,5%). Эта умопомрачительная цифра подтверждает вывод В. Кригера о том, что лагерные «органы» Челябинметаллургстроя отличались особой активностью по части выявления «антисоветских, фашистских и шпионских элементов».

Правда, выражение «отправить в оперотдел» могло иметь и другой смысл. Так, будущий герой Великой Отечественной войны, трудармеец Н.А. Гефт был завербован оперотделом Челябинметаллургстроя для работы в немецком тылу. Однако такие случаи были возможны, конечно, лишь в виде исключения.

Многие трудармейцы-маркштадтцы были демобилизованы (освобождены) из Челябинметаллургстроя: 59 чел. (26,8%), в т.ч. во время войны – 36 (16,4%), после войны – 23 (10,5%). За этими формулировками также скрывались принципиально разные явления. В первом случае речь шла, как правило, об отправке из лагеря людей, более не способных к труду и практически обреченных на смерть, с чем мы уже сталкивались на примере Богословлага, во втором – о реальной демобилизации из трудармии выживших трудармейцев.

Нельзя не отметить и то, что 19 трудармейцев-маркштадтцев (8,6%) были отправлены из Челябинметаллургстроя в некое СУ-859. За этим неприметным названием скрыто не что иное, как строительство знаменитого Челябинска-40, крупнейшего советского центра по производству ядерного оружия. Основой коллектива СУ-859 стал отряд трудармейцев Челябинметаллургстроя, прибывший на стройплощадку уже в ноябре 1945 г. В числе маркштадтцев, отправленных в СУ-859, оказался и Густав Яковлевич Шауфлер, двоюродный брат моей матери. Со временем он занял на строительстве Челябинска-40 весьма ответственные посты, однако прожил после этого совсем немного.

26 трудармейцев-маркштадтцев (11,8%) попали из Челябинметаллургстроя в Кыштым. Название этого уральского городка также вызывает ассоциации с Челябинском-40, сооруженном неподалеку от него. В одном случае мне известно, что они имеют под собой реальные основания: в Кыштым был направлен из Челябинметаллургстроя Генрих Генрихович Шнейдер, 1923 г.р., мой близкий знакомый по Кузбассу, которому я помог изложить его воспоминания «Мы строили Челябинск-40», опубликованные в газете «Нойес Лебен» в начале 1994 г. Однако я не берусь утверждать, что на строительство Челябинска-40 попали все трудармейцы Челябинметаллургстроя, отправленные в Кыштым. Среди последних был, к примеру, Г.А.

Вольтер, автор «Зоны полного покоя», который не упоминал о своем участии в возведении Челябинска-40 ни в этой книге, ни в устных воспоминаниях о трудармии.

Судьба остальных маркштадтцев, отбывавших трудармию в Челябинском металлургском лагере, сложилась так: умерли – 41 чел. (18,6%), отправлены в Богословлаг/Базстрой – 3 (1,4%), на Беломорканал – 1 (0,5%), в другие места (ЗМС, Тюбук, Уктус, Сунгуль) – 6 (2,7%), бежал – 1 (0,5%), нет данных – 19 (8,6%).

Высокая доля умерших маркштадтцев подтверждает репутацию Челябинского металлургского лагеря, как одного из самых смертоносных трудармейских лагерей. Распределение смертных случаев по годам здесь было практически таким же, как в Богословлаге: 1942 – 19 чел. (46,3%), 1943 – 17 (41,5%), 1944 – 5 (12,2%).

Ноябрь 2009 г.

О ГЕНОЦИДЕ, ТРУДАРМИИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ И НАУЧНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

В последнее время проводится большая работа по увековечению памяти многих тысяч российских немцев, погибших в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы в так называемых трудармейских лагерях. Изданы Книги Памяти трудармейцев Богословлага, Тагиллага, Усольлага,¹ ведется подготовка подобных изданий по Вятлагу, Челябинметаллургстрою, Соликамстрою и тому же Богословлагу.

Мне довелось участвовать в подготовке Книги Памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР, изданной Общественной Академией наук российских немцев. Весной 2005 г. я в течение двух недель работал в архиве этого лагеря в г. Соликамске Пермской обл.

Тщательное изучение всех учетных карточек трудармейцев, хранящихся в архиве, выявило ужасающую картину: в одном Усольлаге в 1942-47 гг. погибли от голода, болезней, каторжного труда на лесоповале и лесосплаве более 3500 немцев-трудармейцев, мужчин и женщин самого разного возраста – от совсем юных до пожилых. Среди первых 4945 трудармейцев, прибывших в лагерь в феврале – марте 1942 г., смертность составила 44%. И это – без учета многочисленных «демобилизованных» по болезни и отправленных из трудармии по «суду» в тюрьмы или обычные лагеря (насколько известно, они в большинстве своем тоже погибли).

Напомню, что в трудармию «мобилизовали» только людей вполне определенных национальностей. Так, в Усольлаге подавляющее большинство трудармейцев составляли российские немцы. Массовая смертность в этом и других подобных «трудармейских» лагерях, где были созданы условия, практически несовместимые с жизнью, полностью соответствует известному понятию этноцида (геноцида по национальному признаку).

В последние годы тематика геноцида привлекла к себе внимание и ряда профессиональных историков российских немцев. К величайшему сожалению, их соответствующие работы вызывают в основном недоумение, да и то – в лучшем случае.

Как, к примеру, расценить позицию проф. А. Германа (г. Саратов), когда он в своем недавнем докладе² берется утверждать, что никакого геноцида в отношении российских немцев вообще не было, основываясь лишь на скудных и противоречивых данных советской демографической статистики? Неужели и сегодня, после Гитлера и Сталина, еще нужно напоминать, что геноцид выражается не просто в гибели большого количества людей, но что это явление имеет вполне определенные качественные характеристики, четко сформулированные в общепризнанном акте международного права – «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой ООН 9.12.1948 г. и ратифицированной СССР 18.03.1954 г.?

А. Герман совершил воистину немислимое – вообще не упомянул об этом основополагающем документе в своем докладе, посвященном, судя по названию, именно проблеме геноцида. Вместо этого он заявил, что «не является юристом и не может достаточно компетентно аргументировать свое мнение в этих вопросах в правовом плане».³

В результате его доклад оказался посвящен не заявленной в названии, а совсем иной теме – демографическим потерям немецкого населения СССР в 1937-53 гг.

Конечно, она имеет отношение к проблеме геноцида, однако даже компетентное и скрупулезное демографическое исследование само по себе не в состоянии дать ответа на вопрос о том, могут ли определенные демографические потери считаться следствием политики геноцида (и, тем более, о том, «достаточно» ли велики эти потери, чтобы можно было говорить о геноциде). К тому же ни одна из работ А. Германа не свидетельствует об особой компетентности автора не только в вопросах права, но и в области демографической статистики.

Оценки демографических потерь российских немцев в сталинский период публиковались в последние годы не раз, в т. ч. и автором данной работы.⁴ Чтобы сказать новое слово по этому сложному вопросу, необходимо, очевидно, привлечь совершенно неизвестные статистические материалы или, по крайней мере, не применявшиеся ранее методы статистического анализа. Последнюю задачу не без успеха попытался решить в своей недавней книге Д. Эдиев.⁵ А. Герман не сделал ничего подобного, практически ограничившись использованием уже опубликованных данных.

Результатом его собственных исследований может считаться лишь одна обнародованная им цифра – число российских немцев, оказавшихся на оккупированной территории, подвергнутых «административному переселению» в Германию (точнее говоря, в основном в т.н. Вартегау) и затем избежавших принудительной «репатриации» в СССР (согласно А. Герману, не менее 160 тыс.).⁶ Однако уже эта цифра выглядит весьма сомнительно. Она исходит из утверждений автора, что под оккупацией оказалось ок. 304 тыс. российских немцев, а в СССР за 1945-48 гг. было возвращено ок. 150 тыс. из них.⁷ Между тем, давно известно, что на 1.01.1953 г., по официальным данным, в СССР насчитывалось свыше 208 тыс. немцев-«репатриантов» или почти на 39% больше.⁸ Подобный прирост численности всего за 4-7 лет и в тех условиях, в которых содержались «репатрианты», представляется, по меньшей мере, маловероятным. Следовательно, повисает в воздухе и вывод А. Германа о том, что «внутренние» потери немецкого населения СССР за 1941-48 гг. составили примерно 150 тыс. человек.⁹

Впрочем, рассмотрим расчет, который привел саратовского профессора к этому выводу, от начала до конца.¹⁰ Должен сразу же заметить, что даже если бы А. Герман сознательно задался целью запутать читателя (и заодно запутаться самому), он едва ли мог справиться с этой странной задачей более успешно.

Так, его выкладки во 2-м разделе доклада («Великая Отечественная война») начинаются с солидной, на первый взгляд, ссылки на дело 83 из фонда 9479 (фонд НКВД-МВД) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Неясно, однако, зачем же в данном случае отсылать читателей в архив: значительная часть материалов этого дела давно обнародована и известна всем исследователям депортации российских немцев. Опубликован и лист 41, на который ссылается А. Герман.¹¹ Правда, те данные об общем количестве немцев, депортированных из европейской части СССР к началу 1942 г., которые, по А. Герману, содержатся на этом листе, там на самом деле отсутствуют. Они приведены в другом месте – на листе 49 того же дела.¹²

При этом приведенная цифра (856168 чел.) не может считаться сколько-нибудь достоверной, т. к. предполагает, что с территории АССР НП было депортировано 446480 чел.¹³ Кому-кому, а историку Немреспублики А. Герману известно, что последняя цифра очень далека от реальности (она включает депортированных не только из АССР НП, но также из Саратовской и Сталинградской областей). Более того, он когда-то уже каялся, что привел ее в одной из своих публикаций.¹⁴ Однако это почему-то не помешало ему повторить ту же грубую ошибку годы спустя.

Помимо всего прочего совершенно непонятно, для чего А. Герману понадобилось ссылаться на документ от 25.12.1941 г. Там ведь заведомо не могло быть точных данных о числе депортированных «к началу 1942 г.», и его авторы этого ничуть не скрывали. Между тем давно известен другой аналогичный документ, содержащийся на листе 203 все того же дела и датированный уже 13.07.1942 г. Здесь приведены и верные данные по АССР НП, и уточненные цифры по целому ряду других регионов, и, естественно, совершенно другой итоговый показатель – 799459 депортированных с сентября 1941 г. по 1.01.1942 г.¹⁵

Ничуть не лучше обстоит дело и с другими исходными данными в расчетах А. Германа – о том, что «накануне войны» в европейской части СССР проживало 1 млн 157 тыс. немцев, а в остальных районах страны – «чуть более» 230 тыс.

Неясно уже то, что означает «накануне войны». К октябрю – декабрю 1941 г., в ходе подготовки и проведения депортации российских немцев, органы НКВД собрали множество сведений о численности немецкого населения в разных регионах.¹⁶ Однако свести эти данные воедино, увы, невозможно, поскольку их отличает полнейший разнобой: в одних местах просто воспользовались материалами переписи 1939 г., в других учли только взрослых, в третьих всякий раз отчитывались по-разному и т. п.

Если пытаться охарактеризовать демографическую ситуацию немецкого населения СССР в целом за тот период, то ничего не остается, как воспользоваться данными последней предвоенной переписи населения 1939 г., сколь бы много сомнений ни высказывалось по поводу их достоверности. (Кстати сказать, работа с материалами этой переписи давно привела меня к выводу, что расхожее мнение об их тотальной фальсификации сильно преувеличено: из интересующих нас данных там явно сфальсифицированы только демографические показатели по АССР НП.)

По всей видимости, к подобному заключению пришел и А. Герман. Во всяком случае, я могу объяснить вышеприведенную цифру 1157 тыс. лишь его обращением к материалам переписи 1939 г., приведенным на листах 1-3 дела 83. Сам он на сей раз загадочно умолчал об источнике, но мы все же заглянем в соответствующий, опять-таки хорошо известный документ.¹⁷

Он был составлен осенью 1941 г. в НКВД, а не в ЦСУ, и его авторов интересовала не демография, а проблемы депортации немецкого населения. Поэтому там имеются подробные сведения только о численности немцев в европейской части СССР (по терминологии авторов – «западнее Волги»). Просуммировав соответствующие цифры по РСФСР, Украине, Белоруссии и Закавказью, получим 1145230 чел. Мне неловко об этом писать, но если добавить к данному итогу немецкое население Молдавии (11947 чел.), то как раз и получается 1157 тыс. Непонятен, правда, смысл подобной процедуры: в 1939 г. Молдавская АССР входила в состав Украинской ССР, и данные по этой автономии уже учтены в общей цифре по Украине, а значит и в итоговом количестве 1145230. Но это уж вопрос не ко мне, а исключительно к А. Герману.

Было бы небезынтересно узнать у него и о том, почему он совершенно некритично использовал данные этого специфического документа НКВД. Там ведь, между прочим, к территории «западнее Волги» отнесены Приморский и Хабаровский края, но не отнесен Ленинград.

С точки зрения «демографов» из «органов», определенная логика в этом была: осенью 1941 г. явно планировалась депортация немецких жителей Дальнего Востока (в немецких селах Приамурья она была осуществлена, к примеру, в ноябре 1941 г.), а вот перспективы изгнания немецкого населения из уже блокированного Ленинграда в то время не просматривались (немцев Ленинграда и частично Ленинградской обл. удалось депортировать в Сибирь лишь в марте 1942 г.). Неясно только, зачем современному

историку понадобилось следовать в этом вопросе «депортационной», а отнюдь не научной логике НКВД. И почему нельзя было дополнительно учесть данные переписи 1939 г. по немецкому населению Ленинграда и целого ряда других регионов европейской части СССР (Пермская обл., Башкирская, Коми, Марийская, Мордовская, Татарская, Удмуртская и Чувашская АССР), отсутствующие в указанном источнике, но также опубликованные?

Столь же туманно происхождение вышеупомянутой цифры 230 тыс., источник которой А. Герман также скрыл. Из итогов переписи 1939 г. ее вывести нельзя – если воспользоваться ими, то окажется, что в «остальных районах СССР» в то время проживало более 300 тыс. немцев. Незаменимое архивное дело 83 здесь тоже не поможет – в нем нет данных по большинству регионов за Уралом, т. к. в 1941 г. никто всерьез не планировал депортировать оттуда немцев.

Остается предположить одно – А. Герман просуммировал обнаруженные им сведения за 1941 г. с данными переписи 1939 г. по остальным регионам азиатской части СССР. В итоге действительно получается цифра, близкая к 230 тыс. Правда, она лишена всякого реального смысла: данные НКВД за 1941 г. по многим регионам гораздо меньше соответствующих показателей переписи 1939 г. (как я уже отмечал, гебистские «демографы» нередко фиксировали только взрослое немецкое население).

Если сложить приведенные А. Германом цифры 1157 тыс. и 230 тыс., то получится, что «накануне войны» в СССР проживало 1387 тыс. немцев – судя по всем имеющимся демографическим данным и оценкам, явно заниженная цифра. Примечательно, что сам А. Герман в дальнейшем ее не использует и исходит из хорошо известной цифры 1430 тыс. (1120 тыс. + 310 тыс.)¹⁸.

После всего изложенного читателя, вероятно, уже не удивит, что А. Герман исходил из неверной численности «советских» немцев и на 1948 г.: со ссылкой на В. Земскова он утверждает, что таковая составляла 1,12 млн,¹⁹ хотя последний приводит совсем другую цифру – 1012754 чел.

Я допускаю, что данные В. Земскова могли быть искажены просто за давностью лет (его соответствующая статья опубликована еще в 1991 г.). Но никто ведь не мешал А. Герману свериться со свежими публикациями, тем более что указанная цифра В. Земскова приводилась в литературе не раз.²⁰ Нелишне было бы заглянуть и в недавнюю монографию В. Земскова (она вышла в свет еще до публикации доклада А. Германа), где сообщается, к примеру, что на 1.01.1949 г. в СССР был зарегистрирован 1035701 немец-спецпоселенец²¹ – явное несоответствие с цифрой А. Германа.

Что получается в итоге? В действительности А. Герман пытался оценить демографические потери российских немцев за 1939-48 гг., а не за 1941-48 гг., о чем было заявлено в его докладе (цифра 1430 тыс., из которой он, в конечном счете, исходил, – это не что иное, как численность немцев в СССР по данным переписи 1939 г.).

При этом он, помимо всего прочего, полностью обошел очень существенный момент: за эти 9 долгих и чрезвычайно тяжелых лет российские немцы не только умирали, но и появлялись на свет, причем в довоенные и особенно в послевоенные годы в немалом количестве. Точные статистические данные на этот счет, к сожалению, отсутствуют, но любой автор, коль скоро он взялся за исследование подобной проблемы, просто обязан привести соответствующие оценки. Если не принимать во внимание рождаемость и естественный прирост населения, то, как хорошо знают статистики, ни о каком изучении демографических потерь говорить не приходится, что и произошло в случае с А. Германом.

Что же касается его нескончаемой путаницы с цифрами, то возникает естественный вопрос: имеет ли вообще смысл углубляться в демографическую

статистику на подобном уровне компетентности? Оставляю его на усмотрение профессоров истории, коллег А. Германа. Им, как говорится, видней.

В отличие от А. Германа, другой известный автор – Л. Белковец – избежала рискованных экскурсов в демографическую статистику и не пыталась создать у читателя впечатления, будто Конвенция ООН от 9.12.1948 г. ей вовсе неизвестна. Дважды воспроизведя в своей недавней книге основные положения этого документа, профессор из Новосибирска оба раза попросту заявила, что действия Советского государства в отношении немцев и других депортированных народов к нему не относятся, не утруждая себя вообще никакими аргументами.²² В итоге вполне закономерный вывод: «Политика СССР в отношении депортированных народов в 1940-1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов состава такого преступления, как геноцид».²³

Столь далеко идущая ревизия нашей трагической истории смутила даже единомышленника Л. Белковец, более осторожного А. Германа.²⁴ В самом деле, ведь отсюда уже один шаг до вывода о несостоятельности как Закона РСФСР от 26.4.1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», упоминающего о геноциде в отношении данных народов в преамбуле и ст. 2 (к примеру, Л. Белковец пренебрежительно приписывает этому закону «популистский характер»²⁵), так и Декларации ВС СССР от 14.11.1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». А может быть, дискредитация этих основополагающих реабилитационных актов и представляет собой подлинную цель крайне неуклюжих попыток некоторых историков безоговорочно отрицать сталинский геноцид в отношении российских немцев?

Что касается меня, то я уже давно обнародовал свои выводы по данной проблеме²⁶ и не вижу оснований их воспроизводить. Хотел бы только отметить, что «трудармейские» концлагеря, организованные для немцев, как и для представителей некоторых других неугодных национальностей, являются, по моему убеждению, одним из самых весомых свидетельств сталинского геноцида в отношении российских немцев (но, конечно, отнюдь не единственным подобным свидетельством).

И если находятся люди с высокими учеными степенями, публично заявляющие, что, мол, трудармия не имеет отношения к геноциду, поскольку трудармейцами были не только немцы, но также казахи, узбеки и киргизы²⁷ (хотя, как известно, представители этих народов, в отличие от немцев, мобилизовались в трудармию далеко не поголовно и содержались там в совершенно иных условиях), то остается только развести руками.

Итогом «антигеноцидных» изысканий А. Германа можно считать его вывод о том, что «с учетом вновь обнаруженных документов» в трудармии умерло в целом не 60 тыс. человек, как он считал ранее, а лишь 35-40 тыс.²⁸ Никаких подобных документов и даже ссылок на них он, однако, не привел. Более того, во всех его работах нет ни единой ссылки на архивы лагерей и предприятий, где содержались трудармейцы. Вот так сегодня пишется история!..

Между тем, в архиве бывшего Усольлага, как уже отмечалось, хранятся учетные карточки более 3,5 тыс. погибших немцев-трудармейцев. Если верить А. Герману, то получается, что в одном этом лагере погибло 9-10% всех умерших трудармейцев. Согласно его же данным, в трудармию за годы войны было мобилизовано 316 тыс. чел.²⁹ По моей оценке, через Усольлаг прошло не более 4-5% от этого количества. Одно из двух: либо Усольлаг резко отличался в худшую сторону от большинства других «трудармейских» лагерей (чего не подтверждают никакие документальные свидетельства), либо с цифрами проф. А. Германа опять что-то не так.

Сам он по этому поводу горестно заметил: «Очень трудно определить число немцев, умерших в „Трудармии“. Статистика велась из рук вон плохо». ³⁰ В действительности, как я убедился в архиве Усольлага, «трудоармейская» статистика велась ничуть не хуже, чем, к примеру, официальная демографическая статистика, на которую этот автор ссылается столь охотно.

Проблема, думается, в другом: уважающему себя ученому следовало бы сначала спуститься с высот ГАРФа в архивы конкретных «трудоармейских» лагерей, тщательно изучить все необходимые документы и материалы и лишь затем пытаться выступать с далеко идущими обобщениями, подвергая коренной ревизии самую ужасную национальную трагедию своего народа.

Декабрь 2006 г.

Примечания

1 См.: Книга Памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны. М., 2000; GEDENKBUCH: „Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага“. Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, С.Л. Разинков, А.Я. Цейзер. Екатеринбург, 2004; GEDENKBUCH: Книга Памяти немцев-трудоармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942-1947 гг.). Сост. Э.А. Гриб. Ред. В.Ф. Дизендорф. М., 2005.

2 Герман А.А. „В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид“: об обоснованности и корректности данного утверждения, в кн.: Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы X международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М., 2004, с. 86-98.

3 Там же, с. 95.

4 См., напр.: Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. Книга I. От национальной катастрофы – к попытке возрождения. М., 1997, с. 126-127.

5 См.: Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.

6 Герман А.А. Указ. соч., с. 92.

7 Герман А.А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты, в кн.: Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг. М., 2001, с. 258, 264.

8 Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 1. М., 1992, с. 208.

9 Герман А.А. „В отношении немецкого населения...“, с. 92.

10 Там же, с. 90-92.

11 См.: Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995, с. 50.

12 Там же, с. 68.

13 Там же, с. 63.

14 Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. II. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994, с. 302-303.

15 Депортации народов СССР. Ч. 2, с. 172.

16 Там же, с. 27-38, 45-69.

17 Там же, с. 21-23.

18 Герман А.А. „В отношении немецкого населения...“, с. 92.

19 Там же.

20 См.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001, с. 150; Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / hrsg. v. A. Eisfeld u. V. Herdt. Köln, 1996, S. 305.

21 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003, с. 164.

22 Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003, с. 20-21, 300-301.

23 Там же, с. 301.

24 См.: Герман А.А. „В отношении немецкого населения...“, с. 94-96.

25 Белковец Л.П. Указ. соч., с. 7.

26 Дизендорф В.Ф. Десять лет в „Возрождении“. М., 2000, с. 192-195, 535-537.

27 См.: Герман А.А. Большевизм и российские немцы, в кн.: Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999, с. 291-292.

28 Герман А.А. „В отношении немецкого населения...“, с. 91.

29 Там же, с. 90.

30 Там же, с. 91.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В 1989-93 гг.

Доклад на международной научной конференции

Мамонтовка, ноябрь 2002 г.

Наше национальное движение конца 80-х – начала 90-х гг. можно без преувеличения назвать уникальным явлением в истории российских немцев. Заметные общественные движения, возникавшие в нашей среде прежде (например, в начале 20 в., в т. ч. наиболее известное из них – движение российских немцев в 1917 г.), не идут с ним в сравнение ни по своей массовости, ни, тем более, с точки зрения общенационального охвата. Эти явления стали возможными в конце 20 в. благодаря сочетанию двух факторов: с одной стороны, в то время наблюдалось практически всеобщее недовольство российских немцев своим положением и осознание необходимости его коренного изменения, с другой – именно к началу указанного периода в стране, наконец, опять появилась возможность независимой общественно-политической деятельности.

Предмет моего доклада – массовое общенациональное общественно-политическое движение российских немцев. Оно существовало только в указанные годы, отсюда и временные рамки представленного доклада. Данному периоду непосредственно предшествовал приезд в Москву в 1988 г. трех делегаций российских немцев, деятельность которых во многом подготовила последующий подъем национального движения. После 1993 г. наше движение продолжало существовать, но оно уже не отличалось ни особой массовостью, ни, конечно, общенациональным охватом.

О чем идет речь? Массовость нашего национального движения характеризует тот факт, что в фазе наивысшего подъема (1991 г.) оно насчитывало десятки тысяч активных членов, имело сотни тысяч сочувствующих и просто людей, так или иначе находившихся в его орбите. Точных данных на сей счет, как это обычно и бывает с массовыми общественными движениями, назвать невозможно: во многих наших подразделениях не было строго фиксированного членства.

С другой стороны, движение, несомненно, носило общенациональный характер – его структуры существовали во всех основных регионах массового проживания российских немцев, находившихся в разных союзных республиках СССР, а затем в независимых государствах (Россия, Казахстан, Киргизия, Украина и т. д.). Формально такой общенациональный характер сохранялся до 1993 г., когда состоялись III съезд российских немцев и учредительная конференция межгосударственного объединения МОН „Видергебурт“, пришедшего на смену всесоюзному обществу ВОСН „Возрождение“. Однако фактически этот характер стал утрачиваться уже в 1992 г., т. е. сразу же после распада СССР.

На наших общенациональных форумах, проведенных после этого события, представители разных республик гораздо больше говорили о собственных проблемах, чем об общенациональных. Это и понятно: с распадом СССР у нас исчез, если воспользоваться очень точным немецким термином, единый Ansprechpartner – сторона, к которой мы в основном и апеллировали со своими требованиями и предложениями. Некоторые надежды, что такую роль сможет сыграть для российских немцев СНГ, не реализовались – оно так и осталось крайне аморфной структурой, начисто лишенной

единых властных функций. Теперь мы могли апеллировать только к властям каждой из стран СНГ в отдельности (и, разумеется, к Германии, которая, напротив, объединилась).

Отмечу, что в нашем общественно-политическом движении в рассматриваемый период массовый характер носило только то течение, которое представляли Общество „Видергебурт“ и Межгосударственный Совет российских немцев (МГСН). Остальные наши национальные организации, существовавшие в то время, не были общественно-политическими (Союз в поддержку культуры, Фонд трудармейцев) или массовыми (Союз немцев СССР), либо то и другое вместе, а потому их деятельность выходит за рамки моего доклада, охарактеризованные выше.

Движущие силы. Основной движущей силой нашего национального движения являлась интеллигенция. Точно так же обстояло дело и в других общественно-политических движениях того периода на территории СССР, в т. ч. в национальных.

Как известно, российские немцы десятилетиями подвергались дискриминации в сфере доступа к образованию, а система нашего национального образования была полностью уничтожена еще в 1941 г. Отсюда особенность нашего народа в последние десятилетия – относительно малый слой национальной интеллигенции. С другой, однако, стороны, представители нашей современной интеллигенции – это чаще всего интеллигенты в первом поколении, тесно связанные с широкими народными массами. Это явление послужило важным фактором, придавшим нашему движению невиданную массовость.

Если охарактеризовать социальный состав наших активистов, то я бы выделил следующие основные группы:

1. Техническая интеллигенция – это была самая многочисленная группа.
2. Рабочие, колхозники и служащие – примыкали к предыдущей группе и по уровню образования приближались к интеллигенции. Под служащими я имею в виду и представителей Вооруженных сил, а также МВД – правда, в тот период таковых среди нас было немного.
3. Научно-педагогическая интеллигенция – вторая по численности группа, а в руководящем ядре, безусловно, первая.
4. Художественная интеллигенция – немногочисленная группа, в целом не особо активная в политической сфере.
5. Номенклатура (партийные, советские и хозяйственные руководители) – группа малочисленная и в значительной мере сторонившаяся публичной общественно-политической деятельности.
6. Идеино индифферентные люди – выходцы из различных слоев, искавшие в движении не возможности для реализации национальных целей, а, прежде всего, собственную выгоду.

Что касается возрастного состава наших активистов, то, как я уже писал в своей книге „Прощальный взлет“, основной их костяк составляли представители послевоенных поколений. Были среди нас и ветераны, пережившие трудармию и спецпоселение. Несмотря на свою относительную немногочисленность, они сыграли в нашем движении большую роль, особенно в 1988-90 гг.

Структура движения. Особенностью нынешних российских немцев является очень значительная степень социальной гомогенности (однородности). Поэтому национальные интересы в нашей среде весьма слабо дифференцированы. Я, естественно, не имею в виду лиц, подвергшихся далеко идущей денационализации: применительно к ним вообще трудно говорить о национальных интересах. Некоторое исключение с точки зрения интересов составляют лишь представители трех последних из перечисленных групп: идейно индифферентные люди, номенклатура, частично –

художественная интеллигенция. Их особые запросы, обусловленные реальным или желаемым социальным статусом, не могут не порождать у них ту или иную степень политического конформизма, что служит идеальной питательной средой для формирования оппозиций в любых общественных движениях.

Что же касается всех остальных российских немцев, составляющих громадное большинство нашего народа, то их представления о национальных целях практически совпадают точно так же, как и объективные национальные интересы. Отсюда высокий уровень единства нашего движения, отсутствие в нем сколько-нибудь массовых оппозиционных течений.

Как я уже отмечал, наше общенациональное общественно-политическое движение представляли в тот период две основные структуры – Общество „Видергебурт“ (с подразделениями в основных республиках и регионах) и МГСН (с 1991 г.), который с 1992 г. взаимодействовал с аналогичными Советами немцев в ряде республик.

Эти структуры принципиально отличались по своему характеру и способу формирования: „Видергебурт“ было типичным общественным объединением, а МГСН являлся общенациональным представительным органом, формируемым на съездах, в избрании делегатов которых в принципе могли участвовать все российские немцы. Но власти, сами же инициировавшие проведение этих съездов, отнюдь не желали, чтобы наш народ говорил единым голосом, а потому отказывались признать представительный характер МГСН или признавали его только частично. В результате МГСН был вынужден в значительной мере действовать в рамках, установленных для общественных объединений, и немногим отличался в этом отношении от Общества „Видергебурт“. Это обстоятельство, наряду с естественным единством целей, не могло не обусловить заметного совпадения их руководящего состава, что и давало нашим оппонентам желанный повод для назойливых заведомо ложных утверждений об идентичности „Видергебурт“ и МГСН.

Основные этапы. Наше тогдашнее национальное движение пережило в своем развитии три хорошо различимых этапа: а) март 1989 г. – март 1991 г., б) март – декабрь 1991 г., в) 1992-93 гг.

Первый этап, начавшийся с учредительной конференции ВОСН „Возрождение“, характеризуется почти непрерывным подъемом движения, быстрым ростом численности его участников, созданием низовых структур во все новых регионах. В этот период преобладает оптимизм относительно достижимости целей движения. Наряду с развертыванием деятельности „Возрождения“ идет подготовка первого в истории общенационального съезда российских немцев, в которой ВОСН приняло самое активное участие. Период завершился проведением силами наших активистов первого этапа съезда, в последний момент „отложенного“ союзными властями.

На кратком втором этапе движения, начавшемся после проведения запрещенного съезда, оно, в общем и целом, переживает стагнацию, число его участников перестает расти. Проведение долгожданного съезда не вызвало реальных сдвигов в положении российских немцев. Поскольку они не последовали и после второго этапа съезда (октябрь 1991 г.), на сей раз официально санкционированного властями, нашими соплеменниками стало овладевать нарастающее разочарование. С другой стороны, принимается ряд законодательных актов (прежде всего – Закон РСФСР „О реабилитации репрессированных народов“ от 26.04.1991 г.), отвечавших коренным целям нашего движения; более чем через полвека воссоздается Немецкий район на Алтае. В процессе подготовки съезда наше движение окончательно обрело общенациональный характер, который в данный период еще сохранялся. Этот этап завершился с развалом СССР в конце 1991 г.

Третий этап знаменуется более или менее быстрым спадом движения. Наряду с исчезновением СССР – единого государства, где продолжали жить российские немцы, не выехавшие в Германию, основным фактором спада послужило откровенное саботирование реабилитации нашего народа властями стран бывшего СССР, особенно ярко проявившееся в провокационном выступлении президента России Б. Ельцина в Поволжье 8.01.1992 г. После всего этого последовало резкое усиление выезда, особенно в Казахстане и Средней Азии, где проживали сотни тысяч российских немцев, большинство из которых оказалось на этой территории в результате насильственной депортации из различных регионов России и Украины. Нарастанию выезда способствовало и вступление в силу в Германии с начала 1993 г. известного Закона о пересмотре законов о последствиях войны. В числе немногих позитивных моментов для наших соплеменников в этот период можно назвать заключение Межправительственного российско-германского соглашения о сотрудничестве двух государств в деле восстановления немецкой автономии на Волге (июль 1992 г.), а также создание Азовского немецкого района в Омской области. На этом этапе движение постепенно утрачивает массовый и общенациональный характер.

Какие результаты принесло движение? Критерием результативности любого общественного движения является реализация его основных целей. Вопреки распространенному мнению, восстановление АССР НП представляло собой, с точки зрения нашего движения, не самоцель, а лишь основное средство для достижения его программных целей (этот тезис особенно четко формулировался нами с 1991 г.). Основной же целью движения являлось обеспечение этнического самосохранения российских немцев, в первую очередь на территории СССР, а затем СНГ. В этом отношении были достигнуты (конечно, при значительной поддержке германской стороны) немалые результаты, особенно с учетом неблагоприятных тогдашних условий, в частности массового выезда, развернувшегося как раз в период наиболее активной деятельности движения. Впервые после 1941 г. затормозился процесс принудительной ассимиляции нашего народа, произошел всплеск его национального самосознания. Очень многие российские немцы снова ощутили интерес к истории своего народа, к его языку, к собственным корням, потребность в национальной самоидентификации, чувство единства со своими соплеменниками, стремление к общению с ними и т. д.

Тем не менее, этническое самосохранение немецкого населения в России, не говоря уже о прочих странах СНГ, и сегодня ни в коей мере не может считаться обеспеченным. Это означает, что программные цели нашего движения реализованы, в лучшем случае, частично. Естественный вопрос о причинах этой серьезной неудачи давно привлекает внимание и наших активистов, бывших и нынешних, и остальных российских немцев, и недругов нашего движения. Не буду останавливаться на внешних (объективных) причинах – они достаточно хорошо известны. Гораздо полезнее, на мой взгляд, заострить внимание на внутренних (субъективных) причинах наших неудач.

Основные промахи движения. Этот вопрос особенно часто интерпретируется неверно. Пожалуй, наиболее распространенное заблуждение – поиски ответа на него в недостаточном, по мнению критиков, единстве среди российских немцев, а также в нашем неумении (если не нежелании) наладить конструктивное взаимодействие с местным руководством и населением Поволжья.

В действительности, как я уже упоминал, мы достигли очень высокой степени единства целей, а частично и действий, имеющей немного аналогов среди других современных общественно-политических и национальных движений в СССР (СНГ). Однако полного единства у нас, конечно, не было, да и быть не могло – не только потому, что это явление вообще не характерно для общественной жизни. Дело еще и в

том, что единству российских немцев всеми силами противодействовала оппозиция, существовавшая в нашем движении и особенно вокруг него. Оппозиция крайне малочисленная, но, тем не менее, весьма влиятельная – отчасти из-за присутствия в ее составе представителей „национальной“ номенклатуры, но главным образом ввиду активной поддержки государства, которое приняло в формировании этой оппозиции самое непосредственное участие (чему имеется достаточно документальных подтверждений). Позиция госструктур была предельно ясна – единство в среде российских немцев никоим образом не входило в планы ни властей СССР (стран СНГ), ни даже властей Германии.

Далее, нам до сих пор пеняют, что в рассматриваемый период мы, якобы, упустили прекрасный шанс, не согласившись с предложением саратовских властей о преобразовании Саратовской области в Саратовский край, с созданием в его составе Немецкой автономной области. Между тем, в книге „Прощальный взлет“ я уже отмечал, что на деле речь шла о чисто аппаратном проекте, заведомо неприемлемом для российских немцев, а потому практически так и оставшемся в аппаратных недрах и не доведенном ни до широких слоев нашего народа, ни хотя бы до заинтересованного круга активистов немецкого национального движения.

Точно так же нам вновь и вновь ставят в вину нашу мнимую нетерпимость в отношении нынешнего населения Поволжья и так называемых „антиавтономистов“, претендовавших на представление его интересов. С десятков лет назад только саратовские партаппаратчики и сами направляемые ими „антиавтономисты“ позволяли себе лицемерно утверждать, что тогдашнее антинемецкое движение на Волге направлено, якобы, не против российских немцев, а „всего лишь“ против восстановления нашей автономии в тех краях. Сегодня попытки, так сказать, посмертно реабилитировать поволжских „антиавтономистов“ образца 80-90-х гг. исходят уже от историков.

Эти люди пытаются делать вид, будто совершенно не помнят тогдашние „антиавтономистские“ призывы: „Лучше СПИД, чем немцы“, „Не отдали Волгу в 41-м – не отдадим и в 91-м“ и т. п. Напрочь „забыты“ некоторыми историками и массовые митинги в Поволжье под откровенно антинемецкими лозунгами, и частые подстрекательские выступления „антиавтономистских“ вожаков (в т. ч. на наших национальных форумах), лейтмотивом которых были одни и те же лживые идейки: дескать, немцы Поволжья всегда относились к своим соседям враждебно; немецкая автономия в регионе была создана искусственно, под нажимом Германии в условиях Брестского мира; в АССР НП ненемецкое население подвергалось постоянной дискриминации и т. д.

Итак, „передовая наука“ предлагает нам, видевшим все это собственными глазами, довериться не нашей памяти, а пыльным бумажкам, счастливо сохранившимся в саратовских архивах, где „антиавтономисты“, якобы, предстают не „политическими“ хулиганами, а идейными борцами. У меня нет никакого желания комментировать весь этот вздор. В „Прощальном взлете“ я уже описал и реальных (а не бумажных) „антиавтономистов“, и подлинное отношение нашего движения к нынешнему населению Поволжья.

По прошествии лет я все больше убеждаюсь, что наши главные промахи лежали вовсе не в перечисленных мною сферах, а в отношениях с германской стороной, которой принадлежала и принадлежит *определяющая* роль в решении проблем российских немцев.

Особенно плохими наши отношения были в 1992 г. В результате мы практически не повлияли как на процесс подготовки тогдашнего Межправительственного соглашения по нашим проблемам, так и на его содержание.

Между тем, то и другое во многом шло вразрез с интересами не только российских немцев, но и самой Германии. Германское руководство, которое за этим стояло, в итоге серьезно дискредитировало себя в глазах нашего народа, а частично и среди общественности Германии. Мало что изменилось в этом смысле и в 1993 г., когда наши отношения с германской стороной заметно улучшились.

Разумеется, отношения национального движения российских немцев с правительством Германии зависели не только от нас, но ряд причин неблагополучия в этой сфере лежит и на нашей стороне. Основными из них я считаю следующие:

- недостаточный политический опыт большинства лидеров нашего движения;
- крайне слабое знание ими Германии и немецкого языка;
- определенное предубеждение в отношении Германии, которое передавалось у российских немцев из поколения в поколение.

Вместо послесловия. Для ясности сразу же отмечу, что я отнюдь не напрашивался на участие в Мамонтовской конференции 2002 г. В отличие от некоторых наших национальных лидеров, у меня никогда не было стремления, образно выражаясь, присутствовать на любой свадьбе, причем непременно – в роли невесты. Сами организаторы конференции предложили мне выступить с докладом по любым вопросам истории нашего национального движения на мой выбор. Меня не приглашали выступать на подобных конференциях с 1994 г., и я долго обдумывал это предложение. В конце концов, я согласился, уповав на то, что обсуждение истории нашего национального движения его представителями совместно с профессиональными историками может пойти на пользу обеим сторонам. Сегодня я понимаю, что глубоко заблуждался.

Информированный читатель, вероятно, уже в курсе, что историки, стремящиеся обелить саратовских „антиавтономистов“ и их кукловодов в лице местной номенклатуры, соответственно очерняя противостоявших им российских немцев, живут по преимуществу именно в Саратове. Не знаю, что хотели услышать от меня эти люди и вообще организаторы конференции: мои позиции и по поводу „антиавтономистов“, и по проблемам нашего национального движения достаточно подробно изложены в двух моих книгах, и при желании об этом можно узнать безо всяких специальных докладов.

А получилось в итоге следующее. После моего вышеизложенного доклада саратовский профессор А.А. Герман, который вел в это время конференцию, счел нужным самолично мне возразить: мол, зачем же так огульно ставить всех антиавтономистов на одну доску – в их среде были разные люди с далеко не одинаковыми позициями. Услышав это, я не знал, смеяться мне или плакать. Разумеется, у наших ярых противников, как и в любой общественной среде, могли существовать расхождения во взглядах. Но вопрос-то совсем не в этом, а в том, кто именно задает тон в такой среде. Мы ведь имели дело со всеми известными вожаками тогдашних „антиавтономистов“, а не только с уличными хулиганами. Выходя на трибуны наших форумов, эти вожаки, конечно, не говорили: „Лучше СПИД, чем немцы“, но и ни разу не осудили подобные людоедские лозунги своих приспешников даже намеком. Да и как они могли это сделать, если их собственные речи, о которых я упоминал и в докладе, и в своих книгах, отличались от этих лозунгов только по форме, но отнюдь не по своему сугубо антинемецкому содержанию?

Найдя время для собственной реплики по поводу моего доклада, А.А. Герман, как ни странно, не нашел такового, чтобы после обсуждения предоставить докладчику заключительное слово, как это принято во всем цивилизованном научном мире. Думаю, уже этого вполне достаточно, чтобы понять, почему я сразу же покинул конференцию,

а затем наотрез отказал ее организаторам в предоставлении текста своего доклада для публикации в сборнике материалов конференции. Но мало того: будто стремясь дополнительно подтолкнуть меня к этим шагам, А.А. Герман выпустил на трибуну никоим образом не предусмотренного программой „содокладчика“, который при полном попустительстве ведущего занял своей „репликой“, не оставлявшей от доклада камня на камне, никак не меньше времени, чем выступал я. Не хочу входить в детали по поводу этой очередной вопиющей бес...церемонности, создавая рекламу своему традиционному „суфлеру“: он и без того постоянно занимается этим сам.

Я далек от мысли, что вся эта неприглядная история означала просто сведение личных счетов кого-то с кем-то (в этом случае о ней не стоило бы и вспоминать). На мой взгляд, она уходит корнями гораздо глубже. Называя вещи своими именами, следует признать, что между активистами национального движения российских немцев и его историками, в общем-то, не имеется особых оснований для взаимной симпатии, поскольку доставляем мы друг другу в основном головную боль. Мы, бывшие и нынешние активисты, то и дело напоминаем о каких-нибудь нелицеприятных фактах, не вписывающихся в стройные схемы наших историков, а они, зачастую не имея ни малейшего опыта участия в общественно-политической жизни, повествуют, как нам следовало действовать в тех или иных сложных политических ситуациях, или поясняют, как „на самом деле“ происходили определенные события, о которых знают только со стороны, преимущественно по архивным и другим бумажным источникам.

Скажу больше: я много раз убеждался и, в конце концов, окончательно убедился, что нынешняя историография в принципе неспособна адекватно отразить проблематику нашего современного национального движения. В лучшем случае соответствующие работы более или менее точно излагают содержание его документов и внешнюю канву происходивших в свое время событий. Это по-своему полезно, хотя к серьезной науке имеет весьма отдаленное отношение. Но гораздо чаще мы сталкиваемся с еще более далекой от всякой науки тенденциозностью и предвзятостью, нередко – с откровенным передергиванием и фальсификацией неопровержимых исторических фактов. Не буду называть конкретных фамилий – они достаточно известны, да и не в них дело. Дело, я убежден, в следующем: история нашего национального движения, как и ряд других проблем новейшей истории российских немцев, затрагивает столь непростые, острые и все еще животрепещущие материи, что современные авторы при их исследовании чаще всего совершенно не в состоянии отрешиться от своих субъективных стереотипов и пристрастий, а то и от личных интересов.

Я понимаю, что сегодняшние историки едва ли прислушаются к моим рекомендациям, но все же не могу не обратиться к ним с добрым советом: воздержитесь, по мере возможности, от препарирования современного национального движения российских немцев, оставьте это занятие будущим, более беспристрастным и объективным авторам, а сами займитесь изучением чего-нибудь менее злободневного, ведь иначе за то, что вы пишете сегодня на эту тему, когда-нибудь может стать неловко и даже стыдно – если не вам самим, то вашим читателям. На мой взгляд, лучшее, что может сделать в данной сфере нынешний историк, – это содействовать публикации документов нашего движения. Но эта задача во многом уже решена – прежде всего, благодаря изданию известного сборника, составленного В.А. Ауманом и В.Г. Чеботаревой.

Исходя из сказанного, я, конечно, не считаю научным достижением и свой доклад двухлетней давности, хотя, как и положено в науке, он содержит не просто изложение соответствующих фактов и событий, но и попытку их анализа. Я еще в „Прощальном взлете“ вполне откровенно писал, что, будучи многолетним активистом

национального движения российских немцев, не берусь претендовать на полную объективность и беспристрастность при освещении его истории. А без этих качеств подлинная наука, разумеется, немислима. Задним числом я считаю основным достоинством своего доклада не столько содержащиеся в нем размышления автора по определенному кругу вопросов, сколько сам набор последних. Думается, затронутые мною вопросы должны быть узловыми в любом фундаментальном исследовании по истории национального движения российских немцев в 1989-93 гг.

Сентябрь 2004 г.

О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОПРОЕКТАМ ПО ПРОБЛЕМАМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В соответствии с письмом руководителя творческого коллектива Федерального Координационного Совета Келлера И.И. от 15.07.04 г. № 45 излагаю свои соображения по данному вопросу.

Я разделяю мнение И.И. Келлера, что работа творческого коллектива должна вестись по трем направлениям, перечисленным в его письме. Нам ни в коем случае не следует отождествлять законопроекты о реабилитации и о самоорганизации российских немцев, как предлагала г-жа Р.М. Канапьянова на нашем заседании 30.06. с.г. Это взаимосвязанные, но принципиально разные вопросы. Реабилитация, как следует из Закона РСФСР „О реабилитации репрессированных народов“ от 26.04.91 г. № 1107-1 (далее - Закон о реабилитации), означает принятие и реализацию соответствующих государственных мер, направленных в данном случае на максимально возможное преодоление репрессий, которые были инициированы и осуществлены Советским государством в отношении нашего народа. Самоорганизация - это процесс творчества самого народа, пусть и при поддержке государства. Какие бы механизмы самоорганизации мы ни предложили, они хотя и могут способствовать возрождению российских немцев, но, разумеется, не отменяют необходимости нашей реабилитации со стороны государства.

В письме И.И. Келлера перед нами ставится задача разработать не только соответствующие концепции, но и законопроекты. Мне же представляется, что последнее - едва ли в силах творческого коллектива. Этим все-таки должна заниматься сама рабочая группа комитета Госдумы по делам национальностей, опираясь на наши идеи и концепции. Во всяком случае, я готов изложить лишь свои концептуальные соображения.

1. О законопроекте „О реабилитации российских немцев“

На первый взгляд, основные идеи данного законопроекта должны быть достаточно ясны - во всяком случае, для самих российских немцев. Действительно, в нашем национальном движении этот вопрос начал обсуждаться уже более десятилетия назад, и разного рода концепций, а то и проектов конкретных законодательных актов было предложено немало. Проблема, однако, в том, что вся эта работа велась в основном в первой половине 90-х гг. С тех пор положение российских немцев и ситуация вокруг нашей проблемы очень сильно изменились, и многие вопросы нам предстоит осмыслить заново.

О том, насколько это непросто, свидетельствует, в частности, текст предложенного нам для анализа соответствующего законопроекта, а также пояснительной записки и финансово-экономического обоснования к нему. При чтении этих документов, увы, трудно избавиться от впечатления, что их авторы совершенно не знакомы с работами своих предшественников по этому вопросу и вообще весьма туманно представляют себе как историю и нынешнее положение российских немцев, так и реалии существующего российского законодательства.

На многие (хотя далеко не все) ошибки и недочеты авторов уже указано в заключении Л.В. Андриченко. В основном с этим экспертом можно согласиться, хотя он (она?) касается по большей части формальной, а не содержательной стороны вопроса и, по сути дела, отвергает не только предложенный законопроект, но и идею принятия соответствующего закона вообще. Тем не менее, представленное заключение избавляет нас от необходимости препарировать указанные документы от первой до последней строчки и позволяет сосредоточиться на их основных концептуальных огрехах.

1) Авторы представляют себе самоуправление российских немцев как систему административно-территориальных образований, увенчанную „единым координирующим общее их развитие государственным органом“ (ст. 2). Далее уточняется, что имеется в виду „самостоятельный федеральный орган исполнительной власти“ (ст. 9). Если на такой орган будет возложено „решение задач реабилитации российских немцев“, как предлагается в ст. 9, то возражать против его создания не приходится. Но он, не формируемый и не контролируемый самим народом, конечно, не может иметь никакого отношения к самоуправлению российских немцев. Авторы позаимствовали эту странную идею из книги В. Бауэра и Т. Иларионовой „Российские немцы: право на надежду“, где объявлено, что аналогичный чисто государственный орган - союзный Комитет по проблемам советских немцев, который власти безуспешно пытались создать в 1991 г., относится к „системе представительства народа“. В книге „Прощальный взлет“ я уже обращал внимание, что это далеко не так, но, похоже, тщетно.

2) Что же остается от надуманной конструкции, если избавиться ее от явно неуместного „координатора“? Как явствует из пояснительной записки, некая аналогия объединения муниципальных образований, предусмотренного в ст. 8 (а не ст. 10, как пишут авторы) закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“. К сожалению, эта ссылка ничего не проясняет. Согласно указанной статье, муниципальные образования российских немцев могли бы создать „иные объединения“ (п. 3; какие именно, не уточняется) или объединения чисто хозяйственного характера (п. 4). Представим себе, что наши существующие национальные районы и другие муниципальные образования действительно создадут нечто подобное. Спрашивается, какие значимые общенациональные проблемы они смогли бы в результате решать, находясь во многих сотнях километров друг от друга, не имея практически никаких экономических и прочих связей и едва насчитывая в своем составе 5% всего немецкого населения РФ? В качестве исторического курьеза отмечу, что в 1920-30-х гг. омские и алтайские немецкие села находились в этом отношении в гораздо более благоприятной ситуации: тогда они, по крайней мере, входили в состав одного и того же субъекта Федерации (Омская губ., затем Сибирский и Западно-Сибирский края). Но ближе они от этого, естественно, не стали и в особо тесных связях замечены не были.

3) При „восстановлении самоуправления“ в столь очевидно несостоятельной форме авторы предлагают реализовать „соответствующие положения“ Указа Президента РФ от 21.02.92 г. № 231 (ст. 4). Напомню, что этот акт, изданный незадолго до II съезда российских немцев, подвергся на съезде и после него жесткой критике со стороны наших активистов. По прошествии 12 лет вполне очевидно, что она была более чем обоснованной. Какие же, спрашивается, положения тогдашнего указа авторы хотели бы, наконец, реализовать? Вновь объявить „целесообразным“ создание немецкого национального округа в Волгоградской обл. и немецкого национального района в Саратовской обл. (п. 1)? Реанимировать соответствующий Оргкомитет, почивший в бозе еще летом 1992 г., так и не начав функционировать (п. 2)?

Рассмотреть другие предложения о создании национальных муниципальных образований „в местах компактного проживания российских немцев“ (там же)? Авторы полностью обходят эти щекотливые вопросы даже в пояснительной записке. Не потому ли, что там торжественно обещано „окончательно снять тревогу“ нынешнего населения на территории бывшей АССР НП, „значительно улучшить межнациональное самочувствие“ в Поволжье и даже в России в целом? Подобного сорта деликатность была продемонстрирована В. Бауэром и Г. Вормсбехером еще летом 1991 г., когда они, вкуче с тогдашним руководством Госкомнаца РСФСР, выдвигали идею массового возвращения немцев в Поволжье, упорно избегая любого упоминания о территориальной привязке этих планов (интересующихся отсылаю за подробностями к своей книге „Десять лет в "Возрождении"“). Успешно замаскировав свои намерения на бумаге, эти авторы ни тогда, ни впоследствии, к сожалению, не объяснили, каким образом можно столь же эффективно замаскировать сам процесс организованного переселения сотен тысяч людей.

4) Основной идеей законопроекта является, пожалуй, создание новых достаточно крупных мест компактного поселения российских немцев „на мало- и незаселенных территориях“ (ст. 5). Оставим в стороне головоломный вопрос о том, где найти такие территории, которые до сих пор никого особо не привлекали, а российских немцев могли бы внезапно привлечь в большом количестве. Гораздо более существенным представляется мне другой вопрос: какое вообще отношение имеет эта идея к нашей реабилитации? На первый взгляд, логика авторов достаточно правомерна: массовая депортация привела к ликвидации подавляющего большинства мест компактного проживания российских немцев, и в порядке реабилитации можно попытаться воссоздать эти места в других районах. Проблема, однако, в том, что Закон о реабилитации ничего подобного не предполагает. Территориальная реабилитация предусмотрена в нем (ст. 6) только в одной форме - путем восстановления прежних национально-территориальных границ. Таким образом, идея полностью повисает в воздухе. Напомню, что аналогичный план Г. Вормсбехер выдвигал еще более десятка лет назад, когда предложил организовать массовое переселение российских немцев на территорию Центральной России, где они в сколько-нибудь значимом количестве никогда прежде не проживали. Наше решительное неприятие этой идеи мотивировалось двумя основными причинами: а) она не имела под собой никакой правовой базы, б) российские немцы отнюдь не проявляли стремления к массовому переселению в этот регион и вообще в чужие для них места. Автор снисходительно замечал в ответ, что взамен всего этого у Союза российских немцев, который он тогда возглавлял, имеется на руках непобиваемый козырь: уже-де идут полным ходом успешные переговоры на данную тему с руководством едва ли не десятка областей Центральной России. Сегодня, десятилетие спустя, совершенно очевидно, чего стоили эти широковещательные заявления. Нынешняя реанимация данной идеи может увенчаться только аналогичным фиаско, поскольку выдвигавшиеся против нее возражения полностью сохраняют силу. В последние месяцы сам Г. Вормсбехер предложил еще одну вариацию своего давнего замысла, которая в обсуждаемый законопроект не вошла, но зато была озвучена на нашем июньском заседании. Слов нет, она чуть более реалистична: теперь, по крайней мере, речь не идет о Центральной России, и российских немцев, давно уже ставших преимущественно горожанами, предлагается сконцентрировать не в богом забытой сельской местности Нечерноземья, а вокруг неких крупных промышленных предприятий, которые должны быть построены специально для этой цели. Дело за малым: найти подходящих инвесторов и, разумеется, губернатора, готового в условиях катастрофической безработицы создать в своем регионе массу рабочих мест не столько для его жителей, сколько для

потенциальных переселенцев немецкой национальности. Если таковые паче чаяния отыщутся, можно будет попытаться предметно обсудить эту экстравагантную задумку.

5) Особое место занимают в законопроекте вопросы „социальной реабилитации“. Не потому, что здесь выдвинуты какие-то новые идеи (они-то как раз хорошо известны), а в силу тех весьма своеобразных аргументов, которыми эти идеи обставлены. Начнем с социальных льгот трудармейцам, которых предлагается уравнивать в данном отношении с ветеранами войны (ст. 7). В пояснительной записке эта мера мотивирована „условиями войны“, в которых российские немцы жили до 1956 г. (т.е. до отмены спецпоселения), и особой социальной уязвимостью трудармейцев. На моей памяти данная идея выдвигалась на различных форумах российских немцев множество раз, но подобной ее мотивировки я что-то не припомню. Оно и не удивительно: то, что сказано здесь о трудармейцах, трудно оспорить, но разве это относится только к ним? В „условиях войны“ (спецпоселения) в те годы жили практически все российские немцы. Вспомним хотя бы об ужасающей участи десятков тысяч немецких женщин, детей и стариков, повторно депортированных на Крайний Север. Кто возьмется утверждать, что они пострадали от войны меньше трудармейцев? Между тем никто никогда не предлагал предоставить людям этой категории, которые чудом дожили до наших дней, льготы ветеранов войны. Причина вполне очевидна: в отличие от них, трудармейцев объединяют с ветеранами не столько перенесенные страдания (чем их измерить?) и социальная уязвимость, сколько *статус военнослужащих*. Поскольку ни в законопроекте, ни в пояснительной записке об этом не сказано ни слова, напомним, о чем идет речь. Уже первый нормативный акт о создании „рабочих колонн“ (официальное название трудармии) - Постановление СНК СССР от 7.10.41 г. № 2130-972сс - поручает их формирование Наркомату обороны, причем из числа военнообязанных. Аналогичные положения содержатся и в актах о массовой мобилизации российских немцев в трудармию, начиная с Постановления ГКО от 10.01.42 г. № 1123сс: мобилизацию производил НКО (при участии других наркоматов), трудармейцы, как и обычные призывники, должны были являться на сборные пункты НКО с „кружкой, ложкой“ и т.д. Трудармейцы точно так же призывались по повесткам из военкоматов, и в трудовой книжке моего отца, к примеру, прямо написано: „Уволен в связи с призывом в РККА“. Как ни парадоксально, военнослужащими можно считать даже немецких женщин-трудармеек: из Постановления ГКО от 7.10.42 г. № 2383сс явствует, что этот порядок мобилизации распространялся и на них. Конечно, трудармейцы были более чем своеобразными военнослужащими: никакого оружия им не выдавали, под ружьем держали их самих. Но ведь под охраной находились, скажем, и солдаты штрафбатов, что, однако, не служит основанием для сомнений в их статусе военнослужащих. Особенность трудармейцев, как и этих людей, в том, что это были репрессированные военнослужащие. Вопрос о законности репрессий в отношении трудармейцев не так прост, как может показаться: их жизнь и деятельность регламентировались массой разного рода нормативных актов, и еще ни один специалист, насколько мне известно, не произвел исчерпывающего анализа этих актов на предмет их соответствия тогдашнему советскому законодательству. Совершенно ясно одно: содержание трудармейцев в „рабочих колоннах“ являлось противозаконным, по крайней мере, с 1945 г., т.к., согласно ряду постановлений ГКО, которые в тот период еще никто не отменял, трудармейцы подлежали мобилизации лишь „на все время войны“. Наши мудрецы из Оргкомитета I съезда немцев СССР, контактировавшие с М.С. Горбачевым, видимо, не сочли нужным довести до его сведения всю эту информацию (а может быть, и сами ею не владели), результатом чего явился известный Указ Президента СССР от 21.06.91 г., носивший не только откровенно оскорбительный, но и несправедливый характер: согласно нему

трудоармейцам, „добросовестно трудившимся“ фактически в концлагерях, выдали всего-навсего медали „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.“, смешав этих репрессированных военнослужащих со всеми прочими тружениками тыла и не обратив никакого внимания на их особый статус.

б) Весьма неубедительно освещены в законопроекте и вопросы, связанные с образованием российских немцев (ст. 7). В пояснительной записке справедливо отмечается, что его уровень „был опущен репрессиями“ 40-50-х гг. Но это очевидно для нас, немцев, а отнюдь не для любого, кому может попасть в руки подобный документ. Между тем авторы ничем не подкрепили данное утверждение, хотя некоторые документы на этот счет давно опубликованы (например, строго секретное Постановление ЦК КП(б) Казахстана от 28.05.52 г., резко ограничившее прием спецпоселенцев в вузы республики). В финансово-экономическом обосновании авторы приводят данные переписи населения 1989 г., показывающие значительное отставание российских немцев от среднего уровня образования в стране. Однако известно, что резкое падение образовательного уровня наших немцев наметилось уже в первые годы советской власти. Не составляют секрета и его причины - отпадение от России ряда территорий, где немецкое население имело довольно высокий уровень образования; массовая эмиграция образованных горожан; препоны для получения образования, чинившиеся большевиками по „классовому“ признаку; глубокий кризис образовательной системы, в частности системы национального образования, в тот период (применительно к АССР НП последний фактор освещен в работах А. Германа). Так откуда же следует, что указанное отставание, зафиксированное в 1989 г., в первую очередь явилось результатом не этих факторов, а репрессий 40-50-х гг.? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проследить динамику образовательного уровня за достаточно длительный период, чего у авторов нет и в помине. Проштудировав всю опубликованную на этот счет официальную статистику, я могу утверждать, что получить информацию об этой динамике не так-то просто, но при желании можно. Данные об уровне образования российских немцев дают три переписи населения - 1897, 1939 и 1989 гг. Эти сведения не вполне сопоставимы (перепись 1897 г. отразила только образование выше начального; за 1939 г. опубликованы лишь данные по АССР НП, где, правда, жила значительная часть немецкого населения страны), но для наших целей они пригодны. Материалы остальных переписей населения здесь, к сожалению, не помогут. Так, в 1926 г. фиксировалась лишь грамотность, а не уровень образования; опубликованные данные об образовании российских немцев за 1970 и 1979 гг. относятся к Казахстану, но не к РСФСР.

7) Предусмотренное в законопроекте добровольное массовое переселение российских немцев в места компактного проживания, естественно, невозможно без серьезной государственной поддержки. В связи с этим авторы предлагают оказывать такую поддержку, взяв за образец Постановление Совета Министров РСФСР от 10.09.90 г. № 351 „О добровольном переселении граждан в Еврейскую автономную область“ (ст. 10). Это предложение я считаю серьезной ошибкой, дискредитирующей саму идею переселения немцев. В начале 1992 г., в полемике с ныне покойной Г.В. Старовойтовой, мне уже доводилось отмечать, что всякие аналогии между возвращением российских немцев в места своего исконного проживания на территории России и переселением евреев в искусственно созданную Сталиным на Дальнем Востоке Еврейскую автономную область, по меньшей мере, неуместны (желающие узнать подробности могут обратиться к книге „Прощальный взлет“). В данном случае эта аналогия неуместна вдвойне, т.к. указанное постановление, насколько известно, никаких значимых практических последствий не возымело. У нас тем более нет оснований ссылаться на подобные мертворожденные документы, поскольку хорошо

известны реальные, а не надуманные процессы массового возвращения репрессированных народов в места прежнего проживания. Я имею в виду балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, чеченцев (50-е гг.), а также крымских татар (90-е гг.). При этом государство, подвергшее данные народы, как и российских немцев, противозаконной депортации, оказало процессу их возвращения в родные места весомую материальную поддержку. Соответствующие документы давно опубликованы, и их, конечно, следует использовать для обоснования законопроекта о реабилитации российских немцев. Эти акты как раз могут явиться для нас серьезным подспорьем: на их фоне дискриминация немцев - единственного крупного русского народа, до сих пор не дождавшегося своей политической и территориальной реабилитации, выглядит особенно очевидной и вопиющей.

Думаю, вышеизложенное достаточно ясно свидетельствует о несостоятельности рассмотренного законопроекта во всех его основных пунктах. Поэтому, на мой взгляд, не может быть и речи о том, чтобы он лег в основу нашей работы. Его значимость для нас в другом: он, так или иначе, затрагивает многие проблемные моменты такой работы, обозначает „подводные камни“, с которыми она сопряжена. И за это мы, конечно, должны быть благодарны его авторам.

После этого анализа я считаю уместным и необходимым обратиться к другому документу, который действительно является основой основ при работе над нашим законопроектом. Имеется в виду, конечно же, Закон о реабилитации. На мой взгляд, одна из основных причин неудачи авторов обсужденного законопроекта в том и состоит, что они совершенно недостаточно разобрались в этом важнейшем документе или просто не считали нужным им руководствоваться. Нам никак нельзя допустить повторения этой ошибки.

По случаю данной работы я вновь тщательно проанализировал Закон о реабилитации и пришел к твердому убеждению, что все его содержание опирается на два основополагающих принципа: а) реабилитация репрессированных народов состоит в восстановлении, насколько это возможно и уместно, того статус-кво, которое существовало до их депортации; б) ущерб, причиненный этим народам в результате репрессий против них, должен быть возмещен государством.

Я не раз сталкивался с неоднозначным восприятием этих принципов, как и самого Закона о реабилитации, в общественном сознании. В связи с этим хотел бы подчеркнуть следующее: если выяснится, что в рабочей группе комитета Госдумы или в нашем творческом коллективе данные принципы вызывают неприятие, то нам лучше сразу отказаться от работы над законопроектом. Толку от нее в этом случае заведомо не будет. Если же мы, как хотелось бы надеяться, договоримся „на берегу“, что будем твердо руководствоваться Законом о реабилитации, то тогда (и только тогда!) имеет смысл приступать к намеченной работе. Я уже отмечал на нашем июньском заседании, что самое опасное в данной работе - оказаться в плену собственных прожектов и фантазий вместо того, чтобы опираться на Закон о реабилитации и, разумеется, на все ныне действующее российское законодательство. Подобное, увы, не раз случалось в прошлом, примером чего может служить и только что проанализированный законопроект.

Опора на закон означает и использование принятой им терминологии, нравится нам она или нет. К сожалению, в этом отношении грешит даже эксперт Госдумы Л.В. Андриченко. Так, в п. 6 своего заключения он, пытаясь опровергнуть разработчиков предыдущего законопроекта, без обиняков заявляет, что политическая реабилитация российских немцев, якобы, уже имела место, „поскольку акт реабилитации всех репрессированных народов (прежде всего, политической) состоялся еще в 1991 году“, с принятием Постановления Верховного Совета СССР от 7.03.91 г., законов „О

реабилитации репрессированных народов“ и „О реабилитации жертв политических репрессий“. С этим выводом совершенно невозможно согласиться. Освежив в памяти тексты всех этих документов, уважаемый эксперт мог бы без труда обнаружить, что термин „политическая реабилитация“ фигурирует только в одном из них - Законе „О реабилитации репрессированных народов“, причем используется там в весьма нетрадиционном смысле. Последнее обстоятельство, признаться, смущало меня после выхода Закона о реабилитации довольно долго: я, как и другие граждане, привык к иному использованию этого термина. Это и понятно - все мы могли слышать и читать лишь о политической реабилитации отдельных репрессированных лиц. Понятие „политическая реабилитация“ применительно к целому репрессированному народу до 1991 г. практически отсутствовало, ни в одном официальном документе оно не фигурировало. Закон о реабилитации был первым (и остается единственным) законодательным актом, устанавливающим, что это понятие означает. С тех пор, насколько мне известно, оно фигурировало лишь в двух законодательных актах - Постановлении Верховного Совета РФ от 1.04.93 г. № 4721-1 „О реабилитации советских корейцев“ и Постановлении Верховного Совета РФ от 29.06.93 г. № 5291-1 „О реабилитации российских финнов“, причем в обоих случаях использовалось в точном соответствии со ст. 8 Закона о реабилитации. Принципиальное отличие российских немцев от этих двух репрессированных народов состоит в том, что мы имели ранее свое незаконно упраздненное национально-государственное образование - АССР немцев Поволжья. Поэтому, если речь идет о политической реабилитации, то к нам, согласно Закону о реабилитации, применяется его ст. 7, а не ст. 8. А ст. 7 подразумевает под политической реабилитацией только одно - восстановление незаконно упраздненных национально-государственных образований. АССР НП, в отличие от всех остальных подобных образований, так и не восстановлена - следовательно, авторы предыдущего законопроекта были абсолютно правы, констатировав в пояснительной записке, что российские немцы политически до сих пор не реабилитированы. Но они нагрелись в отношении закона и терминологии еще больше критика-эксперта, введя в текст своего законопроекта термины, отсутствующие в Законе о реабилитации („моральная реабилитация“, „экономическая реабилитация“), и использовав ряд других („политическая реабилитация“, „территориальная реабилитация“, „социальная реабилитация“, „культурная реабилитация“) в существенно ином смысле, чем этого сделано в данном законе. Думаю, уже по этой причине их законопроект не имел никаких шансов на принятие.

Мы, конечно, не должны следовать по этому заведомо тупиковому пути, и не только потому, что в результате рискуем предстать в качестве людей, невежественных в правовом отношении или игнорирующих действующее законодательство. Как я постараюсь показать в дальнейшем, интересы российских немцев и не требует никакой правовой отсебятины с нашей стороны: для отстаивания этих интересов вполне достаточно твердо стоять на почве Закона о реабилитации.

Кроме того, я убежден, что, приступая к работе над законопроектом, мы должны избегать бесплодных гаданий на тему „примут - не примут“. Едва ли кто-то сможет со стопроцентной точностью предсказать, какие пункты нашего законопроекта будут иметь шансы на прохождение в нынешней Госдуме, а какие - нет. Тем более никому не известно, как сложится ситуация в этом отношении завтра или послезавтра. Наша задача - не в том, чтобы подстроиться под какие-то конъюнктурные политические веяния, а в том, чтобы четко и юридически грамотно изложить, что понимают под своей реабилитацией как народа сами российские немцы. А уж как отреагирует на наши предложения рабочая группа комитета Госдумы и тем более Госдума как таковая - это, по большому счету, зависит не от нас.

Приступая к изложению своих конкретных соображений по содержанию будущего законопроекта, хочу отметить, что Закон о реабилитации предусматривает следующие формы (или, лучше сказать, направления) реабилитации репрессированных народов: территориальная реабилитация (ст. 6), политическая реабилитация (в нашем случае - ст. 7), возмещение ущерба, причиненного народу со стороны государства (ст. 9), социальная реабилитация (ст. 10), культурная реабилитация (ст. 11).

Убежден, что в законопроекте должны найти отражения все эти направления без изъятия - иначе попросту не приходится говорить о преодолении многолетних репрессий в отношении нашего народа, о том, что он имеет все необходимые условия для самосохранения и дальнейшего развития как один из самобытных российских народов, проживающий на территории России более двух веков. Такую позицию выразили все наши представительные и легитимные национальные съезды, проходившие в 90-х гг., и у нас нет ни полномочий, ни оснований ставить ее под сомнение. С другой стороны, я считаю, что отражение в законе всех этих направлений реабилитации не только необходимо, но и достаточно для нас. Нам нет никакой нужды изобретать дополнительные формы реабилитации, не предусмотренные Законом о реабилитации: положения этого закона являются достаточно широкими и гибкими, чтобы на их основе можно было отразить все основные потребности, связанные с реабилитацией российских немцев как народа. Рассмотрим применительно к российским немцам перечисленные направления реабилитации в том порядке, как они зафиксированы в указанном законе.

1. *Территориальная реабилитация*, т.е. осуществление на основе волеизъявления российских немцев „правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения“.

Национально-территориальные границы, о которых здесь идет речь, - это границы АССР немцев Поволжья, немецких национальных районов, сельсоветов и отдельных населенных пунктов, существовавших на нынешней территории РФ в довоенный период. Эти границы подверглись антиконституционному насильственному изменению в результате депортации немецкого населения из большинства регионов Европейской части РСФСР (1941-42 гг.), а также ликвидации немецких национальных районов и сельсоветов (данный процесс протекал еще в 30-х гг., одновременно с ликвидацией соответствующих национальных образований других российских народов).

Мероприятия по восстановлению этих границ означают не что иное, как организованное добровольное возвращение депортированных российских немцев и их потомков в места исконного проживания и - на этой основе - восстановление насильственно ликвидированных немецких районов, сельсоветов (по современной терминологии - сельских поселений) и населенных пунктов. (Восстановление АССР НП представляет собой, согласно Закону о реабилитации, акт политической реабилитации и будет рассмотрено в п. 2.)

О чем конкретно идет речь? До войны на нынешней территории РФ существовали три немецких национальных района - Ванновский (Краснодарский край), Кичкасский (Оренбургская обл.), Немецкий (Октябрьский, Гальбштадтский) (Алтайский край). Осенью 1941 г. было депортировано население Ванновского района, ликвидированного к тому времени; население двух остальных немецких районов, также ликвидированных, не выселялось. Кроме того, существовал целый ряд районов, которые не считались немецкими, но где немцы составляли значительную часть населения. За пределами АССР НП и немецких районов имелось несколько сот немецких сельсоветов, география расположения которых весьма широка: Алтайский,

Краснодарский, Красноярский, Орджоникидзевский (ныне Ставропольский) края, Башкирская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Северо-Осетинская АССР, Воронежская, Иркутская, Куйбышевская (Самарская), Ленинградская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Саратовская, Сталинградская (Волгоградская), Тульская, Челябинская, Чкаловская (Оренбургская) области и др.

Отсюда видно, что уже до войны немецкое население было довольно сильно разбросано по территории России. Тем не менее, уровень его территориальной концентрации был существенно выше, а территорий компактного проживания немцев имелось несравненно больше, чем сегодня. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в РСФСР (без Крымской АССР) проживало 811,2 тыс. немцев, из которых в отдельных регионах насчитывалось: АССР НП - 366,7 тыс., Омская обл. - 59,8, Орджоникидзевский край - 45,7, Саратовская обл. - 43,0, Краснодарский край - 34,3, Алтайский край - 33,2, Ростовская обл. - 33,0, Сталинградская обл. - 23,8, Чкаловская обл. - 18,6, Ленинградская обл. - 12,8, Куйбышевская обл. - 11,1, г. Ленинград - 10,1 и т.д. Таким образом, в перечисленных 12 регионах проживало в целом 692,1 тыс. немцев, т.е. 85,3% немецкого населения России, в т.ч. в одной АССР НП - 45,2%. При этом на каждой из территорий компактного проживания за пределами АССР НП насчитывалось, как правило, не более нескольких тысяч немцев. Чуть больше немецкого населения имели только некоторые районы, главным образом национальные: Немецкий (Гальбштадтский) - 12,6 тыс. (1926 г.), Ванновский - 8,7 тыс. (1931 г.), Кичкасский - 5,5 тыс. (1931 г.).

Из приведенных данных очевидно, что даже максимально возможное возвращение немецкого населения в места его исконного проживания за пределами территории бывшей АССР НП (имевшее бы, безусловно, большое значение с точки зрения восстановления исторической справедливости) не может существенно изменить нынешний, преимущественно дисперсный характер расселения немцев в России, без чего сохранение российских немцев как этноса крайне проблематично. Это обстоятельство тем более ярко высвечивает значимость возвращения немцев в Поволжье. Здесь следует также отметить, что до войны в Саратовской и Сталинградской областях существовал ряд территорий компактного проживания немецкого населения, непосредственно примыкавших к АССР НП. С учетом этого фактора и вышеприведенных данных можно констатировать, что в этом небольшом регионе компактно проживала примерно половина немецкого населения России.

Противники возвращения немцев в Поволжье, как правило, мотивируют свою позицию тем, что это нереально, поскольку территория прежнего проживания немцев заселена, якобы, другими людьми. Подобные высказывания трудно расценить иначе, как злостную дезинформацию. Я уже не раз публично отмечал, что в действительности на территории бывшей АССР НП (не считая г. Энгельса) сегодня проживает примерно столько же ненемецкого населения, как до войны. Иначе говоря, за 60 с лишним лет после депортации немцев Поволжья их место в регионе так никто и не занял. Сохранившиеся исконно немецкие населенные пункты действительно заселены другими людьми, но ведь многие немецкие села и хутора просто исчезли с лица земли или уменьшились до жалких размеров. В итоге плотность населения осталась на том же уровне, как она была после депортации немцев в 1941 г.

Только создав условия для добровольного массового возвращения российских немцев в места прежнего проживания, прежде всего в Поволжье, можно всерьез говорить о восстановлении прежних национально-территориальных границ. Надо сказать, что со времени принятия Закона о реабилитации последний процесс сильно осложнился. Так, в Указе Президента РФ от 16.09.95 г. № 948 „О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов“

установлено, что территориальная реабилитация должна осуществляться с соблюдением порядка и условий, предусмотренных ст. 65, ч. 2; ст. 67, ч. 3; ст. 102, ч. 1, п. „а“ Конституции РФ. Это означает, что восстановление антиконституционно и насильственно измененных национально-территориальных границ поставлено в один ряд с изменением границ между субъектами РФ, а восстановление незаконно упраздненных национально-государственных образований - с образованием новых субъектов Федерации. В начале 90-х гг. мы не раз предупреждали своих оппонентов в нашем национальном движении, фактически взявших курс на затягивание процесса территориальной и политической реабилитации нашего народа, в тупиковости такого подхода, т.к. намеченное принятие новой Конституции РФ грозило перечеркнуть все надежды российских немцев на восстановление исторической справедливости. К сожалению, их деструктивная позиция не претерпела изменений, а наши опасения в значительной мере оправдались: рамки новой Конституции РФ, принятой в декабре 1993 г., оставили репрессированным народам лишь теоретическую возможность на восстановление национально-территориальных границ.

Как же в этих условиях может выглядеть статья нашего законопроекта, посвященная территориальной реабилитации российских немцев? Вопросы восстановления конкретных национально-территориальных границ в любом случае должны регулироваться не здесь: применительно к границам бывшей АССР НП - в законе о ее восстановлении, к границам воссоздаваемых национальных районов и сельсоветов (сельских поселений) - в законодательных актах соответствующих субъектов Федерации. Следовательно, остается одно - отразить в законопроекте важнейшую предпосылку, которая бы позволила решать подобные вопросы, - организованное возвращение российских немцев в места их исконного проживания. Речь идет о принятии принципиального решения на сей счет, а не о деталях этого процесса: урегулировать их - дело исполнительной власти РФ.

Говоря конкретнее, я считаю, что наш законопроект должен содержать поручение Правительству РФ о разработке в течение определенного времени государственной программы возвращения российских немцев на постоянное жительство в места их традиционного компактного проживания, прежде всего в Поволжье, рассчитанной на конкретный срок (скажем, на 5 лет). Прецеденты подобного рода имеются. Так, в 1990 г. Совет Министров СССР приступил к разработке аналогичной программы по крымским татарам; была подготовлена ее концепция, которая теперь опубликована. Как известно, далее в дело вмешался распад СССР, но это не свидетельствует о том, что тогдашнее правительственное решение было неверным. Напротив, в 90-х гг. крымско-татарское население действительно возвратилось в Крым, и государственная поддержка сыграла в этом процессе не последнюю роль. На мой взгляд, программа возвращения российских немцев в места традиционного компактного проживания на территории РФ должна предусматривать и содействие в возвращении немецкого населения, в свое время депортированного с данной территории и ныне проживающего за пределами России, прежде всего в странах СНГ.

Убежден, что только путем принятия и реализации подобной программы можно создать реальные условия для того, чтобы законодательные нормы о территориальной реабилитации не остались для российских немцев пустым звуком.

2. *Политическая реабилитация*, т.е. восстановление незаконно упраздненного национально-государственного образования российских немцев - Республики немцев Поволжья.

В последние десятилетия вокруг этой коренной проблемы российских немцев сломано столько копий, что к сказанному весьма непросто что-либо добавить. Пытаясь

подвести некоторые промежуточные итоги, можно констатировать следующее. Несмотря на все усилия национального движения российских немцев, со времени принятия Закона о реабилитации решение проблемы не сдвинулось ни на шаг. На территории бывшей АССР НП, насколько известно, по-прежнему проживает лишь несколько десятков тысяч немцев, причем в основном дисперсно. Все громогласные обещания властей о „поэтапном“ восстановлении АССР НП, закрепленные в ряде законодательных актов, остались пустым звуком. В то же время яростная „антиавтономистская“ (в действительности антинемецкая) кампания, организованная в конце 80-х - начале 90-х гг. в Поволжье местной партгосноменклатурой, давно сошла на нет - не только потому, что о предстоящем восстановлении АССР НП больше ничего не слышно, но и по той существенной причине, что кампания увенчалась весьма неприятным для „антиавтономистов“ сюрпризом: вместо покладистых немцев на эту территорию стали все активнее внедряться экспансивные сыны Кавказа. С другой стороны, пошла на спад также выездная горячка, заслонившая в умах многих российских немцев вопрос об автономии на Волге, и внимание к нему вновь стало нарастать. Не перевелись и немцы, желающие переселиться в родное - если не для себя, то для своих предков или просто соплеменников - Поволжье.

В данной ситуации, на мой взгляд, возникла необходимость и возможность взглянуть на проблему в несколько ином ракурсе, чем мы это делали 10-15 лет назад. Если будущий закон сдвинет с мертвой точки вопрос о территориальной реабилитации российских немцев (см. п. 1), то появятся и некоторые шансы на политическую реабилитацию нашего народа. Достаточно масштабное возвращение немцев на Волгу, если оно произойдет, позволит поставить вопрос о создании в регионе крупного немецкого национально-территориального образования (округа, района), которое при условии продолжения процесса переселения действительно может явиться этапом на пути к воссозданию немецкой автономии в Поволжье.

Информированный читатель вправе задать ехидный вопрос: дескать, принцип „сначала возвращение, затем автономия“ выдвигался вашими оппонентами в национальном движении российских немцев еще в начале 90-х гг.; вы решительно возражали против него тогда, почему же вы готовы согласиться с ним сейчас? Попытаюсь ответить.

Я считал и считаю, что плох не сам этот принцип, а то, что он выдвигался в то время нашими оппонентами в чисто демагогических целях, явно для того, чтобы любым способом отвлечь внимание и силы от первоочередной задачи - принятия законодательного акта о восстановлении АССР НП. Пресловутая Государственная комиссия по проблемам советских немцев во главе с бывшим саратовским партбоссом В.К. Гусевым, фактически - идейным вожаким поволжских „антиавтономистов“, функционировала около полутора лет - с февраля 1990 г. до августа 1991 г. В ней были представлены и наши оппоненты, и лозунг „сначала возвращение, затем автономия“ в основном звучал именно оттуда. Но за все это время „гусевская“ Госкомиссия так и не удосужилась не то что разработать обещанную ею „комплексную программу переселения советских немцев“, но даже представить сколько-нибудь вразумительную концепцию этой программы. Если после принятия нашего будущего закона дела в этом направлении пойдут таким же образом, то и результат, разумеется, будет тем же самым - нулевым, если не минусовым.

Далее, нельзя не учитывать, что само отношение российских немцев к такого рода вопросам заметно изменилось. В 1990-91 гг. они ощущали себя пассажирами тонущего корабля, каждодневно наблюдали вопиющую беспомощность и лживость властей, и поэтому в то время любого рода посулы на предмет переселения в Поволжье едва ли могли подтолкнуть их к такому шагу без единственной сколько-нибудь

надежной гарантии - предварительного принятия государственного акта о восстановлении АССР НП. Сегодня ситуация существенно иная - в результате определенной стабилизации обстановки в стране российские немцы чувствуют себя несколько уверенней, становятся более предприимчивыми; с тех пор многие из них были вынуждены переселиться из нестабильной Средней Азии, а также из Казахстана в более привычную и надежную Россию, причем по большей части - без шансов на последующий выезд в Германию, и поэтому они ищут для себя места под солнцем на российской земле. К тому же, наслушавшись рассказов очевидцев о неуклонном ухудшении условий приема наших переселенцев в Германии, многие российские немцы попросту охладели к идее выезда туда.

Все это, вместе взятое, и позволяет нам по-новому ответить на вопрос о соотношении переселения в Поволжье и восстановления там нашей автономии.

Подытоживая сказанное, я предлагаю, чтобы тематика политической реабилитации была представлена в нашем законопроекте статьей примерно такого содержания: „По мере реализации на территории Поволжья Государственной программы возвращения российских немцев на постоянное жительство в районы их традиционного проживания, создания там для них мест компактного поселения считать необходимым создание на территории, заселяемой немецкими переселенцами, национально-территориального образования российских немцев, в качестве этапа на пути к восстановлению немецкой автономной республики в Поволжье“.

3. *Возмещение ущерба*, причиненного российским немцам со стороны советского государства в результате репрессий.

В тексте Закона о реабилитации не уточняется, о каком именно ущербе идет речь. Поскольку, однако, последующие статьи закона, посвященные культурной и - в особенности - социальной реабилитации, сформулированы в его тексте весьма узко, нам ничего не остается, как сформулировать данную статью достаточно расширительно. Это тем более правомерно, что государственные репрессии действительно нанесли российским немцам громадный и чрезвычайно многообразный ущерб.

Исходя из изложенного, я считаю, что к данной статье закона следует отнести и меры по повышению образовательного уровня российских немцев, которые у авторов предыдущего законопроекта фигурируют под названием „социальная реабилитация“. Конечно, ущерб в этой сфере был нанесен репрессиями, как правило, не тем людям, образовательный уровень которых сегодня остро нуждается в повышении, а их отцам и дедам. Но низкий уровень образования, как известно, имеет тенденцию самовоспроизводиться: в малообразованных семьях, в силу недостатка средств, а также потребности в образовании, чаще всего вырастают и недостаточно образованные дети.

Но основное содержание этой статьи - меры по возмещению материального ущерба, которые наши предшественники охарактеризовали термином „экономическая реабилитация“. В данном случае речь идет, конечно, о коллективном ущербе - индивидуальный материальный ущерб лицам, пострадавшим от сталинских репрессий, должен возмещаться на основе закона от 18.10.91 г. № 1761-1 „О реабилитации жертв политических репрессий“. Урегулированию этого вопроса посвящен даже отдельный Закон РФ от 1.07.93 г. № 5303-1 „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов"“.

При всей значимости данной статьи мы не должны, на мой взгляд, заходить в наших требованиях на этот счет слишком далеко. Дело не только в том, что ресурсы, выделяемые госбюджетом на социальные нужды, в наше время крайне ограничены. Мы должны помнить, что немцы - далеко не единственный российский народ, подвергшийся репрессиям по национальному признаку, и соразмерять свои требования

с тем объемом средств, которые выделялись или выделяются на подобные цели другим репрессированным народам.

4. *Социальная реабилитация*, т.е. пенсионные льготы за время пребывания на спецпоселении (в местах ссылки).

Термин „социальная реабилитация“ используется в законе лишь в этом ограниченном смысле, и общая пенсионная льгота для всех представителей репрессированных народов (период пребывания в местах ссылки засчитывается в трудовой стаж в тройном размере) в тексте закона уже предусмотрена. Поэтому я предлагаю включить в текст данной статьи законопроекта лишь наше традиционное предложение о приравнивании трудармейцев по социальным льготам к ветеранам войны, учтя те соображения по этому поводу, которые были высказаны мною выше.

5. *Культурная реабилитация*, т.е. комплекс мер по восстановлению духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей российских немцев, а также по возвращению немецким населенным пунктам и местам проживания прежних исторических названий, которые были незаконно отторгнуты у них в годы советской власти.

Возможный перечень мер в этом направлении достаточно хорошо известен и едва ли требует особых комментариев с моей стороны. Хотел бы сказать несколько слов лишь по поводу возвращения прежних исторических названий. Их конкретный перечень в данном законопроекте, конечно, неуместен. Мы должны отразить в нем лишь общий принцип: следует восстанавливать немецкие названия тех населенных пунктов и пр., где российские немцы проживают в настоящее время или куда они будут возвращаться в дальнейшем. Все это должно делаться, естественно, с учетом мнения их жителей. В случае возникновения вопросов по поводу названий я, надеюсь, смогу быть полезен, т.к. за годы исследовательской работы собрал обширный свод данных о географических названиях, связанных с проживанием немцев в России.

II. О законопроекте „О самоорганизации российских немцев“

Данный законопроект в концептуальном отношении, конечно, несравненно проще предыдущего и, в отличие от него, едва ли может вызвать полное неприятие со стороны экспертов или депутатов Госдумы. На нашем июньском заседании я уже отмечал, что если бы разработке и принятию такого закона не воспрепятствовали некоторые люди из рядов самих российских немцев, то он вполне мог быть принят в 1995-96 гг., когда по заказу Миннаца рабочая группа при Совете немцев России подготовила Программу самоорганизации немцев РФ, необходимость которой отметила Межправительственная российско-германская комиссия по проблемам российских немцев. В тот период уже было ясно, что „Протокол о сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством ФРГ с целью восстановления государственности российских немцев“, подписанный 10.07.92 г., как и законодательно-нормативные акты, принятые в этом направлении российскими властями, в основном так и останутся на бумаге, и власти двух стран испытывали ощутимую неловкость, если не чувство вины перед российскими немцами. Это обстоятельство, на мой взгляд, сыграло немалую роль в том, что власти весьма охотно ухватились за идею самоорганизации российских немцев, выдвинутую и разработанную нашим национальным движением в 1991-95 гг. Они явно стремились продемонстрировать, что готовы решать хотя бы те наши национальные проблемы, которые напрямую не связаны со щепетильной тематикой восстановления немецкой автономии на Волге.

Сегодня ситуация в этом смысле значительно хуже. России не предстоят президентские выборы, в преддверии которых можно обыграть проблему российских немцев в популистских целях, как это было в 1996 г. Власти двух стран, без особого успеха попытавшиеся подступиться к данной проблеме, используя при этом явно негодные методы, ведут себя подобно капризному ребенку, спешащему избавиться от надоевшей и навевающей неприятные воспоминания игрушки, которую он сам же и сломал. Иными словами, в политике двух государств проблема российских немцев сознательно отодвигается на второй план. С другой, однако, стороны, проблематика самоорганизации ничуть не утратила своего значения для нашего народа, и уже поэтому мы должны еще раз попытаться добиться ее законодательного урегулирования.

Здесь моя задача гораздо проще, чем в предыдущем случае, т.к. непосредственные разработчики закона могут воспользоваться не только соображениями нашего творческого коллектива, но и опубликованными нами в 1996 г. документами - проектом Программы самоорганизации немцев РФ и моей обширной пояснительной запиской к нему. Эти документы не доведены до стадии текста соответствующего законопроекта (такая задача перед нами в то время и не ставилась), но для опытных специалистов, на мой взгляд, не составит особого труда подготовить такой законопроект на их основе. Поэтому я ограничусь краткой характеристикой представленных нам для анализа законопроектов по данному вопросу. На этот раз их два, они имеют одинаковые названия, и для того, чтобы их различать, я буду называть более краткий из них (4 стр.) Проектом № 1, а более объемистый (7 стр.) - Проектом № 2.

Проект № 1 в целом соответствует концепции вышеупомянутой Программы самоорганизации и, на мой взгляд, может быть взят за основу при подготовке соответствующего законопроекта. Он нуждается лишь в редакции и небольшой доработке:

а) в ряде статей, характеризуя систему самоорганизации российских немцев и относя к ней национально-культурные общества, авторы неправомерно сужают ее рамки - вместо этого следовало бы вести речь о любых общественных объединениях, создаваемых на основе законов „Об общественных объединениях“ и „О национально-культурной автономии“;

б) я бы предложил переработать преамбулу, носящую слишком общий характер: в ней следует отметить, что многообразная и разветвленная система самоорганизации российских немцев, полностью разрушенная в годы советской власти, к настоящему времени восстановлена лишь фрагментарно, и данный закон преследует целью создание условий для ее полного воссоздания с учетом современных требований и нынешнего положения российских немцев;

в) законопроект следует дополнить положениями Проекта № 2 о специальном представителе Президента РФ по делам российских немцев, назначаемом по представлению съезда российских немцев (ст. 6), и о возложении функции заказчика Федеральной целевой программы развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на фонд „Российские немцы“ (ст. 7);

г) законопроект содержит избыточное в данном случае положение о содействии государства депортированным российским немцам, членам их семей и потомкам в возвращении в места традиционного компактного проживания (ст. 5, п. „г“): на мой взгляд, оно уместно не здесь, а в статье „Территориальная реабилитация“ закона „О реабилитации российских немцев“ (см. выше);

д) слишком расширительна и формулировка п. „б“ ст. 5: упомянутую здесь государственную программу не следовало бы называть „программой реабилитации“ - о таковой (точнее, о программе возвращения депортированных российских немцев)

опять же уместно вести речь в статье „Территориальная реабилитация“ закона „О реабилитации российских немцев“.

Проект № 2 во многом, в т.ч. текстуально, совпадает с предыдущим проектом. Он тоже может быть взят за основу при работе над законопроектом, причем:

а) его преамбула требует коренной переработки в соответствии с содержанием данного закона (см. выше) - в приведенном виде она явно уместна не здесь, а в законе „О реабилитации российских немцев“;

б) ст. 2 избыточна, и к тому же некоторые ее формулировки (особенно пункт „самоорганизация российских немцев“) попросту неясны;

в) как и в Проекте № 1, формы общественных объединений здесь непропорционально сужены до рамок национально-культурных обществ;

г) если мы намерены добиваться внесения изменений в федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ“ для отражения особенностей национальных муниципальных образований, то не следует утверждать, что последние формируются лишь на основе законодательства субъектов РФ (ст. 10);

д) п. „в“ ст. 11 о противодействии выезду российских немцев экономическими мерами, на мой взгляд, нереалистичен и к тому же имеет весьма отдаленное отношение к проблемам самоорганизации.

Если по ходу дела выяснится, что Госдума не готова обсуждать и принимать сразу два закона о российских немцах - „О реабилитации российских немцев“ и „О самоорганизации российских немцев“, то нам следует снять последний, отразив основные его положения в статьях „Возмещение ущерба“ и „Культурная реабилитация“ первого закона, но ни в коем случае не отказываться от законопроекта по реабилитации.

III. Об изменениях и дополнениях к закону „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“

Стремление дополнительно отразить в данном законе вопросы создания и функционирования национальных муниципальных образований (районов, сельских поселений и т.д.) вполне понятно - вопрос этот до сих пор остается открытым. Так, наши два современных национальных района существуют уже более 10 лет, но их статус, насколько мне известно, закреплялся в этот период лишь Временным положением о национально-территориальных образованиях в Российской Федерации. На ненормальность этой ситуации я обращал внимание еще на нашем III общенациональном съезде в 1993 г.

Ясно и то, что отражение такого типа вопросов уместно в данном законе только в одном месте - главе 11 „Особенности организации местного самоуправления“. В 4-х статьях этой главы регулируются особенности местного самоуправления на разного рода специфических территориях, причем в трех случаях это осуществляется за счет отсылки к соответствующему федеральному закону и лишь в одном, где речь идет о городах федерального значения, - непосредственно (ст. 79). Наши национальные муниципальные образования, конечно, трудно поставить в один ряд с Москвой и С.-Петербургом, и подробно отражать проблемы их функционирования в данном основополагающем законе никто не будет, тем более что в его тексте содержатся лишь туманные намеки на возможность существования подобных образований. Я имею в виду ст. 1, п. 2, где отмечено, что местное самоуправление строится с учетом „исторических и иных местных традиций“, и ст. 3, п. 2, где гражданам гарантируются равные права на осуществление местного самоуправления независимо от

национальности. Остается, следовательно, одно - попытаться разработать особый законопроект о национальных муниципальных образованиях.

Эту работу нет нужды начинать с чистого листа. Дело в том, что в свое время уже был подготовлен проект федерального закона „Об общих принципах местного национально-территориального самоуправления“. Я анализировал этот документ и 17.04.95 г. даже написал на него отзыв (опубликован в моей книге „Десять лет в "Возрождении"“). У меня нет сведений о том, по каким причинам этот законопроект так и не стал законом, но я уверен, что это произошло не потому, что он был составлен недостаточно компетентно. Напротив, законопроект показался мне весьма продуманным и проработанным, что я и отразил в своем отзыве. С другой стороны, примерно в это же время по Госдуме курсировал известный законопроект „О национально-культурной автономии“ - гораздо более слабый и непроработанный, подвергнутый многими, включая и меня, уничтожающей критике, однако ставший законом уже в 1996 г.

Поэтому я бы посоветовал рабочей группе комитета Госдумы: прежде чем браться за данную работу, попытайтесь выяснить судьбу указанного законопроекта. Боюсь, что он не был принят только потому, что тогдашние депутаты в принципе отвергали подобный закон. И для этого, если вдуматься, имелись определенные основания. В самом деле, в то время в РФ существовало лишь два национальных района - наши известные немецкие районы. С тех пор, насколько я знаю, новые подобные образования не создавались. Это, конечно, не может быть случайностью. Невозможно представить, что ни у одного российского народа (скажем, у многочисленных татар, компактно проживающих в Башкирии) не возникало желания создать свои национальные районы. Скорее всего, власти решили, что двух немецких районов с них вполне достаточно и запускать законодательный механизм „национал-муниципализации“ им совершенно ни к чему. Если это действительно так, то нетрудно предсказать, что любые попытки законодательного регулирования статуса национальных муниципальных образований имеют мало шансов на успех.

Сентябрь 2004 г.

**К СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ
НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ**

Доклад на конгрессе

Федералистского союза европейских национальных меньшинств

Бухарест, май 2005 г.

Прежде всего, хотел бы сердечно приветствовать вас всех от имени национальных меньшинств России.

В качестве избранного представителя немецкого национального меньшинства России я участвовал в мероприятиях ФСЕНМ с 1992 г., присутствовал на конгрессе в Гданьске и на нескольких встречах немецких меньшинств в Бад-Киссингене. При этом на меня всегда производила большое впечатление ясная последовательная позиция ФСЕНМ в отношении прав европейских национальных меньшинств, их мирного сосуществования на внутри- и межгосударственном уровне в демократической Европе.

Как известно, Россия испокон веков являлась многонациональным государством. Однако такого феномена, как демократическая политика в отношении национальных меньшинств, в нашей стране, к сожалению, не было никогда. В результате здесь все сильнее нагромождались нерешенные национальные проблемы, и это в существенной мере способствовало распаду Российской империи, а позднее и Советского Союза. Когда в конце 1991 г. распался СССР, и Российская Федерация внезапно стала независимым государством, она оказалась перед лицом целой массы весомых национальных проблем. Хотел бы назвать лишь самые важные из них.

Во-первых, это государство могло считаться федерацией только по своему названию. В действительности субъекты Федерации во всех своих важных функциях были строго подчинены центральной власти. Это касалось, в частности, т.н. национальных автономий, в результате чего их народы практически были лишены возможности свободного самостоятельного развития. Во-вторых, национальные меньшинства, лишённые автономий, находились в еще худшем положении. Не допускалось создания ни политических структур, ни общественных объединений, которые могли бы представлять и реализовать интересы этих народов. В-третьих, Сталин с 30-х годов, в основном в период Второй мировой войны, повелел лишить гражданских прав и депортировать целый ряд народов СССР. К ним принадлежали балкарцы, понтийские греки, ингуши, калмыки, карачаевцы, корейцы, российские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, финны-ингерманландцы, чеченцы и некоторые другие. Хотя уже Хрущев предпринял первые шаги по восстановлению прав этих народов, последовательное решение этой большой проблемы не было достигнуто и десятилетия спустя.

После прихода к власти М. Горбачева тогдашнему Советскому государству пришлось постепенно признать, что эта ситуация больше не может сохраняться в перспективе и требует срочного радикального изменения. Недовольство угнетенных народов становилось все громче; в некоторых союзных республиках СССР, особенно в Прибалтике, требовали полной независимости; на почве обострения национальных проблем произошло кровопролитие в Нагорном Карабахе, Средней Азии, Сумгаите, Баку, Вильнюсе и т.д. Многолетний партийный секретарь Горбачев проявил столь же мало понимания к проблематике национальных меньшинств, как и КПСС в целом.

Верхушка партии и государства приняла некоторые решения в этом направлении, но они в основном остались на бумаге, как это происходило и во многих других сферах деятельности Горбачева.

Ввиду явной беспомощности Горбачева Б. Ельцин уже в советский период перехватил политическую инициативу. В данной сфере это проявилось, прежде всего, в том, что в 1990 г. в Российской Федерации был создан специальный Комитет (позднее – Министерство) по делам национальностей. Во-вторых, парламент России во главе с Ельциным 26 апреля 1991 г. принял закон „О реабилитации репрессированных народов“, который мог бы представить собой подлинный поворотный пункт не только для перечисленных репрессированных народов, но и для всей национальной политики в стране. Согласно этому закону, в частности, должны были вновь получить свою автономную республику на Волге, антиконституционно и противозаконно ликвидированную Сталиным в 1941 г., и российские немцы.

Пока еще существовал СССР, в России были приняты и другие важные решения в этой сфере. Когда, однако, речь заходила об их практической реализации, от команды Ельцина слышалось только, что все соответствующие инициативы блокируются Горбачевым и его правительством. С 1992 г., когда Ельцин стал в России безраздельным хозяином, это оправдание отпало. Теперь российские власть имущие должны были показать, чего, собственно, стоят их демократические решения и обещания.

Начало более чем озадачило. 8 января 1992 г., когда первый российский президент посещал территорию бывшей Республики немцев Поволжья и находился по обыкновению в заметном подпитии, он фактически заявил перед толпой нынешних жителей (в основном, естественно, русских), что здесь никогда больше не должно быть немецкой автономии. Если немцы хотят жить в Поволжье, сказал Ельцин, то они могут получить участок на бывшем военном полигоне, и пусть, значит, обрабатывают эту начиненную снарядами землю, и Германия поможет. Вот так понимал Ельцин разрешение национальных проблем. Все народы России смогли немедленно узнать об этом, т.к. эта подстрекательская речь несколько раз передавалась по российскому телевидению.

Чтобы проводить подобную национальную политику, нужны были, разумеется, и соответствующие кадры. В ельцинский период в России сменилось с десятков министров по делам национальностей. Почти всех их я знал лично. Это были в основном функционеры, которые никогда ранее не занимались такими проблемами, а потому, естественно, не имели о них ни малейшего понятия. Среди них был и некий Н. Егоров, один из самых известных зачинщиков войны в Чечне. Тем не менее, до конца 1994 г. интенсивная бумажная работа в этой сфере продолжалась. В частности, Верховный Совет принял в 1993 г. постановления о реабилитации российских корейцев и финнов. Правда, эти акты появились без согласия и участия самих этих национальных меньшинств и уже поэтому не могли принести им подлинного возмещения ущерба. Все остальные репрессированные народы не удостоились и такой словесной реабилитации.

Тогдашняя бесплодная национальная политика была резко оборвана войной в Чечне. Официально в России в этой связи никогда не употреблялось слово „война“. Сначала эта безумная затея называлась „восстановлением конституционного порядка“. О какой именно Конституции идет речь, большей частью умалчивалось. Это и не удивительно, ведь 12 декабря 1993 г., когда проходило голосование по новой российской Конституции, Чечня вообще не принимала участия. К этому моменту здесь уже было провозглашено независимое государство, имевшее собственную

Конституцию. В Москве, естественно, и не думали о восстановлении порядка в соответствии с этой Конституцией, а из Чечни об этом вовсе не просили.

Сегодня эту войну чаще всего называют „противодействием исламскому терроризму (или экстремизму)“. Это столь же неясно и неверно. Лишь совершенно несведущие люди могут поверить, что эта цель действительно играла роль при развязывании войны в Чечне. Чеченское общество исконно являлось преимущественно светским, ислам никогда не имел здесь особого права голоса. А что касается терроризма, то в 1994 г. он имел в Чечне приблизительно такое же распространение, как и, к примеру, в Москве. Лишь после того, как Чечня была полностью разрушена войной и там выросло целое поколение, умеющее и желающее только воевать, здесь действительно в известной мере укоренились исламский экстремизм и терроризм. Но в этом повинны, прежде всего, зачинщики этой войны из Москвы. Им и следовало бы в первую очередь „противодействовать“.

Столь же мало в основе этой кровавой войны лежали сепаратистские тенденции. В 1991 г., когда было положено начало конфликту, в Чечне едва ли кто всерьез думал о независимом государстве. Чеченская элита хотела только быть „хозяином в своем доме“, т.е., прежде всего, распоряжаться здешними нефтяными источниками – единственными значительными природными ресурсами, которыми обладает эта маленькая слабо развитая горная страна. Однако это ни в коей мере не устраивало Москву, ведь там новая власть имущие как раз ревностно принялись присваивать все национальное достояние. Эта „патриотическая“ цель и послужила основной причиной пагубной войны.

Когда в 1996 г. первая чеченская война подошла к концу, в России опять нашлось время для национальной политики. В период этой передышки Российская Федерация была принята в Совет Европы. Российский парламент, со своей стороны, ратифицировал Европейскую рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств. 17 июня 1996 г., между двумя турами президентских выборов, российский президент утвердил Федеральный закон „О национально-культурной автономии“. Наряду с вышеупомянутым законом „О реабилитации репрессированных народов“, этот шумно разрекламированный акт должен был явиться символом ельцинской национальной политики. Он действительно стал символическим – но лишь в качестве убедительного примера пустословия в этой сфере. Согласно новому закону, народы России могли создавать „национально-культурные автономии“ – особого рода общественные объединения, которым была обещана государственная поддержка. Однако эти средства оказались очень скудными, т.к. у Ельцина хватало денег только на войну и, разумеется, на обогащение власть имущих и их фаворитов.

С лета 1996 г. до осени 1999 г. Ельцин не вел войны в Чечне, но это время он провел почти исключительно на больничной кровати. В этом состоянии он, конечно, больше не был расположен к национальной политике.

Политическому наследию, которое пришлось на долю нынешнего российского президента В. Путина при его приходе к власти, едва ли можно было позавидовать. Его два столь же активных, как и далеких от реальности предшественника оставили ему в основном руины и обломки. Во всяком случае, в области национальной политики это было именно так.

После того, как Путин был объявлен наследником Ельцина, новоиспеченный президент, прежде всего, сменил министра по делам национальностей. Не было похоже, чтобы Путин тем самым хотел положить начало новой национальной политике. Вновь назначенный министр был столь же некомпетентен, как и большинство его предшественников. Этот шаг Путина напоминал скорее объявление о банкротстве всей российской национальной политики. Подобные предположения

подтвердились довольно скоро, когда Путин упразднил само министерство по делам национальностей. Теперь в российской исполнительной власти больше никто не отвечал за национальную политику. Эта политика, если таковая вообще существовала, была доверена исключительно законодательной власти, где имеется соответствующий парламентский комитет.

Что означали эти меры Путина? В первую очередь, конечно, что у него не было концепции национальной политики. Это подтверждают и его действия в Чечне. Во время развязывания второй чеченской войны он еще не был президентом. Но в качестве тогдашнего премьер-министра Путин активно поддержал новую войну. Тогда ему, вероятно, представлялось, что российское правительство до сих пор не смогло восстановить „конституционный порядок“ в Чечне лишь потому, что этой цели добивались недостаточно решительно и энергично. В решительности (точно так же, как в типично советском пренебрежении к человеческой жизни) у него затем действительно не было недостатка, однако обещанная „нормализация“ все еще не достигнута.

Путин пришел в Чечню с той же идеей, которая имелась уже у Ельцина, – что проблемы этой земли должны решать сами чеченцы. Поскольку, однако, по Путину, речь может идти лишь о людях, послушных и верных Москве, эта концепция имеет мало шансов на успех. Убийство насажденного Москвой чеченского президента А. Кадырова 9 мая 2004 г. это вновь ясно подтвердило. Почти все авторитетные чеченцы либо отвергаются Кремлем как военные преступники (или недостаточно лояльные), либо давно живут в Москве и, конечно, не хотят возвращаться на свою разоренную оккупированную родину. Итак, чеченская проблема осталась для Путина столь же неразрешимой, как она долгое время была для Ельцина.

И, тем не менее, у Путина можно отметить явное отличие по сравнению с его предшественниками: будучи прагматиком, он мало склонен к фразеологии. Поэтому сегодня в России совсем немного говорят о планах и успехах в области национальной политики (не считая, конечно, Чечни). Но кое-что здесь все же происходит. В прошлом году, когда Путин во второй раз был избран президентом и его активность в различных областях заметно возросла, он создал и новое министерство регионального развития. Это – не министерство по делам национальностей, но некоторые задачи в данной сфере ему были поручены. Государственная Дума привлекает к соответствующей законотворческой деятельности знающих людей. Правда, пока что они компетентны не столько в практических вопросах, сколько в теории национальной политики, но раньше не было и этого. Недавно мы даже узнали, что в Думе намерены вернуться к давно обещанному, а затем совсем забытому законопроекту о реабилитации немецкого меньшинства России. Наши представители уже направили в Думу соответствующие предложения.

Если здесь действительно что-то изменится, если Россия обратится к многочисленным проблемам своих народов в демократическом духе, то возникнут определенные шансы на будущее и у нас, национальных меньшинств. Но для этого российская правящая элита должна занять совершенно иную политическую позицию. Нашим властью и имущим нужно, наконец, понять, что дальнейшее пренебрежение столь жизненно важными вопросами точно так же может угрожать распадом Российской Федерации, как это имело место в Российской империи и СССР.

Как раз несколько недель назад мы впервые услышали, что эту опасность осознают и в окружении Путина. Я имею в виду интервью Д. Медведева, главы Администрации президента, привлечшее в России большое внимание. Ведь там этот высокопоставленный чиновник сказал об угрозе распада нынешнего Российского

государства, хотя и не в связи с национальной политикой. Однако эти проблемы теснейшим образом связаны друг с другом.

Упрямое продолжение многолетней бесперспективной политики в Чечне все больше обостряет ситуацию и в приграничных республиках. Из Дагестана, Кабардино-Балкарии и т.д. уже почти ежедневно поступают тревожные сообщения о вооруженных столкновениях – как сообщается, с различными группами исламских экстремистов. Все чаще слышно о сторонниках таких сил из крупнейших национальных республик нынешней России – Татарстана и Башкортостана. Однако недовольство существующей ситуацией царит не только на Кавказе и в Поволжье. В результате многолетней дискриминации и пренебрежения в последние годы выехали в Германию более 2 млн российских немцев и членов их семей. Недавно США дали согласие на въезд турок-месхетинцев, которым не нашлось места ни в России, где они в основном проживали в последнее время, ни в Грузии, откуда они были депортированы Сталиным. Выездная лихорадка охватила евреев, а отчасти и другие народы. При этом не составляет исключения даже русский народ.

Эта тенденция, в сочетании с падением роста населения, ведет к быстрому уменьшению числа жителей во многих регионах. Особые опасения вызывает положение в Сибири и на Дальнем Востоке, т.к. здесь эти процессы развиваются на фоне быстрого роста населения в приграничных районах Китая и все более широкого нелегального проникновения китайских граждан на территорию России.

В этой резко изменившейся ситуации предстают в совершенно новом свете многие известные геополитические проблемы. Принадлежит ли, собственно, Россия к Европе? Следует ли России пытаться приблизиться к европейским социальным стандартам, или она должна идти совершенно особым (например, „евроазиатским“) путем? Где России, лишившейся в последние десятилетия почти всех своих союзников, искать новых? Насколько Европа заинтересована в сближении с Россией и вообще в дальнейшем существовании нынешнего Российского государства?

Свое личную позицию по этим проблемам я уже изложил на прошлогодней конференции по расширению ЕС в Травемюнде. Здесь я хотел бы в заключение, не вдаваясь в подробности, вкратце воспроизвести мои соответствующие тогдашние тезисы.

Во-первых, Россия, несомненно, принадлежит к Европе, и нынешнее российское руководство, как представляется, осознает это во все большей мере, хотя некоторые тенденции его политики, казалось бы, свидетельствуют скорее об обратном.

Во-вторых, для России жизненно необходимо перенять, насколько это возможно, достижения европейского общественного устройства, в частности – в сфере защиты национальных меньшинств, не отказываясь, разумеется, от своих достойных сохранения национальных особенностей.

В-третьих, страны ЕС – это важнейшие потенциальные союзники России.

В-четвертых, и Европа настоятельно заинтересована в радикальной позитивной перестройке своих отношений с Россией. Стабильное демократическое развитие России явилось бы для Европы большим плюсом, а нестабильность и, тем более, распад Российского государства, могли бы принести Европе и всему миру лишь неисчислимые бедствия.